МЕ
50
Е42

Н. Езерскій
бывшій членъ Государственной Думы.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

ПЕРВАГО СОЗЫВА.

Цѣна 80 коп.

ПЕНЗА.
Типо-Литографія Е. М. Грушецкой.
1907.

ME.50
E-42

Н. Езерскій
бывшій членъ Государственной Думы.

9(47):323.2
E-44

Государственная Дума

Перваго созыва.

480 К
29
90772к

ПОГАШЕНО
К.У.Т.Б. Ф.Б.К.А. Им. Сталина
Проверено 1987 г.

ПЕНЗА.
Типо-Литографія Е. М. Грушецкой.
1907.

2 экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
127850

Предисловіе.

Настоящій очеркъ дѣятельности перваго русскаго парламента не задается цѣлью представить полную исторію его. Авторъ желалъ изложить только общій ходъ работъ Думы и показать, какой непрерывной и неизбѣжной цѣпью развивались событія и въ частности ея конфликтъ съ министерствомъ. Въ интересахъ этой связности изложенія намѣренно опущены всѣ подробности, которыя не имѣли рѣшающаго вліянія на общій ходъ событій.

Авторъ не имѣлъ въ виду писать апологію какой-либо партіи и старался придать болѣе безпартійный характеръ своимъ заключеніямъ, чѣмъ это сдѣлалъ напр. проф. Локоть въ своемъ трудѣ о Государственной Думѣ. Въ главахъ о тактикѣ Думы и объ отдѣльныхъ партіяхъ въ ней читатель найдетъ критическія замѣчанія о каждой. Но, разумѣется, для непосредственнаго участника событій извѣстная субъективная окраска ихъ неизбѣжна. Остается пожелать, чтобы возможно больше бывшихъ членовъ Думы изложили итоги своихъ наблюденій, чтобы будущій историкъ могъ изъ всего матеріала сдѣлать вполнѣ объективный выводъ.

Мы не считали возможнымъ касаться въ этомъ изданіи выборгскаго эпизода, въ виду еще не оконченнаго судебнаго дѣла о немъ.

Цитаты изъ рѣчей депутатовъ провѣрены по оффиціальному стенографическому отчету сессіи Г. Д. изд. Государственной канцеляріи, какъ наиболѣе (хотя не безусловно) точному воспроизведенію думскихъ преній. Цифры, стоящія позади цитатъ въ скобкахъ, указываютъ страницы этого стенографическаго отчета.

Въ концѣ книги приложены нѣкоторые документы, особенно важные для исторіи Г. Думы и всѣ законопроэкты, внесенные въ Думу ея членами. Послѣдніе мы тѣмъ болѣе считали нужнымъ приложить, что въ оффиціальномъ отчетѣ они отсутствуютъ и такимъ образомъ для публики утрачены, а между тѣмъ они представляютъ наиболѣе цѣнный солидный матеріалъ для сужденія о достоинствахъ или недостаткахъ бывшей предметомъ столькихъ пристрастныхъ сужденій первой Государственной Думы.

Н. Езерскій.

Пенза.
Февраль 1907 года.

I.

Дума и революція.

Для того, чтобы опредѣлить мѣсто, занимаемое Государственной Думой перваго призыва въ ходѣ освободительнаго движенія, и сыгранную ею роль, необходимо отступить нѣсколько назадъ, и припомнить обстоятельства ея появленія на свѣтъ.

Съ самаго начала движенія, еще во время «весны» кн. Мирскаго, требованіе введенія въ Россіи народнаго представительства стало всеобщимъ, хотя въ рядахъ земской оппозиціи голоса раздѣлились, и меньшинство готово было удовлетвориться законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, а въ газетахъ конституція продолжала еще появляться подъ всевдонимомъ жены Константина. Впервые отъ лица всей страны это требованіе, впрочемъ еще въ формѣ всеподданнѣйшей просьбы, было заявлено въ знаменитой рѣчи кн. Трубецкого 6 іюня въ петергофскомъ дворцѣ. Извѣстно, во что обратился проэктъ народнаго представительства въ рукахъ булыгинской комиссіи: самъ Государственный совѣтъ счелъ необходимымъ внести въ него смягченія, напр., предоставилъ право голоса евреямъ и исключилъ назначеніе предсѣдателя Думы высочайшей властью. Не смотря на эти легкія уступки, законъ 6 августа вышелъ настолько негоднымъ, что никого не удовлетворилъ; рожденіе Думы не вызвало никакого отклика въ странѣ и, можетъ быть, тогда мало кто ожидалъ отъ Думы той роли, какую исторія судила ей сыграть, тѣмъ болѣе, что срокъ выборовъ опубликованъ не былъ, и была полная вѣроятность, что правительство надолго оттянетъ ихъ.

До 17 октября движеніе непрерывно наростало, правительственныя уступки и обѣщанія неизмѣнно запаздывали, а давленіе общества было дружнымъ; каждая неудача на

Дальнемъ Востокѣ подогрѣвала оппозицію, революціонныя организаціи не растратили еще своихъ силъ и смѣло шли въ бой. Октябрьская забастовка, составившая эпоху въ русской исторіи, добилась самыхъ существенныхъ уступокъ, но по внѣшности эти уступки были пріурочены къ той же Государственной Думѣ, о которой никто изъ забастовщиковъ не думалъ, не возлагалъ на нее надеждъ, какъ на народнаго защитника. Манифестъ 17 октября обѣщалъ расширеніе избирательнаго права въ сторону всеобщаго, расширеніе компетенціи Думы въ дѣлѣ надзора за законностью дѣйствій властей и содержалъ обязательство Верховной Власти не издавать ни одного закона безъ согласія Думы. Хилый младенецъ, рожденный 6 августа, началъ набираться силъ и расти. Но движеніе пошло уже дальше. Однихъ обѣщаній было мало, недовольно было и «расширенія» избирательныхъ правъ; только что одержанная побѣда внушала увѣренность въ силахъ революціи и желаніе использовать моментъ и сразу осуществить то, что составляло для боевыхъ элементовъ, участвовавшихъ въ движеніи, ихъ идеалъ. Самые уравновѣшенные изъ членовъ лѣвыхъ партій возбужденно заявляли, что на меньшемъ, чѣмъ учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, они не помирятся. Движеніе разрослось въ бурю. Въ моментъ, когда приливъ достигъ высшей точки, во время московскаго декабрьскаго возстанія, вышелъ законъ, предоставившій право голоса на выборахъ городскому пролетаріату и интеллигенціи, хотя все по той же системѣ, изобрѣтенной г. Булыгинымъ. Этотъ законъ до такой степени мало обратилъ на себя вниманія за шумомъ событій, что многіе только недѣлю спустя узнали о его существованіи. Но одновременно съ нимъ узнали и о совѣщаніи въ Царскомъ селѣ; стало извѣстно, что всѣ четыре дѣятеля, приглашенные не изъ бюрократическихъ сферъ, гг. Шиповъ, Гучковъ, бар. Корфъ и гр. Бобринскій, высказались за всеобщее голосованіе,—и на законъ 11 декабря справедливо взглянули не какъ на уступку, а наоборотъ какъ на реакціонную попытку дать народу возможно меньше. То, что онъ прибавилъ Государственной Думѣ, казалось слишкомъ незначительно, и доля участія интеллигенціи не была сразу оцѣнена по достоинству.

Возстаніе потерпѣло неудачу, началась тяжелая полоса реакціи, гр. С. Витте, ближайшій виновникъ манифеста 17 октября, умалился, Дурново возвеличился; послѣ растерянности ноября и начала декабря правительство стало чувствовать себя бодрѣе, конституціонные предразсудки потеряли для него всякую силу, и тѣ слуги, которые начинали уже колебаться, какому господину служить, опять укрѣпились въ вѣрности двадцатому числу. Твердыня оказалась прочнѣе, чѣмъ о ней думали шедшіе на приступъ, и весь расчетъ силъ былъ ошибоченъ. Больше того, въ самомъ обществѣ намѣтилась струя реакціи: дни свободы запугали, необычная рѣзкость рѣчей, широта предъявленныхъ требованій непріятно поразила благодушныхъ людей, думавшихъ, что революція пойдетъ только до той точки, до какой они бы желали. Непрерывный ростъ движенія и побѣда крайнихъ партій угрожали уже не только правительству; конечная цѣль движенія шла дальше конституціи, дальше республики, къ соціальному перевороту. Забастовки, фабричныя реформы, введенныя рабочими явочнымъ порядкомъ, аграрные погромы въ деревняхъ, кое-гдѣ захватъ власти крайними партіями съ конфискаціей оружія жителей, обложеніемъ населенія и проч. оттолкнули отъ движенія всѣ тѣ круги, которые въ глазахъ лѣвыхъ заклеймены титуломъ буржуазныхъ. Январь 1906 года былъ эпохой наибольшей реакціи за все время революціи. Воспользовавшись этимъ, правительство стало готовиться къ выборамъ. Передъ всѣми политическими партіями стала задача, какъ отнестись къ выборамъ, какъ использовать Думу и пользоваться ли ею вообще.

Крайнія лѣвыя только что выдвигали противъ этой Думы требованіе учредительнаго собранія, объявляли врагомъ народа всякаго, кто пойдетъ въ Государственную Думу. Уже два возстанія—въ Севастополѣ и Москвѣ—были подняты во имя этого учредительнаго собранія, и казалось, что пролитая кровь не позволяетъ отступиться отъ священнаго лозунга. Да въ первые мѣсяцы реакціи люди, захваченные движеніемъ, не думали, что эта реакція долга и прочна, не вѣрили, что правительство все еще бодро, не смотря на всѣ громы, сыпавшіеся на него. Дума, булыгинско-виттевская Дума,

казалась такимъ ничтожнымъ, презрѣннымъ обманомъ народа, что нельзя было унижать свое революціонное достоинство какимъ-либо участіемъ въ ней. На лѣвомъ флангѣ освободительнаго движенія былъ объявленъ бойкотъ Думы. Была ли хоть одну минуту надежда сорвать Думу? Или преобладало мнѣніе, что Дума выйдетъ столь никуда негодная, что погибнетъ подъ гнетомъ собственной бездарности и черносотенства? Скорѣе—послѣднее. Предстояло пережить краткій эпизодъ существованія куцаго, подтасованнаго правительствомъ парламента; чѣмъ короче будетъ этотъ эпизодъ, чѣмъ нелѣпѣе поведетъ себя фальсифицированное народное представительство, тѣмъ лучше: оно расчиститъ дорогу и прояснитъ народное сознаніе именно своей подтасованностью. И лѣвые рѣшились на актъ самоубійства, на бойкотъ, который имѣлъ смыслъ только при условіи, если бы масса приняла въ немъ участіе.

Такимъ образомъ, съ революціонной точки зрѣнія Дума была шагомъ не впередъ, а назадъ; введеніе народнаго представительства въ такой урѣзанной формѣ было не побѣдой, а пораженіемъ. Волна движенія въ декабрѣ 1905 г. разбилась, частью схлынула, и общее мнѣніе лицъ, наблюдавшихъ перемѣну въ настроеніи общества, было таково, что если бы правительство поторопилось собрать Думу въ январѣ, составъ ея былъ бы значительно правѣе, чѣмъ вышелъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ выборы въ Думу производились уже въ періодъ пониженія общественной температуры, производились подъ такимъ высокимъ давленіемъ, что никакого прока отъ нихъ ожидать, повидимому, было невозможно, и Дума до своего появленія на свѣтъ была объявлена оплотомъ не революціи, а реакціи.

Но рядомъ съ этимъ теченіемъ шло другое прямо противоположное. Подъ взволнованной поверхностью общественнаго моря шла работа въ глубокихъ слояхъ народа. Чуждый политикѣ, косный обыватель началъ втягиваться въ нее, деревня, взбудораженная аграрнымъ движеніемъ, зашевелилась. Забастовки, погромы, новыя мысли и рѣчи, какія несли съ собой городскіе люди и столичныя газеты, пробуждали умственную дѣятельность, безотрадное положеніе деревни становилось яснѣе ей самой. Однако, все, что лѣвыя партіи

предлагали народу, было такъ ново и чуждо, что коробило его въ живыхъ еще традиціонныхъ чувствахъ; тѣ средства, которыя рекомендовались крайними партіями, были уже отчасти испробованы и оказались безсильными. Строго согласно со всѣмъ своимъ прошлымъ, со своей психологіей, традиціями, предразсудками, народъ всей душой обратился къ предстоящей Думѣ, не только надѣясь, но твердо вѣруя, что Дума выручитъ, Дума отстоитъ его правое дѣло. Открытая борьба по многимъ причинамъ была совершенно не по плечу среднему русскому человѣку, а выборы напротивъ открывали вполнѣ мирный, законный путь политической дѣятельности. Всѣ низы русской націи съ упованіемъ смотрѣли на Думу, съ благоговѣніемъ шли къ урнамъ, часто съ крестнымъ знаменіемъ опускали записку. Дума дѣйствительно становилась національнымъ учрежденіемъ. Верхи общества, все, что не было безнадежно враждебно всякой идеѣ обновленія страны, съ такимъ же упованіемъ взирали на Думу, надѣясь въ ней найти успокоеніе и оплотъ отъ опасностей революціи; они дѣйствительно смотрѣли на нее съ той точки зрѣнія, которая лѣвыхъ заставляла обрекать Думу на бойкотъ. Каждая партія, кромѣ лѣвыхъ, шла съ надеждой на побѣду, ибо «великій незнакомецъ и молчальникъ»—русскій народъ еще не сказалъ своего слова, каждый имѣлъ право разсчитывать, что именно за нимъ пойдетъ масса, а нѣсколько реакціонное настроеніе ободряло правыя партіи. Врядъ ли какая-нибудь изъ партій шла такъ гордо и увѣренно на выборы, какъ союзъ 17 октября, несшій популярное еще знамя освободительнаго манифеста. Поставленная на распутьи между правыми и лѣвыми, но болѣе склоняясь влѣво, конституціонно-демократическая партія сама сперва какъ бы колебалась, какова будетъ роль Думы и ея собственная роль въ Думѣ, возможна ли, нужна ли будетъ тамъ органическая работа. Но въ одномъ вопросѣ не было колебаній,—что въ Думу итти надо. Первая практическая задача, какую пришлось рѣшать молодой партіи, была рѣшена правильно, какъ показали послѣдствія, и этому шагу она обязана блестящимъ началомъ своей политической карьеры.

Совокупность всѣхъ этихъ условій создала ей исключительно выгодное положеніе на выборахъ.

II.

Выборная кампанія.

Къ началу избирательной кампаніи, приблизительно въ серединѣ февраля, страхъ передъ всеобщей революціей значительно ослабѣлъ, красный призракъ поблѣднѣлъ отъ времени и отъ собственныхъ неудачъ, напротивъ, произволъ правительства сталъ расти пропорціонально уменьшенію опасности. Очевидно было желаніе вернуться на старый путь, обратить въ мертвую букву манифестъ, принципы котораго начали уже проникать въ сознаніе народа и изъ партійнаго лозунга обращаться въ національный символъ вѣры. Свѣжо было еще преданіе о разгромѣ на Дальнемъ Востокѣ; но мѣрѣ увеличенія сознательности росло недовольство старымъ порядкомъ, который не хотѣлъ умирать. Все это создавало ярко оппозиціонное настроеніе. Даже у тѣхъ, кто былъ запуганъ революціей, рождалось сознаніе, что предотвратить ее можно только путемъ своевременныхъ реформъ, а ихъ-то и не желало правительство. Вмѣсто амнистіи и умиротворенія послѣ побѣды оно стало сводить счеты съ противникомъ за всѣ грѣхи эпохи освобожденія. Чѣмъ большій кругъ лицъ захватывали репрессіи, тѣмъ шире становился и кругъ оппозиціи. Не традиціонный студентъ и интеллигентъ подвергался теперь преслѣдованію, а рядовой рабочій, подлинный пахарь: народъ почувствовалъ на себѣ самомъ всю тяжесть политическаго безправія.

Такимъ образомъ широкіе слои населенія были, если не революціонизированы, то отброшены въ оппозицію, когда открылась выборная кампанія.

Сообразно этому настроенію, избиратель сталъ оцѣнивать и партіи, выступавшія передъ нимъ. Всѣ крупныя пар-

тіи болѣе или менѣе заявляли свое недовольство правительствомъ; можно было опасаться, что обыватель запутается въ ихъ противорѣчіяхъ, что онъ потонетъ въ морѣ программъ, наконецъ, что личныя симпатіи будутъ руководить имъ больше, чѣмъ принципіальныя соображенія; можно было думать, что кампанія пройдетъ на лицахъ, а не на партіяхъ. Нѣкоторые, напр. г. Локоть, находятъ, что оно такъ и было. То, что намъ приходилось наблюдать, свидѣтельствуетъ о противоположномъ: въ довольно глухомъ городѣ Пензѣ, въ центрѣ земледѣльческой Россіи, выборщики проходили самые разнообразные, далеко неодинаково извѣстные жителямъ, а между тѣмъ они получали почти одинаковое число голосовъ только потому, что всѣ были включены въ одинъ списокъ—въ списокъ партіи народной свободы. Напротивъ, очень почтенные и извѣстные въ своей мѣстной сферѣ люди терпѣли пораженіе потому, что шли подъ знаменемъ другой партіи, а это знамя тогда еще имѣло нѣкоторый престижъ,—это былъ манифестъ 17 октября.

Группировка большинства избирателей вокругъ конституціонно-демократическихъ кандидатовъ объясняется какъ внѣшними обстоятельствами, такъ и внутреннимъ достоинствами партіи.

Несомнѣнно, что первые выборы въ странѣ, привыкшей къ общественной спячкѣ и безгласію, гдѣ быть конституціоналистомъ еще годъ-два тому назадъ составляло преступленіе, ставили населенію труднѣйшую задачу. Для совершенно новаго дѣла надо было выбирать людей, годныхъ именно для него, и надо было разобраться сразу въ тысячѣ вопросовъ, одновременно выдвинутыхъ революціей. Если обыватель справился съ этой задачей и не запутался окончательно, то это потому, что у него образовалась одна руководящая идея — покончить съ бюрократіей. Съ этой точки зрѣнія оцѣнивались и партіи, и лица. Всѣ детальные вопросы программы стушевались передъ этимъ главнымъ—за или противъ приказнаго строя. Противники к.-д. партіи справа старались перевести разговоръ, напр., на вопросъ объ автономіи Польши, думая, что въ чисто русской центральной губерніи избиратель испугается этого жупела. Ничуть не бывало, обыватель отнесся къ этому подвоху равнодушно. Не больше враждеб-

ности вызвало и равноправіе евреевъ: для людей, боровшихся за свое собственное равноправіе, слишкомъ очевидна была справедливость требованій подчиненныхъ Россіи націй. Крайнія правыя партіи никакого успѣха не имѣли, анекдотическій случай съ Гринмутомъ, получившимъ какъ будто на смѣхъ по всей Москвѣ одинъ голосъ, лучше всего характеризуетъ ихъ положеніе. Они сами еще до выборовъ были увѣрены въ своемъ пораженіи, не принимали дѣятельнаго участія въ предвыборной кампаніи, да и не понимали какъ съ этой заморской штукой справиться. Такъ же мало понимали это тѣ оффиціозные агитаторы отъ разныхъ «правопорядцевъ» и т. п., которые изрѣдка пробовали выскакивать на собраніяхъ. Про ошибочность тактики лѣвыхъ, т. е. бойкотъ Думы, мы уже говорили. Оставались среднія партіи, главнымъ образомъ, Союзъ 17 октября и к.-д. партія, которыя въ нѣкоторыхъ вопросахъ, казалось, говорили почти одно и то же, такъ что иные наивные люди удивлялись, отчего они ссорятся. Однако для внимательнаго наблюдателя видно было, что здѣсь то, да не то. Не столько въ рѣшеніи, сколько въ самой постановкѣ вопроса замѣчалась коренная разница: одна партія ставила ихъ ребромъ, другая—экивоками; вспомнимъ длинный споръ о томъ, стоитъ ли Союзъ за *равное* всеобщее голосованіе. Еще больше бросалась въ глаза разница въ обсужденіи вопросовъ, въ общемъ обликѣ обѣихъ партій. Обыватель требовалъ не просто признанія конституціоннаго режима, а энергичнаго отстаиванія его. И вотъ въ этомъ к.-д. партія имѣла неоспоримое преимущество передъ Союзомъ. Именно личное впечатлѣніе, неуловимое, психическое вліяніе тона рѣчей, характера програмныхъ требованій перетягивало симпатіи избирателей на сторону «кадетовъ». Несомнѣнно, крайніе лѣвые были еще гораздо рѣшительнѣе въ борьбѣ съ режимомъ, но для русскаго избирателя того времени они перехватывали черезъ край рѣзкостью своихъ рѣчей тамъ, гдѣ они выступали открыто; ихъ повышенное настроеніе было чуждо большинству, а требованіе бойкота Думы, которое они предъявляли, не могло имѣть ни малѣйшаго успѣха среди безпартійныхъ избирателей. Изъ всѣхъ партій, шедшихъ въ Думу, одна к.-д. вызывала въ избирателяхъ надежду, что она рѣшительно и крѣпко будетъ

стоять за народныя права; бойкость рѣчей на выборахъ, дружное сплоченное дѣйствіе, энергія въ распространеніи своихъ воззваній, не смотря на полицейскія препоны,—все это заражало избирателей вѣрой въ партію. Ничего подобнаго этому подъему духа и энергіи въ правыхъ партіяхъ не наблюдалось. Мало того, конституціонно-демократическая партія благодаря тому, что во главѣ ея стояли люди, близко знакомые съ западно-европейской конституціонной практикой, была лучше всѣхъ технически приспособлена къ выборной кампаніи, а составъ ея членовъ, по преимуществу интеллигентный, давалъ массу безплатныхъ и усердныхъ работниковъ. При оффиціальной численности вдвое и втрое менѣе, чѣмъ мѣстный отдѣлъ Союза 17 октября, отдѣлъ к.-д. партіи успѣвалъ сдѣлать гораздо больше, а та самая теоретичность ея программы, въ которой ее упрекали справа, помогала воспитывать политически обывателя, еще совершенно невѣжественнаго въ вопросахъ конституціоннаго права. Весьма значительное вліяніе на успѣхъ партіи имѣло конечно и то, что въ рядахъ ея стояли извѣстные мѣстные дѣятели, земскіе или изъ свободныхъ профессій. Тамъ, гдѣ Союзъ могъ выставить выдающихся кандидатовъ, какъ гр. Гейденъ или М. Стаховичъ, онъ былъ способенъ одерживать побѣды, но такихъ кандидатовъ у него было немного, а въ крупныхъ центрахъ и это не помогало: въ Москвѣ не могъ пройти подъ его флагомъ популярнѣйшій московскій земецъ Д. Н. Шиповъ.

Воспитаніе обывателя передъ выборами шло поразительно быстро. Приводя въ примѣръ ту же Пензу, характерную именно по своей удаленности отъ центровъ политической жизни, мы можемъ сообщить слѣдующія данныя, которыя иллюстрируютъ ходъ событій лучше всего. Если не считать маленькаго справочнаго листка, издававшагося по очень узкой программѣ въ Пензѣ нѣсколько мѣсяцевъ во время войны, въ Пензѣ не было частныхъ газетъ въ то время, когда кругомъ въ Россіи уже кипѣла борьба. Съ 1 января 1906 г. стала выходить небольшая газета К.-Д. направленія, хотя и не строго партійная. 8 января впервые опубликована была программа партіи, въ началѣ февраля состоялось первое учредительное собраніе мѣстнаго отдѣла партіи, 15 февраля раздались въ Пензѣ въ первый разъ политическія пренія, вызванныя лекціей

проф. Кизеветтера, спеціально для этой цѣли пріѣхавшаго въ Пензу. Разъѣзды столичныхъ лекторовъ были огромнымъ козыремъ въ рукахъ К.-Д. партіи; Союзъ 17 октября совсѣмъ не прибѣгалъ къ этому средству, да ему и посылать было почти некого. Тутъ, въ залѣ городской думы передъ многочисленной публикой впервые помѣрялись силами партіи, и побѣда осталась за «кадетами». Лица, сочувствовавшія Союзу, утѣшались тѣмъ, что мѣстные союзники спасовали только передъ столичнымъ свѣтиломъ. 12 марта состоялось первое предвыборное собраніе, но—увы—опять безъ успѣха для Союза; за нимъ еще три. На послѣднее, созванное К.-Д. партіей, союзники уже не явились вовсе. За недѣлю 12—18 марта настроеніе избирателей, сперва нерѣшительное, недовѣрчивое, воочію стало поворачивать въ сторону «кадетовъ». Правительство помогало съ своей стороны этой эволюціи опубликованіемъ бюджетныхъ правилъ 8 марта, послѣ котораго одинъ видный союзникъ съ отчаяніемъ говорилъ кадету: «Просто, хоть къ вамъ переходи!».

К.-Д. партія была единственной въ Пензѣ, отпечатавшей свои избирательные бюллетени. Избирательная комиссія наканунѣ выборовъ вечеромъ рѣшила считать ихъ сомнительными. Постановленіе грозило сорвать весь успѣхъ партіи. Въ ночь были отпечатаны контръ-извѣщенія съ просьбой къ избирателямъ передъ голосованіемъ переписать печатные бюллетени заново, и о томъ же предупреждали дежурившіе въ избирательномъ помѣщеніи члены К.-Д. партіи. Въ результатѣ изъ 1000 розданныхъ печатныхъ записокъ было опущено въ урну всего одиннадцать,—примѣръ партійной энергіи и дисциплины, который удивилъ противниковъ едва ли не больше, чѣмъ самая побѣда. Двое изъ кандидатовъ К.-Д. партіи получили абсолютное большинство, двое остальныхъ приближающееся къ этому количество голосовъ; разница между отдѣльными кандидатами не превышала 130 голосовъ; все представительство губернскаго города было кадетскимъ. Администрація и противники не сразу примирились съ этимъ фактомъ. Выборы были кассированы по ничтожнымъ поводамъ уѣздной избирательной комиссіей, но утверждены затѣмъ губернской. Промежутокъ нѣсколькихъ дней, протекшій между противоположными постановленіями

низшей и высшей инстанціи, обнаружилъ, насколько не случайно было полученное К.-Д. партіей большинство: созванное въ теченіе этой недѣли собраніе показало, какъ населеніе отнеслось къ попыткѣ кассировать его выборъ, а ходившіе по городу толки еще болѣе укрѣпили положеніе партіи и ея выборщиковъ. Между первыми политическими представителями города и его населеніемъ начала уже завязываться дружеская связь.

Вторая ступень выборовъ была внѣ вліянія городского населенія, но тѣмъ важнѣе была задача выборщиковъ. Такъ какъ на съѣздахъ землевладѣльцевъ въ большинствѣ прошли правые и такими же оказались многіе изъ представителей уѣздныхъ городовъ, крестьянство же было выбрано безсистемно, случайно, иногда по узелкамъ и жребію, то предстояла работа организаціи выборщиковъ отъ губерніи. За эту задачу пыталась взяться какая-то темная компанія, которую ставили въ связь съ полиціей, ибо во главѣ ея стоялъ провалившійся на выборахъ кандидатъ партіи правового порядка, чиновникъ пензенскаго полицейскаго управленія. Выборщикамъ-крестьянамъ разсылали по деревнямъ приглашеніе пожаловать на безплатную квартиру, водили ихъ въ трактиръ угощать водкой и пивомъ, якобы отъ имени городскихъ обывателей, распространяли всякія клеветы про выборщиковъ—кадетовъ, словомъ, разыгралась ерогинская авантюра. Успѣхъ ея былъ тотъ же, что у Ерогина, то есть никакого.

Четыре выборщика отъ губернскаго города принадлежали къ одной партіи и это очень облегчило работу. Всѣмъ выборщикамъ губерніи безъ исключенія были разосланы приглашенія на предвыборное собраніе за два дня до губернскихъ выборовъ. Почти всѣ крестьяне и нѣкоторые изъ представителей уѣздныхъ городовъ откликнулись на него, сюда-же примкнули два-три землевладѣльца. Одинъ крупный землевладѣлецъ пришелъ на собраніе, чтобы возражать кадетамъ, но какъ только пустился утверждать, что мы проиграли японскую войну отъ того, что слишкомъ рано заключили миръ, это вызвало такое негодованіе среди крестьянъ, бывшихъ на войнѣ, что оппонентъ сыгралъ лишь на руку кадетамъ. Разумѣется, главнымъ центромъ, вокругъ котораго вертѣлся

разговоръ, былъ аграрный вопросъ, но попутно задѣвали массу другихъ, напр. церковный, инородческій; много времени было посвящено также выясненію техники губернскихъ выборовъ: старались предупредить какія-нибудь случайныя недоразумѣнія. Въ самый день выборовъ состоялось послѣднее предвыборное собраніе, на которомъ записками произвели пробный подсчетъ голосовъ. Намѣчены были кандидаты, не сообразуясь съ формальной принадлежностью къ к.-д. партіи, по тому впечатлѣнію, какое каждый дѣлалъ на своихъ товарищей. Всѣ торжественно обѣщались поддерживать выдвинутыхъ кандидатовъ, и дѣйствительно, изъ 53 участниковъ этого собранія 47—50 человѣкъ составили такое сплоченное ядро, что изъ шести кандидатовъ пять были проведены съ мѣста. На шестомъ выборы сорвались по разнымъ причинамъ, и тогда обнаружилось все безсиліе правыхъ партій. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ продолжалось утомительное катаніе шаровъ, ибо правымъ кандидатамъ оппозиція клала черные шары и ни одного своего они провести не могли. Шестымъ депутатомъ прошелъ безпартійный крестьянинъ, за котораго голосовала и часть правыхъ въ радости, что онъ по крайней мѣрѣ безпартійный, а не лѣвый; предводитель дворянства его уѣзда публично цѣловалъ его и просилъ его Царю послужить, какъ онъ на войнѣ служилъ (избранный былъ георгіевскій кавалеръ). Но „безпартійный“ по пріѣздѣ въ Петербургъ немедленно присоединился къ трудовой группѣ. Вообще изъ депутатовъ только два остались въ К.-Д. партіи и вошли въ ея парламентскую фракцію, остальные, всѣ по происхожденію крестьяне, перешли въ трудовую группу, сохранивъ впрочемъ связь съ своими товарищами по губерніи.

Такимъ образомъ отсталая въ хозяйственномъ, образовательномъ и какомъ угодно отношеніи губернія получила сплошь оппозиціонное представительство. Во время выборовъ, видя безуспѣшныя старанія правыхъ провалить кадетовъ, одинъ изъ выборщиковъ К.-Д. партіи иронически выразилъ свое сочувствіе правому. „Вы сильны ужъ очень“, сумрачно отвѣтилъ тотъ. — „Съ нами Богъ“, шутя объяснилъ кадетъ.

III.

Открытіе Думы.

Въ Пензенской губерніи произошло приблизительно то, что въ большинствѣ другихъ: выборы прошли подъ флагомъ народной свободы и это не только сразу, еще до созыва очертило физіономію народившейся Думы, но имѣло важное практическое послѣдствіе. Первоначально полагали, что народные представители, впервые собравшіеся отъ разныхъ „племенъ, нарѣчій, состояній“, долго еще будутъ знакомиться, пока научатся понимать другъ друга. На дѣлѣ Дума сразу заработала, какъ старый парламентъ, и даже выполненіе необходимыхъ парламентскихъ обрядностей прошло очень быстро, благодаря партійной дисциплинѣ. Когда эти люди съ разныхъ концовъ страны собрались вмѣстѣ, оказалось, что большинство говоритъ на одномъ языкѣ не только въ томъ смыслѣ, что почти всѣ инородцы говорили по русски и что въ средѣ думцевъ было только два неграмотныхъ, но еще въ томъ, что у всѣхъ была общая почва идей, симпатій, стремленій, несмотря на разницу взглядовъ. Всѣ воспитались на тѣхъ же книгахъ и газетахъ, работали хотя въ разныхъ областяхъ жизни, но подъ тѣми же впечатлѣніями и одинаково на нихъ реагировали. Отсюда единодушіе Думы особенно въ первое время; всѣ партійные счеты и разногласія пришли послѣ. Когда рѣчь шла объ элементарныхъ политическихъ правахъ, о свободахъ, о равноправіи, о борьбѣ съ произволомъ бюрократіи, всѣ были за одно, большинство понимало другъ друга съ полуслова, и этимъ устранялась необходимость фактическихъ разъясненій, взаимнаго поученія. Опасенія непроизводительной траты времени депутатами оправдались такъ же мало, какъ опасенія, что избы-

рателн не успѣютъ и не сумѣютъ сорганизоваться для выборовъ. На этотъ разъ, кажется, можно повѣрить иностранцамъ, ихъ наивному удивленію, что первый въ странѣ парламентъ можетъ работать такъ гладко. Здѣсь сказалась могучая объединяющая сила современной культуры и въ особенности печати, которая невидимыми нитями связала въ одно цѣлое интеллигенцію всей страны, познакомила людей другъ съ другомъ раньше, чѣмъ они встрѣтились.

Единодушіе Думы создавалось именно этой предварительной подготовкой, а вовсе не формальной принадлежностью большинства къ одной партіи, ибо, напротивъ, партія к.-д. не имѣла даже большинства, національныя группы и трудовики, вмѣстѣ взятые, перевѣшивали ее. Ея преобладаніе объяснялось, во-первыхъ, личнымъ составомъ, а во-вторыхъ тѣмъ, что выборы прошли подъ ея знаменемъ, она объединила выборщиковъ въ провинціи и естественно сохранила нѣкоторый престижъ и руководство въ Думѣ. Подробнѣе объ этомъ мы скажемъ ниже, а пока отмѣтимъ также вліяніе и роль трудовой группы въ дѣлѣ сближенія депутатовъ: къ ней охотно шли безпартійные крестьяне, которые безъ нея можетъ быть еще долго блуждали бы безъ пастыря или, что хуже, могли бы по ошибкѣ попасть подъ руководство г. Ерогина.

Тѣ разрозненные разнокалиберные элементы, которые попали въ Думу въ видѣ мелкихъ національныхъ группъ, безпартійныхъ и т. п., замѣтно перемалывались и сплачивались вмѣстѣ съ прочимъ составомъ втеченіе работы въ Думѣ. Если первая встрѣча депутатовъ въ Зимнемъ дворцѣ оставляла впечатлѣніе чего то очень пестраго, благодаря внѣшнему различію одежды, то въ стѣнахъ самой Думы чувствовалось, какъ зарождается глубокая связь на почвѣ общаго представительства, общей борьбы и работы между всѣми разнообразными элементами Думы, какъ изъ нихъ образуется дѣйствительно одинъ народъ, народъ всероссійскій, котораго искусственно и тщетно хотѣло создать самодержавное правительство.

Однако была значительная разница между интеллигенціей и крестьянствомъ въ отношеніи къ самой Думѣ и въ настроеніи, съ какимъ тѣ и другіе переступали порогъ Тав-

рическаго дворца. Печать въ свое время отмѣчала, что нѣкоторые избиратели-крестьяне крестились передъ избирательной урной. Такое же благоговѣйное настроеніе, такія же радужныя надежды принесли депутаты изъ народа въ Думу: вѣдь это былъ первый разъ, что голосъ народа могъ звучать свободно, дойти до Царя,—это крестьяне понимали совершенно буквально. Самый созывъ Думы былъ для крестьянства подаркомъ, потому что крестьянство еще мало принимало участія въ освободительной борьбѣ, и ему казалось, что такъ же дешево достанется ему и все остальное. Оцѣнить конституціонную слабость Думы народъ, конечно, тогда еще не могъ.

Интеллигентъ зналъ и западни русской „конституціи“, и трудъ, съ какимъ даже эта конституція была добыта. Онъ не создавалъ себѣ розовыхъ иллюзій на счетъ пріема, какой должны были встрѣтить у высшихъ сферъ народные представители. Можетъ быть, многіе расчитывали на побѣду, но предвидѣли упорную борьбу, и той радости и воодушевленія, какія были бы позволительны въ такой историческій моментъ, не было помину. «Надолго ли?» вертѣлось въ умѣ у каждаго, входившаго въ бѣлый домъ на Шпалерной улицѣ.

Правительство сдѣлало все, что могло, чтобы разсѣять иллюзіи у самыхъ неисправимыхъ оптимистовъ; опубликованіе основныхъ законовъ,—первое, что встрѣтили въ Петербургѣ народные представители,—должно было показать сомнѣвающимся, каково будетъ дальнѣйшее поведеніе бюрократіи. Подъ впечатлѣніемъ этихъ основныхъ законовъ собирались депутаты въ Зимній дворецъ на Высочайшій выходъ. На крестьянъ посѣщеніе дворца сдѣлало совсѣмъ не то впечатлѣніе, на какое повидимому разсчитывали: контрастъ деревенской нищеты съ богатствомъ центра русской государственности билъ въ глаза, и, преувеличивая даже сумму богатствъ, скопленныхъ тамъ, крестьянскіе депутаты высчитывали, что этимъ золотомъ можно было бы прокормить всю Россію. Для интеллигентовъ церемоніалъ былъ непинтересенъ, но съ нетерпѣніемъ ждали тронной рѣчи. Она произвела неопредѣленное впечатлѣніе, нѣсколько лучшее, чѣмъ отъ нея ожидали. Двѣ особенности ея были отмѣчены: въ ней не упоминалась ни конституція, ни самодер-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕНО

жавіе, и недоумѣніе, созданное 17 октября, не было разсѣяно въ такомъ подходящемъ, казалось бы, случаѣ. Другой пропускъ былъ умолчаніе объ амнистіи... Но ее все таки ожидали на-дняхъ. Въ общемъ историческій документъ произвелъ впечатлѣніе чего-то холоднаго, оффиціально любезнаго. Ни въ словахъ документа, ни въ тонѣ, какимъ они были сказаны, не чувствовалось того подъема духа, которымъ должна была ознаменоваться реформа, равная по значенію 19 февраля 1861 года. Искры воодушевленія, рождающагося въ искреннемъ чувствѣ и въ проникновеніи важностью минуты, не хватало въ первомъ актѣ, которымъ открывалась дѣятельность перваго русскаго народнаго представительства. Сближеніе, которому въ эту минуту могъ бы быть заложенъ первый камень, несмотря на все прежнее, симпатія, которая смягчила бы треніе, не были вызваны къ жизни въ такомъ благопріятномъ для этого случаѣ, какой больше никогда не повторится. Старый идеалъ славянофиловъ былъ окончательно разбитъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ внѣшне былъ осуществленъ.

Первое засѣданіе Думы въ тотъ же день показало сплоченность Думы. Во-первыхъ, торжественное обѣщаніе съ упоминаніемъ о самодержавіи было подписано безъ протеста, согласно партійнымъ рѣшеніямъ, вынесеннымъ наканунѣ. Во вторыхъ, предсѣдателемъ Думы былъ почти единогласно избранъ С. А. Муромцевъ. Текстъ торжественнаго обѣщанія возбудилъ на минуту волненіе: традиціонная фраза о самодержавіи, пропущенная въ тронной рѣчи, была упомянута тамъ, противорѣча самой сущности того учрежденія, въ которое были призваны депутаты. Что было дѣлать: отказывать въ подписи обѣщанія и вызывать этимъ конфликтъ въ самый день открытія Думы? Или подписать текстъ, съ которымъ никто не былъ солидаренъ? Лѣвая часть Думы одну минуту была готова итти на конфликтъ. Выходъ нашли въ томъ, что въ самый день подписанія въ газетахъ была опубликована оговорка членовъ наиболѣе многочисленныхъ партій въ Думѣ, свидѣтельствовавшая о ихъ конституціонныхъ убѣжденіяхъ. Этотъ мелкій эпизодъ былъ булавочнымъ уколомъ, но онъ уже показывалъ, что ожидаетъ Думу дальше: это была первая изъ ряда мелкихъ и крупныхъ пре-

градъ, которыя ставило Думѣ бюрократія. одно изъ тѣхъ неловкихъ положеній, изъ которыхъ приходилось выпутываться. Можетъ быть это была и пробная провокація?

Избраніе С. А. Муромцева, который былъ заявленъ сразу всѣми записками, кромѣ 10, и затѣмъ избранъ въ предсѣдатели единогласно, показалъ съ первой же минуты полное единеніе Думы: сразу же почувствовалось, что есть какой-то центръ, который руководитъ только что родившимся учрежденіемъ. Думцамъ, только что встрѣтившимся въ Таврическомъ дворцѣ, оказалось уже возможнымъ дружно выполнить первый актъ своей оффиціальной жизни. Кромѣ того, это единогласное избраніе дало большой авторитетъ С. А. Муромцеву и впослѣдствіи облегчило ему нелегкую задачу руководства преніями въ Думѣ: строгая дисциплина, которую онъ не безъ успѣха хотѣлъ привить Думѣ, опиралась на созданный въ эту минуту нравственный авторитетъ его. Услугу, оказанную Муромцевымъ русскому народному представительству, трудно достаточно оцѣнить: если Дума не блуждала первое время ощупью, не расплывалась въ ненужныхъ вопросахъ процедуры, по возможности сокращала время, тратимое на выполненіе формальностей, если даже въ критическія минуты страсти не переходили почти никогда той границы, за которою невозможна парламентская работа, то этимъ въ значительной степени Дума обязана такту и твердости своего предсѣдателя, вліяніе котораго вѣроятно будетъ простираться за предѣлы первой Думы, ибо нѣкоторыя традиціи перваго русскаго парламента войдутъ навсегда въ наши парламентскіе нравы. Всѣ насмѣшки, которыя раздавались въ печати по поводу педантичности предсѣдателя Думы, его пристрастія къ хорошему тону, могли увеселять публику, но не опровергали правильности его системы, а обвиненія въ пристрастіи, основанныя на томъ, что онъ часто прерывалъ трудовиковъ, но ни разу не прервалъ министровъ, были плодомъ непониманія его роли. Строгій хранитель корректныхъ формъ, онъ останавливалъ рѣзкія выраженія, щепетильный до того, что не допускалъ даже говорить о «разгонѣ» Думы, но онъ не могъ цензуровать содержанія рѣчей. Все, что говорили министры, какъ бы ни было возмутительно по существу, было облечено въ коррект-

ную форму, которую трудовики не всегда умѣли, а иногда не желали соблюдать.

Выборы остальныхъ членовъ думскаго президіума вызвали первое треніе между трудовой группой и к.-д. фракціей, но оно было довольно быстро улажено, и уже 2 мая Дума перешла къ обсужденію отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, который былъ первымъ и остался самымъ важнымъ документомъ, произведеннымъ ею на свѣтъ.

Ни содержанія адреса, ни преній о немъ мы припоминать здѣсь не будемъ, такъ какъ все это многократно и подробно разсказывалось въ печати. Втеченіе преній произошли нѣкоторыя эпизоды, которые сыграли свою роль въ исторіи Думы, но они найдутъ свое мѣсто въ соотвѣтствующихъ главахъ. На этомъ адресѣ думскія партіи попробовали свои силы, выказались съ своими достоинствами и недостатками. Но самымъ характернымъ въ обсужденіи адреса были не разногласія, какія онъ вызвалъ, а именно единодушіе, съ которымъ онъ былъ принятъ, общее стремленіе, безраздѣльно господствовавшее въ Думѣ, провести его скорѣй черезъ всѣ стадіи обсужденія и придать ему характеръ единодушнаго заявленія отъ лица всего народнаго представительства. Торопиться заставляла надежда, даже больше, увѣренность, что послѣ подачи адреса съ просьбой объ амнистіи она немедленно послѣдуетъ: подгоняли даже къ табельному дню 6 мая, давая правительству возможность воспользоваться по традиціи этимъ днемъ для ея объявленія. Это былъ еще періодъ наивныхъ иллюзій и—увы—безсмысленныхъ мечтаній.

Никто изъ бывшихъ членовъ Государственной Думы перваго призыва не забудетъ той горячей работы, какая кипѣла надъ адресомъ, тѣхъ рѣчей, которыя впервыя полились съ парламентской трибуны въ нашемъ отечествѣ; никто не забудетъ того засѣданія въ ночь на 5 мая, въ которомъ былъ принятъ въ половинѣ четвертаго утра окончательный текстъ адреса,—этого самаго долгаго и самаго торжественнаго засѣданія, которое одинъ депутатъ крестьянинъ назвалъ Тайной вечерей. Краткая жизнь Думы перваго призыва была не богата отрадными эпизодами, но дни составленія отвѣтнаго адреса останутся навсегда свѣтлымъ лучемъ въ воспоминаніяхъ о ней. Тѣ, кто утверждаетъ, что первая Дума была

неработоспособна, намѣренно закрываютъ глаза на быстроту, съ которой она выполнила громадный трудъ изложенія въ сжатомъ адресѣ главныхъ надеждъ и нуждъ страны въ формѣ, которая была достаточно ясна и въ то же время корректно, которыя объединяла всѣ прогрессивные элементы страны. Вся эта работа была произведена въ четыре дня, если считать предварительное въ комиссіи составленіе проэкта адреса, а насколько Дума удовлетворительно выполнила свою задачу, показала огромная популярность, которую получилъ адресъ. Несомнѣнно въ немъ были отдѣльные недостатки, зависѣвшіе отъ общихъ и глубокихъ причинъ; многіе упрекали составителей адреса, зачѣмъ они упустили то или иное требованіе, но, кажется, противъ того, что тамъ было включено, ни одинъ не возражалъ, кромѣ принципіальныхъ враговъ новаго строя, разумѣется. Какое бы дальнѣйшее теченіе ни приняли событія, всякій шагъ впередъ будетъ только осуществленіемъ одного изъ пунктовъ начертанной тогда программы. Значеніе адреса повысилось еще отъ того, что это было первое авторитетное свободное слово, проникшее во всѣ закоулки страны, говорившее не отъ имени какой-нибудь партіи или газетной редакціи, а отъ полномочныхъ представителей русскаго народа. Мы думаемъ, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что по своему вліянію на политическое воспитаніе цѣлаго народа этотъ документъ уступаетъ только немногимъ историческимъ актамъ, вродѣ Декларацiи правъ человѣка и гражданина 1789 г.

День принятія адреса былъ послѣднимъ днемъ относительнаго спокойствія и концомъ медовой недѣли Государственной Думы. Въ слѣдующее же засѣданіе 8 мая Думѣ было возвѣщено, что депутація, избранная Думою для поднесенія адреса, не будетъ принята. Это былъ первый толчекъ, почти оскорбленіе, нанесенное членамъ Думы. Оффиціальные мотивы его были неважны, скрытымъ мотивомъ было, повидимому, намѣреніе вызвать Думу на неосторожный шагъ, чтобы имѣть поводъ ее распустить тутъ же, пока она не успѣла ознакомить съ собой населеніе, что, разумѣется, было расчетливѣе: немедленно послѣ отказа пошли слухи о готовящейся диктатурѣ. Депутаты выдержали испытаніе. Отказъ вызвалъ сильнѣйшее волненіе не въ одной трудовой группѣ,

а и въ кадетскихъ кругахъ; съ трудомъ могли сдержаться самые правые члены партіи, но политическій расчетъ восторжествовалъ надъ чувствомъ: нельзя было жертвовать Думой изъ-за вопроса самолюбія, непріемъ депутаціи былъ важенъ, какъ симптомъ, но практическаго значенія онъ не имѣлъ, ибо несомнѣнно содержаніе адреса было извѣстно раньше, чѣмъ онъ былъ окончательно принятъ Думой. Деп. Новгородцевъ отъ имени к.-д. партіи внесъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, подчеркнувшую пренебреженіе Думы къ формамъ и нежеланіе отвѣчать рѣзкостью на вызовъ придворныхъ сферъ. Инцидентъ былъ исчерпанъ, но оставилъ глубокій слѣдъ не только у депутатовъ, а вообще у народа, который не могъ ни понять, ни простить, что его представителей не приняли.

IV.

Разрывъ съ Министерствомъ.

Не смотря на раздраженіе, вызванное описаннымъ инцидентомъ, слѣдующая недѣля была недѣлей затишья, выжиданія, какъ отнесется правительство къ заявленіямъ отвѣтнаго адреса, какъ вообще отнесется къ Думѣ. Одно обстоятельство прибавляло нервности въ это ожиданіе и постепенно обостряло отношенія сторонъ, это—вопросъ объ амнистіи.

Извѣстно, какое мѣсто онъ занялъ съ перваго дня въ работахъ Думы. Онъ выдвинулся раньше всѣхъ законодательныхъ вопросовъ, благодаря рѣчи И. И. Петрункевича въ день открытія Думы, благодаря настроенію общества и настояніямъ трудовиковъ, которые непрерывно возвращались къ нему. Такое отношеніе было совершенно естественно. Вся Дума сознавала, что созывъ ея явился въ итогѣ долгой освободительной борьбы, и съ ея стороны было долгомъ чести прежде всего протянуть руку помощи къ тѣмъ, кто еще томился въ заключеніи. Кромѣ того, для многихъ членовъ Думы было чистой случайностью, что они сидѣли въ Таврическомъ дворцѣ вмѣсто какого-нибудь тюремнаго клоповника, только оттого, что не всѣ администраторы имѣли смѣлость примѣнять до конца свою безграничную власть. Извѣстно, какъ были устранены многіе кандидаты въ Думу, и если такія лица, какъ проф. Гредескулъ, благополучно выбрались даже изъ Архангельска, то менѣе извѣстные дѣятели продолжали чахнуть въ тюрьмахъ или въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ. Наконецъ, многимъ членамъ Думы приходилось имѣть дѣло съ пострадавшими, находившимися на волѣ, съ этимъ полчищемъ лицъ, выброшенныхъ за

борть послѣ январьской реакціи, лишенныхъ куска хлѣба и права поступленія на какую-нибудь должность Всѣ они прибѣгали за совѣтомъ и помощью къ новымъ защитникамъ народа, а что могли отвѣтить тѣ? «Ничего не можемъ, подождите амнистіи». Амнистія нужна была и какъ залогъ искренности намѣреній правительства, и какъ практическая мѣра успокоенія умовъ, смягченія бѣдствій и страданій, вызванныхъ цѣлымъ годомъ революціи. Противъ амнистіи правительство выдвигало, что освобожденные изъ тюремъ, не смотря на Думу, которую они бойкотируютъ, примутся опять за революціонную пропаганду, а нѣкоторыя неумѣстныя выходки мелкихъ газетъ, появлявшихся въ это время, «*Призыва*», «*Невской газеты*», оправдывали это возраженіе, но въ общемъ оно было вдвойнѣ несостоятельно. Во-первыхъ, настроеніе даже въ тюрьмахъ было въ пользу Думы. Уже по дорогѣ въ Таврическій дворецъ при проѣздѣ мимо петербургскихъ «Крестовъ» заключенные привѣтствовали депутатовъ народа, а въ первое же засѣданіе Думы было доложено четыре привѣтствія изъ тюремъ отъ политическихъ, выражавшихъ сочувствіе первому русскому парламенту. Во-вторыхъ, искреннее желаніе правительства пойти навстрѣчу Думѣ и рѣшительно порвать съ прошлымъ вызвало бы такой откликъ въ странѣ, что революціонная пропаганда встрѣтила бы самую неблагодарную почву. Но правительство продолжало смотрѣть на политическихъ борцовъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ, и самое заступничество за нихъ Государственной Думы обострило уже бывшее въ высшихъ сферахъ непріязненное чувство къ ней. Однако сперва по поводу амнистіи стали ходить различные болѣе или менѣе утѣшительные слухи. Государственный Совѣтъ тоже просилъ амнистіи, хотя и ограниченной. Говорили, что проэктъ амнистіи уже готовъ въ министерствѣ. Послѣ того, какъ миновало 6 мая, стали обнадеживать, что она будетъ дана 14, затѣмъ 25. Но день проходилъ за днемъ, а амнистіи не было. Чтобы не возвращаться потомъ къ этому вопросу, скажемъ вкратцѣ, что, по довольно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, проэктъ урѣзанной амнистіи дѣйствительно существовалъ, но настоянія Думы скорѣе дать ее, побудили отложить, ибо иначе страна могла бы подумать, что пра-

вительство обнаруживаетъ уступчивость передъ народнымъ представительствомъ: министерство уподобилось мужу, который спрашивалъ совѣта у своей жены и потомъ поступалъ наоборотъ совѣту, чтобы жена не подумала, что онъ подчиняется ея вліянію. Разсказываютъ, что въ министерствѣ еще въ началѣ іюня, когда думскіе разговоры объ амнистіи замолкли, поднимался вновь вопросъ о ней, но и тогда она опубликована не была. Это было согласно съ обычной политикой реформъ: пока требуютъ, не давать, чтобы не заподозрѣли въ слабости, а когда перестаютъ требовать, то уже давать не стоитъ, потому что больше не требуютъ; въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама на каплетъ.

Но это все выяснилось впослѣдствіи. Въ недѣлю 6—13 мая господствовало ожиданіе, почти увѣренность, что та или иная амнистія будетъ, нѣкоторые члены Думы торопили съ обсужденіемъ адреса, чтобы не дать правительству объявить ее раньше, чѣмъ Дума попроситъ о ней: воображали, что правительство вступитъ въ состязаніе съ Думой по части великодушія и гуманности. Каждое утро развертывали газеты, ища прежде всего указъ объ амнистіи.

Ко всѣмъ вопросамъ вообще было такое же выжидательное настроеніе. Дума понемногу входила въ дѣловую колею, начиналась будничная жизнь. 8 мая былъ предъявленъ первый думскій запросъ по поводу черносотенныхъ погромовъ въ Вологдѣ, Царицынѣ и Калязинѣ и обнаруженной въ департаментѣ полиціи еще въ февралѣ типографіи, печатавшей призывы къ погромамъ, — запросъ, давшій впослѣдствіи поводъ къ громкимъ разоблаченіямъ кн. Урусова. Того же 8 мая была внесена въ Думу записка 42 депутатовъ к.-д. партіи по аграрному вопросу, намѣчались другіе законопроэкты. Въ то же время Дума организовывалась, вырабатывала наказъ для своего дѣлопроизводства, правила повѣрки выборовъ. Министры хранили молчаніе. Только въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» съ самаго начала мая, раньше еще, чѣмъ работа Думы могла сдѣлаться извѣстной населенію, стали печататься телеграммы, переполненныя грубѣйшими нападками на Думу, всей грязью и клеветами, которыми вообще щеголяла черносотенная печать въ теченіе революціи. То обстоятельство, что эти вещи печатались не въ *Вѣчѣ* и не

въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а въ оффиціальномъ органѣ правительства, вызвало всеобщее изумленіе. Постепенно истинное происхожденіе этихъ телеграммъ стало выясняться: оказалось, что они посылались почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ изъ западнаго края и изъ Уфы, что въ Пензѣ напр. телеграмма была подписана полицейскимъ чиновникомъ и т. п. Пошлая ругань въ перемежку съ обвиненіями въ подкупности и предательствѣ сыпались какъ изъ рога изобилія, якобы отъ монархическихъ партій, и долженствовали изображать голосъ народа, протестующій противъ Думы. Что телеграммы посылались съ цѣлью ввести въ заблужденіе кого нужно относительно настроенія народа, это было понятно, но что онѣ такъ тщательно опубликовывались въ «Вѣстникѣ», остается приписать феноменальной безтактности бюрократіи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ булавочныхъ уколовъ, которые не оправдываются никакой серьезной цѣлью, а между тѣмъ ухудшаютъ и безъ того натянутыя отношенія.

Не смотря однако на это, въ Думѣ нельзя было еще замѣтить личнаго раздраженія противъ министерства. Всѣ, разумѣется, знали, что оно составлено изъ типичныхъ бюрократовъ, отъ которыхъ никакой пользы отечеству ждать нельзя, но оставалось совершенно неяснымъ, какъ поведутъ они себя въ Думѣ. Смѣна министерства наканунѣ открытія Думы смѣшала карты и поставила Думу въ недоумѣніе. Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ высказываться, Дума должна была ждать какихъ-нибудь дѣйствій со стороны министровъ. Относительно Столыпина господствовала если не надежда на взаимность, то по крайней мѣрѣ ожиданіе корректнаго отношенія къ себѣ. Репутація личной честности, слухи о томъ, что онъ въ совѣтѣ министровъ болѣе всѣхъ отстаивалъ амнистію, нѣсколько располагали въ его пользу. Назначеніе Гурко въ министерство тогда уже признавалось неблагопріятнымъ симптомомъ, ибо его нравственная репутація была незавидна.

13 мая предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ выступилъ съ декларацією, сдѣлавшейся не менѣе знаменитой, чѣмъ отвѣтный адресъ Государственной Думы (см. прил.). Впечатлѣніе, сдѣланное декларацією на Думу, было

много разъ пересказано, и мы не считаемъ нужнымъ этого повторять. Важнѣе, для того, чтобы понять процессъ разрыва Думы съ министерствомъ и ея дальнѣйшую политику, оцѣнить декларацію съ конституціонной точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что Думу постоянно упрекали въ стремленіи захватить больше власти, чѣмъ ей отмѣрено основными законами, и всѣ октябристы и черносотенники на всѣ лады до сихъ поръ повторяютъ сказку о «захватѣ власти» Думою.

Съ конституціонной точки зрѣнія декларація министерства Горемыкина была не только ненужна, но прямо ни съ чѣмъ несообразна. Государственная Дума въ своемъ отвѣтномъ адресѣ перечислила реформы, необходимыя по ея мнѣнію для блага страны. Этотъ адресъ былъ представленъ Монарху и никакого отношенія къ министерству не имѣлъ. Монархъ могъ, разумѣется, спросить мнѣнія своихъ министровъ по предмету адреса, но кабинетъ, получивъ предписаніе разсмотрѣть адресъ, долженъ былъ представить свое заключеніе самому же Монарху. Отвѣчать на адресъ Думѣ не было рѣшительно никакой надобности: если министры оказались въ полномъ разногласіи съ Думой, то съ конституціонной точки зрѣнія оставалось или министерству подать въ отставку или распустить Думу; сдѣлать это 9 мая было легче, чѣмъ 9 іюля, и было бы столь же логично, если только могло существовать сомнѣніе, представляетъ ли Дума дѣйствительно мнѣніе страны. Однако послѣ дружныхъ выборовъ, давшихъ рѣшительный перевѣсъ оппозиціи не только по числу мѣстъ, но и по количеству поданныхъ за оппозиціонныхъ кандидатовъ голосовъ, сомнѣніе въ соотвѣтствіи Думы съ настроеніемъ народа могло быть только или у абсолютно оторваннаго отъ народа человѣка, или у составителей черносотенныхъ телеграммъ. Отрицая парламентскій строй, министры желали остаться у власти, хотя расходились съ Думою по всѣмъ вопросамъ. Но и въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало стать на совершенно иную дорогу. Если они искренне признавали вредною думскую программу, то имъ слѣдовало подождать внесенія въ Думу конкретныхъ законопроэктовъ, принять участіе въ ихъ обсужденіи и показать несостоятельность требованій оппозиціи. Кстати тутъ

они могли бы обнаружить и свой собственный политическій талантъ, знанія и прочее, что полагается имѣть министрамъ великой державы. Если они считали всякій разговоръ съ Думою тщетнымъ, если не надѣялись переубѣдить ее или, наконецъ, просто хотѣли затянуть дѣло реформъ, то и тутъ должны были бы прибѣгнуть къ мелкой партизанской войнѣ, тормазить работу Думы своими средствами и пустить въ ходъ Государственный совѣтъ, аппаратъ, изготовленный спеціально на этотъ случай. Раздраженіе противъ министровъ увеличивалось бы, но постепенно, и если бы они притомъ вели себя внѣшне корректно, не давали повода къ ежедневнымъ жалобамъ на царящій въ странѣ произволъ, то можетъ быть Думѣ пришлось бы проявить много искусства и выдержки, чтобы справиться съ пассивнымъ противодѣйствіемъ скрытыхъ враговъ, обладающихъ фактически полнотой власти.

Министерство не пожелало сдѣлать ни того, ни другого, ни третьяго. Оно сразу, прямо и рѣзко высказало Думѣ свое нежеланіе итти на встрѣчу народнымъ требованіямъ. Безспорно, что для самой Думы имѣло свою выгоду это немедленное и полное разъясненіе положенія, но чего хотѣли достигнуть этимъ министры, остается непонятнымъ. Они какъ будто воображали, что если рѣшительно заявятъ «это недопустимо», то думцы такъ и примирятся съ своей участью, умѣрятъ требованія, сдѣлаются скромными и послушными совѣтчиками безъ мечтаній и безъ фанаберіи. Трудно повѣрить, насколько вся умирающая бюрократія была проникнута самомнѣніемъ, чтобы думать, что одинъ окрикъ министра можетъ заставить народное представительство свернуть съ намѣченнаго имъ пути. Между тѣмъ даже по тону это былъ именно окрикъ, нотація гувернера мальчикамъ, которыхъ онъ строго журитъ за увлеченія молодости. Мы полагаемъ, что тонъ этотъ можетъ быть даже былъ не преднамѣреннымъ: въ сборникѣ правилъ хорошаго поведенія для русскаго министра не оказалось рецепта на случай обхожденія съ народными представителями, ибо такого случая еще не бывало. Привыкнувъ къ олимпійскому тону въ своей канцеляріи, министръ уже не умѣлъ найти новый тонъ для Думы и то, что онъ говорилъ, могло ему не казаться ни дерзкимъ, ни безтактнымъ. По крайней мѣрѣ, г. Горемыкинъ былъ, повидимому, очень доволенъ собой.

Горячія рѣчи, полившіяся вслѣдъ за прослушаніемъ удивительнаго литературнаго произведенія кабинета Горемыкина, были только повтореніемъ того, что втеченіе полутора года звучало на всѣхъ собраніяхъ, митингахъ, въ печати. Здѣсь общія пожеланія, выраженныя въ адресѣ, пріобрѣли конкретную форму, направлены были на опредѣленныя личности. Среди бурной критики, двѣ послѣднія въ этотъ день рѣчи имѣли наибольшее симптоматическое значеніе. Когда гр. Гейденъ 13 мая всходилъ на трибуну, можно было ожидать, что этотъ представитель правой, поскольку таковая была въ Государственной Думѣ, возьметъ на себя защиту правительства. «Когда я шелъ въ Государственную Думу— началъ онъ—я полагалъ, что намъ будетъ дана возможность мирно и благотворно вести работу и что мы встрѣтимъ въ правительствѣ полное сочувствіе на этомъ мирномъ пути. Но къ сожалѣнію сегодняшняя декларація министерства убѣдила меня въ совершенно противномъ»,—и дальше министры могли бы услышать, отъ гр. Гейдена, если бы остались въ залѣ, тѣ же слова, что и отъ трудовиковъ и кадетовъ: «дальнѣйшая работа при нынѣшнемъ составѣ правительства немыслима... представителями власти должны быть представители современныхъ идей, а не носители ветхозавѣтныхъ мыслей .. это министерство должно уступить мѣсто другому, пользующемуся довѣріемъ Думы». Послѣднимъ ораторомъ въ этотъ день выступилъ крестьянинъ Лосевъ, который съ чисто деревенскимъ складомъ рѣчи разсказалъ всю надежду, съ какой собирались въ Думу представители крестьянъ, и весь ужасъ и безнадежное отчаяніе, какой охватилъ его, а съ нимъ охватитъ все крестьянство отъ раздавшихся словъ предсѣдателя совѣта министровъ: «безусловно недопустимо», и дек. Лосевъ закончилъ грознымъ предостереженіемъ, что трудовое крестьянство можетъ невыдержать и подобно библейскому Самсону сказать: «умри душа моя вмѣстѣ съ филистимлянами». (249 – 351). Если бы это сказалъ какой-нибудь присяжный ораторъ и агитаторъ, вродѣ деп. Аладьина, эта аллегорія произвела бы впечатлѣніе удачнаго ораторскаго пріема. Но передъ Думой стоялъ самый подлинный пахарь, представитель тѣхъ ста милліоновъ крестьянъ, о которыхъ онъ говорилъ. И библейская фигура Самсона, такъ неожи-

данно появившаяся среди парламентскихъ преній, долго, до самаго конца существованія Думы, припоминалась въ дебатахъ и частныхъ разговорахъ. Правительство, увѣренное, что требованія Думы—только выдумка кучки теоретиковъ, а вся революція—дѣло шайки агитаторовъ, должно было послушать этого сына народа, пришедшаго отъ вѣковой тишины своей земледѣльческой губерніи (Тамбовской), чтобы раскрыть ему, наконецъ, глаза на дѣйствительное положеніе вещей. Но министерство не сочло себя обязаннымъ дождаться конца преній: ему даже неинтересно было узнать, что скажутъ о немъ народные представители; министры объявили имъ свою волю, на этотъ разъ даже не прикрываясь царской волей, и, сдѣлавъ свое дѣло, удалились изъ залы. Думѣ оставалось принять къ свѣдѣнію и руководству ихъ указанія.

Совершенно непонятно, что 11 членовъ Думы, голосовавшіе вмѣстѣ съ М. А. Стаховичемъ противъ думской резолюціи недовѣрія министерству, нашли въ ней несогласнаго съ правами Думы. (См. прил.) Дума констатировала наличность полнаго разлада между собой и правительствомъ и выразила свое мнѣніе о способѣ выхода изъ кризиса. Невозможность существованія рядомъ Думы и министерства Горемыкина была тогда уже совершенно ясна всѣмъ и оправдалась всѣми послѣдующими событіями. Невѣрно было и распространявшееся съ правительственной стороны сообщеніе, будто Дума желала захватить именно себѣ власть: въ резолюціи вовсе не говорилось, чтобы министры были взяты непремѣнно изъ среды депутатовъ, а только требовалось, чтобы они пользовались довѣріемъ Думы. Не лишено было основательности предостереженіе гр. Гейдена о тупикѣ, въ какой рискуетъ попасть Дума, но иного пути для Думы не было. Строго корректное парламентское выраженіе недовѣрія было наименьшимъ, чѣмъ можно было отвѣтить на выходку министерства.

13 мая закончился первый, подготовительный періодъ жизни Государственной Думы. Положеніе выяснилось. Начиналась работа, закипала борьба.

V.

Рабочій періодъ Думы.

Всякое дѣленіе непрерывно развивающагося хода событій всегда искусственно. Однако по преобладающимъ чертамъ можно различить отдѣльные періоды въ сессіи нашей первой Государственной Думы. Мы подразумѣваемъ подъ «рабочимъ періодомъ» послѣднюю половину мая и первые дни іюня. Хотя работа Думы, и весьма напряженная, продолжалась до самаго конца, но во вторую половину сессіи на первый планъ выдвинулись, заполонили вниманіе и внесли лихорадочное напряженіе перипетіи борьбы Думы съ министерствомъ. Рабочій періодъ можетъ быть точно отграниченъ только съ одного конца, съ другого онъ постепенно переходилъ въ новую фазу, какъ увидимъ впослѣдствіи.

15 мая началось обсужденіе аграрнаго вопроса, который отнялъ столько времени у Государственной Думы, 16 мая былъ внесенъ запросъ министерству о помощи голодающимъ, самый обширный по своему содержанію и наиболѣе чреватый послѣдствіями. За этимъ послѣдовалъ проэктъ объ отмѣнѣ смертной казни, масса запросовъ объ отдѣльныхъ злоупотребленіяхъ властей, внесены законопроэкты о гражданскомъ равенствѣ, о неприкосновенности личности, о свободѣ совѣсти, о собраніяхъ, объ измѣненіи ст. 55—57 Пол. о Госуд. Думѣ и др., продолжалась разработка наказа Государственной Думы, образованъ рядъ комиссій, между прочимъ одна для разслѣдованія неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ.

Имѣя передъ собой необъятное поле неотложныхъ реформъ и кромѣ того заваливаемая ежедневно жалобами на произволъ мѣстныхъ властей, Дума по необходимости вынуж-

дела была нѣсколько разбрасываться, сразу затрогивать самыя разнообразныя области, разработывать общіе правовые принципы, давно установленные въ конституціонныхъ странахъ, и разбираться въ деталяхъ отдѣльныхъ случаевъ злоупотребленія властью. Но не смотря на многочисленность работъ, настроеніе у всѣхъ было бодрое, и хотя не было, разумѣется, увѣренности въ немедленномъ успѣхѣ, но казалось, что закладывается крѣпкій фундаментъ новаго зданія; отношеніе ко всѣмъ, даже формальнымъ вопросамъ было чрезвычайно внимательное, зарождалась привязанность къ мѣсту работы, симпатія къ сотоварищамъ, независимо отъ партій. Наряду съ публичными засѣданіями шли работы комиссій, многочисленныя совѣщанія партійныхъ фракцій, общественныя и клубныя собранія.

Центромъ всѣхъ законодательныхъ работъ этого періода былъ аграрный вопросъ, захватившій вниманіе Думы на три недѣли. Иначе и быть не могло: аграрная реформа была кореннымъ вопросомъ на выборахъ, ея ждалъ народъ отъ Думы, депутаты-крестьяне уже тосковали по ней. Сперва была внесена записка 42, выражавшая взгляды к.-д. партіи, недѣлею позже записка 104 отъ трудовой группы, еще позже записка 33 (см. прил.). Сперва обсужденіе вертѣлось вокругъ способа выбора членовъ аграрной комиссіи, такъ какъ вопросъ былъ поставленъ не по существу, а только „о порядкѣ направленія дѣла“. Но сдержать его въ этихъ рамкахъ было немыслимо, да и комиссія не могла бы работать, не выяснивъ въ такомъ спорномъ дѣлѣ настроеніе Государственной Думы. Проф. Петражицкій открылъ бой своей рѣчью въ защиту частной собственности на землю, Герценштейнъ ему отвѣтилъ, а затѣмъ какъ будто прорвалась плотина, и около 150 членовъ Думы заявили желаніе говорить по вопросу. Крестьяне, молчавшіе по всѣмъ остальнымъ предметамъ, желали сказать свое слово по этому наболѣвшему вопросу. Члены Думы Западнаго края, находившіе въ запискѣ 42 угрозу частной собственности, потянулись цѣлой вереницей отстаивать привычные ихъ краю земельные порядки. Никакими мѣрами сократить эти пренія было невозможно, и Дума долго отказывалась даже ограничивать ораторовъ 5-ти минутнымъ срокомъ, какъ это часто дѣла-

лось въ менѣе важныхъ случаяхъ. Весьма многимъ крестьянамъ впачалѣ доставляло большое удовлетвореніе уже одно то вниманіе, какое посвящалось Думою этому вопросу, и съ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ этихъ преній уѣзжали крестьянскіе ходоки изъ Думы въ деревню.

Излагать содержаніе преній не входитъ въ нашу задачу, да изъ этихъ отрывочныхъ перекрещивающихся рѣчей, записокъ, а иногда цѣлыхъ диссертацій трудно было вынести общее впечатлѣніе, пока комиссія не систематизировала и не обработала ихъ въ конкретный законопроэктъ. Но эти пренія имѣли два неблагопріятныхъ для Думы результата. Во-первыхъ, они шли безсистемно, и такъ какъ прорвались собственно говоря неожиданно, ибо вопросъ былъ поставленъ лишь о направленіи записки 42 въ комиссію, то никакого непосредственнаго ощутительнаго результата пренія эти дать не могли и послѣ выработки законопроэкта комиссіей они грозили при первомъ чтеніи начаться сызнова; отсюда появилось обвиненіе, что Дума занимается безцѣльными разговорами, страна приходила въ нетерпѣніе, отчеты засѣданій по аграрному вопросу наскучили, въ самой Думѣ привѣтствовали не тѣхъ ораторовъ, которые говорили, а тѣхъ, которые великодушно отказывались отъ слова. Во-вторыхъ, въ самой Думѣ эти пренія вызвали нѣкоторое измѣненіе: члены Думы, утомленные безконечнымъ повтореніемъ, переставали слушать ораторовъ, развилась привычка покидать залъ, оставляя тамъ только необходимое число членовъ для законности собраній. Крестьяне, интересуясь вопросомъ, тяготились академичностью преній, которыя даже не заслуживали такого названія, ибо обратились въ рядъ лекцій или исповѣданій вѣры по аграрному вопросу. Интересно было то, что въ кулуарахъ Думы въ эти засѣданія шелъ гораздо болѣе оживленный разговоръ и все о той же землѣ. Но тамъ принималъ главное участіе въ спорѣ рядовой крестьянинъ, тамъ былъ дѣйствительно споръ, столкновеніе мнѣній, борьба иногда горячая, иногда шутливая. Въ нее вмѣшивалась и публика, и крестьянскіе ходоки, въ кулуарахъ сами собой зарождались небольшіе митинги. Прояснению сознанія крестьянскихъ депутатовъ и разработкѣ вопроса эти митинги помогли конечно больше, чѣмъ все, что было сказано въ

залѣ засѣданій, а это въ глазахъ депутатовъ обезцѣнивало работу Думы. Не было никакого сравненія между благоговѣйнымъ отношеніемъ къ ней первыхъ дней и sans gêne начала іюня: члены Думы лучше освоились съ Думой, но за то надѣли халатъ. Чувство чего-то неправильнаго, ненормальнаго въ работѣ Думы зашевелилось уже тогда, но казалось еще во власти Думы поправить дѣло.

Тотъ же аграрный вопросъ содѣйствовалъ обособленію партій. Повидимому опасеніе отмѣны частной собственности на землю, чего записка 42 вовсе не проэктировала, побудила представителей Западнаго края сблизиться; по крайней мѣрѣ, группа автономистовъ, одна изъ многочисленнѣйшихъ въ Думѣ, стала образовываться именно тогда. На почвѣ аграрнаго вопроса произошло скоро столкновеніе между кадетами и трудовиками. Въ виду затяжки преній трудовики 24 мая внесли предложеніе передать вопросъ на мѣста комиссіямъ, избраннымъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Въ Думѣ они достигли только того, что полдня ушло на обсужденіе этого новаго предложенія, которое встрѣтило общее несочувствіе, такъ какъ въ немъ видѣли стремленіе замѣнить работу и авторитетъ народнаго представительства мѣстными комитетами, и сами трудовики въ лицѣ Аладьина и Рыжкова отъ него отказались. Это былъ одинъ изъ поступковъ, котораго лѣвые не могли простить Думѣ и кадетской партіи, но на самомъ дѣлѣ даже при сочувствіи Думы оно рѣшительно ни къ чему не привело бы. Главнымъ тормазомъ реформы были конечно не затянувшіяся на три недѣли пренія, а тѣ препоны, какія предстояло преодолѣть всякой думской законодательной инициативѣ. Дума могла согласиться на проэктъ мѣстныхъ комитетовъ по аграрной реформѣ, но если трудовая группа придавала имъ такую важность въ смыслѣ революціонной организаціи народа, то конечно такую же важность придали бы имъ и правящія сферы. Можно разумѣется ручаться, что подобный проэктъ или прямо былъ бы отклоненъ Государственнымъ Совѣтомъ, или по крайней мѣрѣ проведеніе его въ жизнь затянуто насколько возможно больше, чѣмъ всякаго другого думскаго проэкта, такъ что именно ускоренія реформы отъ него ждать было нельзя. Если же трудовая

группа расчитывала ввести его «явочнымъ порядкомъ», то есть революціоннымъ путемъ, то для этого никакого думскаго постановленія не нужно было, ибо вообще революціи не декретируются, а дѣлаются; рѣшеніе сводится уже просто къ вопросу о фактической силѣ. Если Дума не въ силахъ была остановить даже отдѣльныхъ случаевъ произвола, то еще менѣе могла она самочинно, вопреки администраціи, вооруженной «полнотою власти», провести въ жизнь какія-нибудь новыя учрежденія, да еще требующія такой сложной операціи, какъ всеобщіе прямые выборы. Простой призывъ къ образованію комитетовъ могъ бы только вызвать учрежденіе какихъ-нибудь негласныхъ органовъ (ибо члены явной организаціи были бы конечно устранены администраціей), страна обогатилась бы одной лишней конспиративной организаціей, которая только ярче обнаружила бы безсиліе Думы защитить даже свои собственныя учрежденія; это былъ бы лишь случай наглядно доказать, что хозяиномъ страны остается администрація. Въ самомъ корнѣ предложенія трудовиковъ заключалось противорѣчіе. Съ администраціей велась борьба; именно для того, чтобы усилить Думу, должны были быть созданы эти мѣстные комитеты, органы Думы на мѣстахъ, грозившіе превратиться, какъ это справедливо указывалось К.-Д. партіей, въ тысячи самостоятельныхъ думъ, надъ которыми центральная Дума была бы безвластна. Но провести законъ объ этихъ комитетахъ въ центрѣ, а тѣмъ болѣе на мѣстахъ было невозможно безъ предварительнаго укрѣпленія позиціи Думы. Рекомендовать для этого мѣстные комитеты равнялось совѣту ѣхать за море за кораблемъ, который долженъ насъ черезъ это самое море перевезти. Общее несочувствіе, какимъ была встрѣчена попытка трудовиковъ толкнуть Думу на путь рискованныхъ экспериментовъ, заставило ихъ снять проэктъ съ очереди, высказавшись за передачу его въ общую аграрную комиссію, но этотъ эпизодъ значительно повліялъ на отношеніе лѣвыхъ къ господствовавшей въ Думѣ партіи: дѣлу «организаціи революціи» Дума отказала въ своемъ содѣйствіи и подобныя надежды на нее приходилось оставить.

Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи къ министерству, о дальнѣйшей судьбѣ столкновенія законодательной власти съ исполнительной продолжалъ заботить членовъ Думы, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Онъ иногда прорывался на самыхъ засѣданіяхъ, но еще чаще обсуждался въ кулуарахъ и на партійныхъ собраніяхъ. Послѣ министерской декларації 13 мая требованіе смѣны кабинета было уже не выводомъ конституціонной теоріи, а самой реальной потребностью, ибо государство не могли долѣе находиться подъ вліяніемъ двухъ силъ, которыя тянули въ разныя стороны; не могла и Дума мириться съ тѣмъ, что каждый шагъ ея тормазится министерствомъ. Всѣ однако понимали трудность положенія, ибо тутъ дѣло шло не о простой смѣнѣ кабинетовъ, а о ликвидаціи всего самодержавно бюрократическаго строя. Могъ ли одинъ вотумъ недовѣрія сразу заставить капитулировать? Разнообразные слухи какъ будто свидѣтельствовали, что наверху колеблятся. Думали, что этотъ періодъ колебаній неизбѣженъ, предполагали даже возможность намѣренной затяжки для замаскированія уступки, которую предстояло сдѣлать народному представительству, подхватывали слухи и отзывы иностранной печати о министерствѣ г. Горемыкина. По временамъ распространялся слухъ и о роспускѣ Думы, но всѣмъ онъ казался безумнымъ предположеніемъ. Заговорили о роспускѣ на лѣтнія каникулы, — депутаты всѣхъ партій съ трибуны заявили о своемъ намѣреніи не расходиться. Отставка министерства казалась неизбѣжной, но еще не представляли себѣ, когда и какъ она можетъ совершиться.

Тѣ случаи, когда Дума встрѣчалась съ министрами или ихъ представителями, всякій разъ убѣждали ее въ невозможности совмѣстной работы. Во время преній по аграрному вопросу гг. Стишинскій и Гурко еще разъ показали, что коренным образомъ расходятся съ Думой по главному предмету сессіи, Гурко же, кромѣ неосновательности своихъ доводовъ, раздражилъ Думу своимъ общимъ тономъ, а главное личными инсинуаціями, которыя онъ себѣ позволилъ по адресу членовъ Думы, но серьезнаго значенія этотъ эпизодъ не имѣлъ, и блестящей карьеры Гурко никто тогда еще не предвидѣлъ. Безконечно болѣе серьезно было столкновеніе изъ-за вопроса о смертной казни, ибо въ этомъ случаѣ ми-

нистры показали свое отношеніе къ законодательному почину Г. Думы.

Когда послѣ выраженаго въ адресѣ желанія пріостановки смертныхъ приговоровъ, они все-таки продолжали выноситься военными судами и исполняться, народные представители стали вносить запросы по каждому такому случаю и кромѣ того съ величайшей поспѣшностью приступили къ составленію законопроэкта объ отмѣнѣ смертной казни. Такъ какъ полная отмѣна казней не вызывала въ Думѣ почти никакихъ разногласій, кромѣ анекдотическихъ возраженій деп. Способнаго, ссылавшагося на необходимость убивать устрицъ и истреблять капустныхъ червей, то не требовалось сложнаго законопроэкта, подготовительныя работы были исполнены быстро, и уже 26-го мая былъ назначенъ къ слушанію первый законопроэктъ, изготовленный русскимъ народнымъ представительствомъ. Но по Положенію о Государственной Думѣ при этомъ обсужденіи должны были присутствовать министры, а на то, чтобы познакомиться съ думскими проэктами имъ давался по закону мѣсячный срокъ. Вопросъ былъ поставленъ на повѣсткахъ 26 мая, но уже наканунѣ сдѣлалось извѣстно, что министерство отказывается обсуждать проэктъ. Отъ министровъ военнаго, морского и юстиціи получены были почти до буквы тождественныя заявленія, что «возбужденный Государственною Думою вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни и притомъ, какъ-то слѣдуетъ заключить изъ редакціи проэкта, не только по общеуголовнымъ законамъ, но и по военнымъ и военно-морскимъ уголовнымъ узаконеніямъ, представляется въ высшей степени сложнымъ и требующимъ какъ правильной выработки основныхъ положеній, такъ и подробнѣйшихъ соображеній въ отношеніи отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, за которыя нынѣ положена по закону смертная казнь. Принимая во вниманіе, что такая работа не можетъ быть выполнена немедленно, считаю долгомъ увѣдомить Васъ, (предсѣдателя Думы), что по моему мнѣнію въ отношеніи слушанія Г-ою Д-ою проэкта закона объ отмѣнѣ смертной казни было бы желательно не отступать отъ установленнаго 56 ст. учрежденія Г. Думы мѣсячнаго срока» (641).

Законопроэктъ объ отмѣнѣ смертной казни заключалъ всего двѣ статьи (см. прил.); по его предмету министры могли быть иного мнѣнія, чѣмъ Дума, но разногласіе касалось самаго принципа, на который несомнѣнно министры имѣли давно вполнѣ установившійся взглядъ. Никакихъ справокъ, статистическихъ данныхъ для опредѣленія своего принципіальнаго отношенія къ казнямъ имъ не требовалось. Мѣсячный срокъ для подготовки къ обсужденію несомнѣнно данъ былъ статьей 56 на сложные законопроэкты, обычно вносимые въ парламентъ, и для аграрной реформы или новаго земскаго положенія не было слишкомъ много и мѣсяца. Но разумѣется, законъ не обязывалъ господъ министровъ думать надъ каждымъ вопросомъ цѣлый мѣсяцъ, и не только обязанностью ихъ, но простымъ долгомъ корректности было не требовать себѣ всегда и по всякому поводу этого мѣсячнаго срока. Въ настоящемъ же вопросѣ промедленіе, не вызванное необходимостью, было тѣмъ возмутительнѣе, что рѣчь шла о человѣческихъ жизняхъ. Было совершенно очевидно, что министры просто намѣревались оттянуть дѣло и потребовали себѣ мѣсячнаго срока только въ видѣ пустой отговорки. Недобросовѣстность ссылки на необходимость подробнаго изученія вопроса подтвердилась впослѣдствіи тѣмъ, что когда 19 іюня дѣло дошло наконецъ до обсужденія законопроэкта, то тотъ самый морской министръ, который требовалъ себѣ времени на размышленіе, чрезъ своего военно-морского прокурора Матвѣенко представилъ вмѣсто «подробнѣйшихъ соображеній» буквально слѣдующее заявленіе: «Отмѣна смертной казни по воинскому и морскому уставу о наказаніяхъ должна составить предметъ особаго вопроса, подлежащаго разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ, опредѣленномъ военно-морскимъ судебнымъ уставомъ. Такое направленіе этого вопроса, по мнѣнію морского министра, опредѣляется 55 ст. Основныхъ законовъ, съ толкованіемъ которыхъ, изложеннымъ здѣсь г. докладчикомъ (Кузьминымъ-Караваевымъ), морской министръ согласиться не можетъ» (1480). Насъ здѣсь не интересуетъ, кто именно правильно толковалъ основные законы — г. Кузьминъ-Караваевъ или г. морской министръ; важно отмѣтить, что морской министръ не представилъ рѣшительно никакихъ объясненій по существу вопроса, а свое толкованіе основ-

ныхъ законовъ онъ конечно съ такимъ же удобствомъ могъ сообщить Г. Думѣ 26 мая, какъ и 19 іюня. Министръ юстиціи ограничился самыми общими соображеніями о необходимости смертной казни, какъ оружія борьбы съ анархизмомъ, что и онъ тоже могъ сказать въ маѣ. Главный военный прокуроръ Павловъ въ засѣданіи 19 іюня не могъ высказаться по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, но одно его появленіе въ качествѣ представителя военнаго министра по этому вопросу говорило достаточно ясно, какое мнѣніе было у министра объ этомъ законопроэктѣ.

Требованіе мѣсячной отсрочки было простой канцелярской уловкой министерства, какимъ то дѣтскимъ желаніемъ отыгрываться возможно дольше отъ непріятныхъ объясненій. Первый случай имѣлъ огромное значеніе, какъ симптомъ. Основные законы были сочинены бюрократіей такъ, что могли связать Думу по рукамъ и по ногамъ, сдѣлать ее совершенно неработоспособной. Всѣ старанія обратить Думу въ истинное законодательное учрежденіе, вопреки утвержденію лѣвыхъ, что отъ нея никакого прока ждать нельзя, основывались на увѣренности, что стѣснительныя правила останутся мертвой буквой, что жизнь возьметъ свое, а правительство, издававшее эти законы, пойметъ ихъ непріемлемость и откажется само на нихъ настаивать. Особый законопроэктъ объ измѣненіи этихъ самыхъ 55—57 статей Учрежденія Государственной Думы былъ уже выработанъ и внесенъ въ Думу. Между тѣмъ оказывалось, что министерство, получившее уже выраженіе недовѣрія, намѣрено пустить въ ходъ заготовленное противъ Думы оружіе; предвидѣлось, что и впредь при обсужденіи всякаго вопроса будутъ выдвигаться пресловутыя статьи если не эти самыя, то какія-нибудь другія. Стремленіе обратить Думу въ пустую говорильню, въ чемъ потомъ ее же укоряли министерскіе публицисты, угрожало самому существованію Думы: и безъ того многіе члены тяготились медленностью парламентской процедуры, чувствовали настоятельность быстрыхъ и энергичныхъ мѣръ для того, чтобы вывести государство изъ кризиса. Поэтому-то независимо отъ желанія депутатовъ поскорѣе покончить со смертной казнью, отвѣтъ министровъ вызвалъ большое волненіе, доходившее до того, что

въ партійныхъ собраніяхъ раздавались голоса о невозможности дальнѣйшей работы въ Думѣ; въ воздухѣ висѣлъ рѣшительный конфликтъ, но онъ былъ отклоненъ, потому что, во-первыхъ, слишкомъ еще мало было сработано Думою, чтобы можно было расходиться, во-вторыхъ, требованіе отмѣны смертной казни, не смотря на свою важность, не могло бы вызвать въ странѣ того единодушнаго отклика и поддержки, какая была необходима для его проведенія въ жизнь. Народъ ждалъ земли и воли и не понялъ бы столкновенія по этому частному вопросу: объясненная выше важность поступка министровъ ускользнула бы отъ вниманія широкихъ массъ. Расходиться безъ боя не пожелала ни одна партія, но кадеты и трудовики различно смотрѣли на дальнѣйшее поведеніе Г.Думы. Трудовики предлагали попросту приступить немедленно къ обсужденію вопроса, игнорируя министровъ. «Намъ скажутъ—говорилъ деп. Якубсонъ—позвольте, развѣ законы можно принимать революціоннымъ путемъ, развѣ законы, принимаемые революціоннымъ путемъ, имѣютъ юридическую силу? Вѣрно это было бы въ нормальное время. Въ нормальное время и законы принимаются нормальнымъ путемъ, но теперь время ненормальное. Теперь законы принимаются только такимъ путемъ, который Дума признаетъ для себя достойнымъ» (644). Нервность, возбужденная столкновеніемъ, передалась и нѣкоторымъ депутатамъ, стоявшимъ внѣ трудовой группы. «Господа—восклицалъ членъ Думы отъ Таврической губ. Синягинъ,—неужели передъ человѣческой жизнью можно говорить о парламентской формѣ? Люди умираютъ, а мы будемъ парламентскія формы вырабатывать!» (643). Странно было непониманіе вопроса въ этихъ рѣчахъ. На теоріи «ненормальности времени», оправдывающей нарушеніе конституціонныхъ порядковъ, основывалось и министерство, сохраняя въ странѣ произволъ. Помимо невозможности вступать на открытый революціонный путь по такому случайному поводу, какъ отказъ министровъ отъ участія въ обсужденіи законопроэкта, вставало еще болѣе важное практическое затрудненіе: куда дѣвать принятое такимъ неустановленнымъ порядкомъ постановленіе? Для того, чтобы законопроэктъ сталъ закономъ, нужно было чтобы онъ прошелъ еще стадію обсужденія въ Государственномъ совѣтѣ и былъ

утвержденъ Верховной властью, безъ чего могло дѣйствовать только учродительное собраніе. Но принятый въ отсутствіе министровъ законопроэктъ, съ точки зрѣнія основныхъ законовъ, считался бы необсужденнымъ, не былъ бы подвергнутъ даже разсмотрѣнію въ Государственномъ совѣтѣ. Провести этотъ законъ вопреки установленному порядку могла реальная сила, о недостаткѣ который у Думы накапунѣ говорилъ самъ лидеръ трудовиковъ Аладьинъ (597); на это же указали теперь трудовикамъ кадеты. Деп. Набоковъ отвѣтилъ имъ: «Мы должны немедленно принять законопроэктъ о смертной казни, а далѣе.... Что далѣе—не говорилось. Что же далѣе дѣлать? Мы должны сообщить во всѣ суды, чтобы они нашимъ постановленіемъ руководствовались?.... Я думаю, что если мы примемъ то, что здѣсь предлагалось, то это все-таки будетъ не революція, а все та же резолюція» (660), и ту же мысль сильнѣе выразилъ деп. Ледницкій: «Намъ предлагаютъ бумажную резолюцію, которая останется только пустымъ звукомъ въ странѣ, которая ничѣмъ отъ митинговой резолюціи не отличается, какъ не отличается и отъ тѣхъ резолюцій, которыя нами раньше принимались» (649). Послѣ долгихъ преній и голосованія вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, какъ предлагали представители партіи народной свободы: Дума подчинилась ст. 56 и отложила обсужденіе до требуемаго срока, объявивъ при этомъ что «дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ, объясняемое неподготовленностью министровъ, въ то время, когда само правительство уже приступило къ рѣшенію вопроса объ отмѣнѣ смертной казни, является попраніемъ основныхъ нравственныхъ началъ и въ глазахъ страны будетъ не актомъ правосудія, а убійствомъ» и въ своемъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ потребовала пріостановки смертныхъ приговоровъ. (661).

Черезъ нѣсколько дней отвѣтъ главнаго военнаго прокурора на запросы Думы по поводу отдѣльныхъ казней подлилъ еще масла въ огонь, еще лучше показалъ и точку зрѣнія правительства, и пріемы, при помощи которыхъ оно желало отдѣлываться отъ Думы. Въ засѣданіи 1 іюня прок. Павловъ по приказанію военнаго министра объяснилъ Думѣ, что всѣ смертные приговоры, вынесенные военными судами, были вполнѣ закономѣрны:

«Существующія узаконенія и правила для мѣстностей, состоящихъ на военномъ положеніи и на положеніи объ усиленной охранѣ, предоставляютъ генералъ-губернаторамъ право передавать дѣла о всякихъ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими законами, военнымъ судамъ для осужденія виновныхъ по законамъ военнаго времени; эти узаконенія предоставляютъ право устранять кассаціонное производство и утверждать смертные приговоры; при осуществленіи этого права, предоставленнаго генералъ-губернаторамъ, они дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, не получая ни отъ кого какихъ-либо распоряженій, руководствуясь единственно своимъ убѣжденіемъ» (901).

Военное министерство какъ будто не слыхало и не поняло всего того, что говорилось въ Думѣ за цѣлый мѣсяцъ. Для всей Думы было совершенно ясно, что казни совершаются на основаніи усиленной охраны, то есть закона, упраздняющаго дѣйствіе всѣхъ законовъ. Дума протестовала именно противъ этого закона и въ частности противъ примѣненія смертной казни на основаніи его, и Дума требовала пріостановки казней, разъ уже высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ, каковымъ была Дума, былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ казни, ибо казненныхъ нельзя было вернуть къ жизни послѣ принятія закона. Въ моментъ, когда старый законъ признается негоднымъ, а новый еще находится въ процессѣ выработки, примѣненіе стараго обыкновенно требуетъ осторожности и послабленія въ виду перехода къ новому порядку. Но тамъ, гдѣ самый принципъ закона осужденъ, гдѣ послѣдствія примѣненія его совершенно непоправимы, тамъ пріостановка его безусловна обязательна, и если бы Павловъ ссылался на то, что законъ еще не обсужденъ въ Думѣ (по винѣ того же военнаго министерства) если бы было какое-либо сомнѣніе, что онъ будетъ принятъ, военный прокуроръ могъ бы утѣшиться соображеніемъ, что въ случаѣ отклоненія проэкта онъ всегда успѣлъ бы повѣсить своихъ подсудимыхъ.

Военному министерству не хватило даже прямоты и мужества принять на себя отвѣтственность за произведенныя казни; оно свалило ее на генералъ-губернаторовъ. Являлся вопросъ: если генералъ-губернаторы такъ мало считаются

съ ходомъ работъ народнаго представительства, то нельзя ли ихъ направить на истинный путь? Вѣдь если законъ объ усиленной охранѣ и военномъ положеніи давалъ имъ *право* передавать преступленія на сужденіе по законамъ военнаго времени и даже отнимать у подсудимыхъ гарантію правильности рѣшенія въ видѣ кассаціонной жалобы, то онъ ни въ какомъ случаѣ не *обязывалъ* ихъ дѣлать это. Нельзя ли было умѣрить ихъ пылъ въ примѣненіи своихъ исключительныхъ полномочій? На это прокуроръ Павловъ заготовилъ отвѣтъ.

«Обращеніе къ генералъ-губернаторамъ съ требованіемъ не утверждать смертныхъ приговоровъ и не обращать ихъ къ исполненію явилось бы совершенно непонятнымъ и совершенно незаконнымъ вторженіемъ въ ихъ права и было бы стѣсненіемъ полномочій мѣстной высшей власти, призванной поддержать въ странѣ порядокъ всѣми предусмотрѣнными въ законѣ средствами». «Пока существуетъ законъ, опредѣляющій за извѣстныя преступленія смертную казнь, военные суды обязаны руководствоваться точнымъ закономъ и не могутъ не назначать этого наказанія въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ».

Все это могло бы показаться очень убѣдительно людямъ, которые впервые услыхали бы о Россіи или были бы вовсе лишены элементарныхъ юридическихъ знаній. Во-первыхъ, Павловъ какъ будто намѣренно смѣшалъ двѣ вещи: вынесеніе приговора судомъ и исполненіе его, т. е. казнь. Вмѣшиваться въ судебный приговоръ правительство не могло, но пріостановить исполненіе было всецѣло въ рукахъ исполнительной власти. Во-вторыхъ, даже и не спеціалистамъ-юристамъ изъ всѣхъ предыдущихъ преній и изъ всей литературы освободительнаго періода должно было быть извѣстно, что въ Россіи за одно и то же преступленіе полагается различное наказаніе, въ зависимости отъ того, въ какой судъ направлено будетъ дѣло, а это въ свою очередь зависитъ, какъ удостовѣрилъ Павловъ, отъ полнаго произвола генералъ-губернаторовъ. Поэтому ссылка на законъ была только отводомъ глазъ: военный судъ можетъ быть и не могъ не постановить смертнаго приговора, но генералъ-губернаторъ несомнѣнно *могъ* не передавать гражданское

дѣло военному суду. Щепетильная боязнь стѣснить мѣстную власть была смѣшна для всякаго, который зналъ, что такое русская администрація до генералъ-губернаторовъ включительно: мѣстная администрація живетъ петербургскими вѣяніями, ловитъ каждый намекъ высшихъ сферъ, часто пересаливаетъ въ своемъ стремленіи скорѣй выполнить то, чего Петербургъ даже не требуетъ, а только даетъ прочесть между строкъ въ своихъ указахъ и циркулярахъ. И всѣмъ прекрасно извѣстно, какъ министерство, и конечно не одно военное, давало тонъ и направленіе дѣятельности своихъ агентовъ въ провинціи, даже судовъ, да иначе и быть не могло при бюрократическомъ режимѣ. Разсказывать сказки о строгой отграниченности властей провинціальныхъ отъ центральныхъ, которыя во всякую минуту могутъ ихъ смѣстить, можно было или дѣтямъ, или «знатнымъ иностранцамъ» да и то еще не въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда о насъ достаточно знаютъ въ Европѣ. Одинъ знакъ, одинъ намекъ изъ Петербурга,—и количество дѣлъ въ военныхъ судахъ сократилось бы до минимума; этотъ намекъ очевидно не былъ данъ, а между тѣмъ министерство рисовало народнымъ представителямъ комическую картину какого-то своеобразно конституціоннаго министра, ограниченнаго собственными слугами. Повторяемъ, кромѣ принципіальнаго осужденія дѣятельности министерства, народныхъ представителей возмущала та оффиціальная фальшь, на которой было построено объясненіе военнаго министерства. Можетъ быть даже Треповское «патроновъ не жалѣть» было по своей грубой откровенности симпатичнѣе канцелярскихъ изворотовъ, поднесенныхъ Думѣ главнымъ военнымъ прокуроромъ Павловымъ. Въ отвѣтъ на его объясненіе въ первый разъ раздалось въ Думѣ слово, предвѣщавшее наступающія бури: «палачъ!».

Это происходило 1 іюня, а на другой день утромъ народные представители прочли въ газетахъ телеграмму о погромѣ въ Бѣлостокѣ. Послѣ ряда погромовъ въ концѣ 1905 г. повтореніе ихъ казалось бы не должно было удивлять, а между тѣмъ оно потрясло Думу не меньше, чѣмъ сдѣлалъ бы государственный переворотъ: у всѣхъ на памяти было ужасное время октябрьскихъ избіеній, всѣ понимали, какую

роль контръ-революціи они призваны были сыграть, дабы парализовать по возможности дѣйствія манифеста 17 октября. Положеніе въ іюнѣ было очень сходно съ періодомъ конца октября 1905 года: подъ вліяніемъ Думы настроеніе поднялось, и хотя въ это время террористическихъ преступленій стало меньше, чѣмъ когда-либо съ начала революціи, но народъ начиналъ жить новой жизнью, дни стараго порядка были сочтены. Послѣдняя отчаянная попытка спасти его, натравить одну часть населенія на другую, казалась возможной; невольно приноминались телеграммы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» съ прямыми угрозами насилій противъ приверженцевъ Думы и инородцевъ; у многихъ мелькнула мысль: «начинается», и при томъ возбужденіи, которое царило всюду, рождалось опасеніе, что дѣло не ограничится однимъ Бѣлостокомъ, что погромы снова разольются волной по странѣ, и что на этотъ разъ народъ можетъ отвѣтить на нихъ съ своей стороны кровопролитіемъ. Имя Государственной Думы становилось уже популярнымъ въ странѣ, населеніе сильно выросло за полгода и не далось бы легко въ обманъ, а къ старымъ понятіямъ, на защиту которыхъ якобы становились погромщики, оно относилось уже безъ прежняго абсолютнаго благоговѣнія. Появившійся на горизонтѣ призракъ междуусобицы грозилъ парализовать всѣ усилія Думы къ правильному и законному разрѣшенію великаго кризиса, а именно это могло входить въ расчеты кучки «вахмистровъ и городовыхъ по воспитанію и погромщиковъ по убѣжденію», какъ характеризовалъ ихъ кн. Урусовъ (1132).

Этимъ объясняется, что Дума проявила въ отношеніи къ Бѣлостоку необычайную энергію, которая сдѣлала бы честь и опытному парламенту: въ тотъ же день 2 іюня послѣ обѣденнаго перерыва въ Думу былъ внесенъ срочный запросъ министерству объ этомъ событіи. Евреи, русскіе, поляки отнеслись совершенно одинаково къ бѣлостокской рѣзнѣ, и депутатъ Левинъ, требовавшій отъ имени еврейскаго народа «не жалости, а только справедливости», былъ отголоскомъ общаго настроенія, когда говорилъ: «Мы должны опасаться, что Бѣлостокъ есть только первая страница во второй (послѣ октября 1905 г.) кровавой главѣ книги,

которая будетъ написана сейчасъ» (953). Не ограничиваясь запросомъ, Дума по предложенію депутата Аладьина рѣшила командировать для разслѣдованія въ Бѣлостокъ трехъ своихъ членовъ, и въ тотъ же вечеръ они выѣхали на мѣсто. Дѣйствительно, рѣзня прекратилась, и Бѣлостокъ остался на этотъ разъ единственнымъ пострадавшимъ городомъ. Насколько страна обязана была этимъ своимъ представителямъ? Какъ окончилось бы дѣло безъ Думы? Объ этомъ можно только догадываться. Сравненіе съ октябрьскимъ періодомъ повидимому даетъ поводъ приписать Думѣ хоть часть заслуги прекращенія погромной эпидеміи, а посылка делегатовъ на мѣсто уже несомнѣнно содѣйствовала точному выясненію обстоятельствъ погрома.

Бѣлостокскій погромъ и постоянно возвращавшійся на сцену вопросъ о смертной казни повышали нервное настроеніе Думы. Чувствовалось, что работа не можетъ итти гладко, и даже она какъ бы отодвинулась на второй планъ передъ вопросомъ объ общемъ политическомъ положеніи. Около того же времени, въ первыхъ числахъ іюня были закончены общія пренія и сданъ въ комиссію самый жгучій для большинства вопросъ аграрный.

VI.

Бурный періодъ Думы.

Въ предъидущей главѣ мы указали нѣкоторыя причины, измѣнявшія понемногу настроеніе Думы. Но не случайныя столкновенія съ министрами играли тутъ главную роль. Естественный ходъ вещей не давалъ Думѣ оставаться въ положеніи неустойчиваго равновѣсія, въ какое она попала сначала. И внутри Думы, и въ ея сношеніяхъ съ министерствомъ стали понемногу обнаруживаться новыя явленія.

Разслоеніе партій продолжало итти своимъ чередомъ. Было бы наивно ожидать, что единодушіе, царившее въ первую минуту, сохранится въ Думѣ навсегда. Собраніе въ 500 человѣкъ, пришедшихъ съ разныхъ концовъ государства, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ населенія, неизбѣжно должно было распасться на партіи, и какъ мы видѣли, между ними къ счастью для Думы на первыхъ шагахъ оказалось болѣе общаго, чѣмъ можно было бы ожидать. Чѣмъ далѣе погружалась Дума въ законодательную работу, чѣмъ болѣе обострялась борьба съ министерствомъ, тѣмъ дальше расходились партіи и группы не только въ силу разныхъ убѣжденій и интересовъ, но и темперамента. Не случайно, конечно, на крайней лѣвой оказались представители Кавказа. О взаимныхъ отношеніяхъ партій мы будемъ говорить впослѣдствіи, но здѣсь намъ важно подчеркнуть, что партійныя разногласія и распри стали вторгаться въ работу Думы къ концу перваго мѣсяца. Тогда же произошелъ пустой по существу конфликтъ изъ-за мѣстъ въ залѣ засѣданій, обострившій отношенія на нѣкоторое время больше, чѣмъ всѣ вопросы законодательные. Въ послѣднихъ, особенно въ аграрномъ, стало рельефнѣе выступать различіе между

кадетами и лѣвыми. Оно обнаружилось особенно ярко (тоже въ началѣ іюня) въ запискѣ, внесенной 33 членами трудовой группы объ «основномъ аграрномъ законѣ». Записка была отвергнута безъ преній по существу и даже не передана въ комиссію по выработкѣ аграрной реформы, ибо общій принципъ записки—полная націонализація земли—отвергался огромнымъ большинствомъ Думы, а заявленное въ самомъ вступленіи въ запискѣ убѣжденіе, что Дума не уполномочена рѣшать аграрнаго вопроса, потому что избрана не всеобщимъ, прямымъ, равнымъ, тайнымъ голосованіемъ, было для Думы совершенно непріемлемо, ибо означало ни болѣе, ни менѣе, какъ признаніе своей несостоятельности. Если Дума не была компетентна рѣшать аграрный вопросъ, то столько же можно было оспаривать ея компетенцію въ любой изъ числа тѣхъ коренныхъ реформъ, которыя предстояло ей провести. Это утвержденіе было и по существу невѣрно, потому что выборы производились главнымъ образомъ на платформѣ аграрной реформы и въ частности принудительнаго отчужденія земли; всѣмъ было извѣстно, какъ нетерпѣливо, ждалъ народъ этой реформы, какъ вѣрилъ всей Государственной Думѣ, хотя иные партійные люди и старались приписать это сочувствіе исключительно трудовикамъ. Отказаться рѣшать какой бы то ни было законодательный вопросъ, откладывать его Дума не могла, не нарушая тѣхъ обязательствъ, которыя приняли на себя ея члены въ моментъ выборовъ. Необходимость же считаться съ желаніями народа, съ условіями каждой мѣстности при выработкѣ аграрнаго закона признана уже была всѣми партіями и выражалась въ той части записокъ и 42, и 104, гдѣ проэктировалось учрежденіе мѣстныхъ комитетовъ по разработкѣ аграрной реформы. Внесеніе проэкта «Основного аграрнаго закона» въ Думу только дало поводъ подчеркнуть несочувствіе Думы къ соціалистическимъ экспериментамъ: проэктъ былъ отвергнутъ безъ обсужденія большинствомъ 140 голосовъ противъ 78 (1150).

Втеченіе іюня выдѣлились и обособились отъ трудовиковъ соціалъ-демократы подъ главенствомъ пріѣхавшихъ съ Кавказа новоизбранныхъ членовъ Думы. Зародилась Лига Мирнаго Обновленія. Безпартійные начали распредѣляться по

существующимъ группамъ и партіямъ. Въ этомъ естественномъ процессѣ организаціи Думы замѣчалась та же нервность, какъ и во всемъ. Вся жизнь Думы проходила подъ давленіемъ внѣшнихъ ненормальныхъ условій, и потому всякій инцидентъ, всякій вопросъ обострялся до крайности.

Ненормальное настроеніе создавалось отношеніями къ министерству. Уже три недѣли прошло со времени знаменитой декларацiи, а положеніе оставалось на той же точкѣ. Министерство не уходило и не было конституціонныхъ средствъ теперь же заставить его уйди. А между тѣмъ было ясно, что пока оно будетъ у власти, Дума сведена къ нулю. Тѣ, кто воображалъ, что можно примирить народное представительство съ безотвѣтственнымъ министерствомъ, могли на опытѣ увидать, что это за утопія. Безспорно, если бы министерство вело себя тактично, пошло на встрѣчу Думѣ, какъ этого благодушно ожидалъ гр. Гейденъ, то вопросъ потерялъ бы свою остроту и критическій періодъ могъ бы протянуться дольше. Но министерство Горемыкина показало, что ни война, ни революція ничему не научили бюрократію. Отвѣтственность передъ родиной, здравый смыслъ, даже чувство дальновиднаго самосохраненія — все это исчезло. Расчитывать на миролюбивую сдѣлку, на вѣжливое исполненіе требованій Думы нельзя было. Оставались гадательные расчеты на мнѣніе Европы, на потребность въ деньгахъ, наконецъ просто на измѣнчивое настроеніе высшихъ сферъ. Но все это было гаданіе, а на дѣлѣ передъ народными представителями стояла глухая стѣна: Дума дѣйствительно очутилась въ томъ тупикѣ, о которомъ говорилъ гр. Гейденъ въ день декларацiи, но не по ея винѣ, и ни лидеръ правой, никто иной не указалъ ей выхода изъ этого тупика. Очевидно, что сознаніе нестерпимости такого режима было достаточно убѣдительно и для нашихъ правыхъ конституціоналистовъ, потому что возникшая въ этотъ періодъ Лига мирнаго обновленія, съ тѣмъ же Гейденомъ во главѣ, включила въ свою программу отвѣтственность министерства, отъ которой отказался Союзъ 17 октября.

Теперь каждое появленіе министра въ Думѣ вызывало уже особое волненіе, а событія только усиливали и оправдывали враждебность народныхъ представителей къ предста-

вителямъ бюрократіи. Возбужденіе прорвалось въ острой формѣ въ первый разъ 8 іюня въ день отвѣта Столыпина на первый запросъ о погромѣ въ Вологдѣ и Царицынѣ. По случайности это совпало съ тѣмъ днемъ, когда былъ отвергнутъ «Основной аграрный законъ» и съ этого дня, ровно за мѣсяцъ до роспуска, можно начать ея послѣдній періодъ сессіи. Мы назвали его бурнымъ въ отличіе отъ рабочаго періода конца мая не потому, чтобы Дума прекратила работу, но потому, что бурныя столкновенія съ министрами своимъ драматизмомъ не только заслонили въ глазахъ большинства спокойную работу, но и дѣйствительно повліяли на дальнѣйшую судьбу Думы.

Для министра внутреннихъ дѣлъ было чрезвычайно невыгодно, что объясненія по поводу сравнительно небольшого погрома въ Вологдѣ ему пришлось давать черезъ недѣлю послѣ бѣлостокскаго погрома, когда вся Дума была еще подъ живымъ впечатлѣніемъ послѣдняго. Объясненія, которыя г. Столыпинъ далъ по предъявленному къ нему мѣсяцъ тому назадъ запросу, были корректны, но послѣ торжественнаго обѣщанія говорить всю правду министръ сообщилъ свѣдѣнія, которыя членъ Думы Набоковъ тутъ же сталъ оспаривать на основаніи данныхъ предварительнаго слѣдствія, а по Царицыну, гдѣ самъ министръ призналъ виновность полиціи, онъ далъ очень краткія туманныя объясненія. Какъ извѣстно, отвѣтомъ на его сообщеніе была рѣчь кн. Урусова, бывшаго товарища министра, съ разоблаченіями погромной организаціи въ стѣнахъ самого министерства внутреннихъ дѣлъ. Повторять содержаніе разоблаченій мы здѣсь не будемъ, такъ какъ они достаточно извѣстны всей Россіи; въ нихъ важны были не обвиненія отдѣльныхъ лицъ, — кн. Урусовъ даже оговорился, что вовсе не думаетъ винить П. А. Столыпина,—а важность была въ томъ выводѣ, какой сдѣлалъ бывшій членъ кабинета. „Никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава Государственной Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе, пока какіе-то неизвѣстные намъ люди или темныя силы, стоящія за недосягаемой оградой, будутъ имѣть возможность грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощрять свое политическое невѣжество опытами надъ жи-

выми людьми" (1131). Послѣ всѣхъ думскихъ рѣчей, обличавшихъ дѣятельность погромной организаціи, г. Столыпинъ на слова кн. Урусова нашелся отвѣтить удивительно наивнымъ завѣреніемъ: «По приказанію Государя я, вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, получилъ всю полноту власти и на мнѣ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности. Если бы были призраки, которые бы мѣшали мнѣ, то эти призраки были бы разрушены, но этихъ призраковъ я не знаю» (1141). Это все равно, что мужъ доказывалъ бы вѣрность своей жены тѣмъ, что они вѣдь повѣнчаны законнымъ бракомъ. А на упрекъ въ произвольности дѣйствій администраціи, онъ отвѣтилъ: «Мнѣ говорятъ, что у меня нѣтъ должнаго правосознанія, что я долженъ измѣнить систему,—я долженъ отвѣтить на это, что это дѣло не мое. Согласно понятію здраваго правосознанія, мнѣ надлежитъ справедливо и твердо охранять порядокъ въ Россіи... Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправѣ, измѣнять законовъ я не могу. Законы измѣнять и дѣйствовать въ этомъ направленіи будете вы». Это выходило уже за предѣлы наивности, допустимой для министра, ибо г. Столыпинъ долженъ понимать, что одинъ и тотъ же законъ можетъ быть примѣненъ весьма неодинаково, и въ этомъ и заключается *система*, о чемъ мы уже говорили по поводу объясненій прокурора Павлова. Увѣреніе министра, что онъ твердо охраняетъ порядокъ въ Россіи, непосредственно послѣ бѣлостокскаго погрома, было довольно курьезно, а расшаркиваніе передъ Думой съ скромнымъ заявленіемъ, что только она вправѣ мѣнять законы, удивительно противорѣчила поступку его же собственныхъ товарищей по кабинету, которые только что передъ тѣмъ намѣренно затормазиля первое же измѣненіе закона, проэктированное Думой,—отмѣну смертной казни. Почему сознаніе несовершенства дѣйствующихъ законовъ не побудило г. Столыпина внести въ Думу какой-либо проэктъ ихъ улучшенія, объ этомъ онъ умолчалъ, а между тѣмъ какъ только Думу закрыли, онъ началъ печь законопроэкты съ поразительной для чиновника быстротой. Всѣ объясненія г. Столыпина при первомъ впечатлѣніи казались только наивностями, послѣ частаго же повторенія принимали характеръ сознательнаго лицемѣрія. Письмо бывшаго

директора департамента полиціи Лопухина, написанное имъ г. Столыпину подъ живымъ впечатлѣніемъ думскихъ преній, подтвердило впослѣдствіи, какъ опрометчива была увѣренность премьеръ-министра, что вся полнота фактической власти находится въ его рукахъ, и что отъ него ничего не скроется. Дума, констатировавъ безнаказанность участниковъ погрома и безсиліе министерства справиться съ такими явленіями, еще разъ потребовала отставки министерства.

Черезъ четыре дня новое столкновеніе съ тѣмъ же Столыпинымъ по совсѣмъ иному поводу. Министръ выступилъ съ отвѣтомъ на запросъ о мѣрахъ борьбы съ голодомъ. Въ этотъ разъ онъ только ограничился обѣщаніемъ внести подробный проэктъ мѣръ борьбы, далъ коротенькій очеркъ того, что было сдѣлано въ прошлую кампанію, и опровергалъ жалобы на стѣсненія частной благотворительности и лишеніе пособія семей крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ волненіяхъ. Интересно отмѣтить какъ подробность, характерную для обычнаго самоувѣреннаго тона г. Столыпина, что, упоминая о стѣсненіяхъ частныхъ лицъ, онъ между прочимъ утверждалъ какъ неподлежащій сомнѣнію фактъ: «Что касается Нижегородской, Пензенской и Тульской губерній, то тамъ случаевъ закрытія столовыхъ московскаго комитета помощи голодающимъ и Вольно-экономическаго общества, арестовъ и *высылокъ уполномоченныхъ не было*. Встрѣтилъ нѣкоторыя препятствія графъ Толстой въ Пензенской губ., но путемъ телеграфныхъ сношеній препятствія были устранены» (1243). Между тѣмъ дѣло происходило совершенно иначе: гр. Толстой состоялъ уполномоченнымъ общеземской организаціи, то есть учрежденія, въ глазахъ министра болѣе солиднаго, чѣмъ какой-нибудь московскій комитетъ, и тѣмъ не менѣе онъ былъ дѣйствительно *высланъ* изъ предѣловъ губерніи, и только спустя недѣлю или около этого получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе вернуться, и то лишь благодаря тому, что были пущены въ ходъ всѣ связи, какими располагала общеземская организація, а вовсе не благодаря посылкѣ однихъ телеграммъ. Такъ какъ это все происходило еще въ министерство Дурново, то П. А. Столыпинъ могъ не быть освѣдомленъ лично объ этомъ дѣлѣ, и переданная имъ въ Думѣ версія съ отрицаніемъ высылки гр. Т., очевидно

принадлежала перу одного изъ его агентовъ, который донесъ ему завѣдомо ложныя свѣдѣнія.

Пренія по поводу отвѣта Столыпина велись съ такой же страстностью, какую мы видѣли при обсужденіи вопроса о смертной казни; причина этого лежала какъ въ неостывшемъ еще впечатлѣніи отъ разоблаченій кн. Урусова, такъ и въ сознаніи все болѣе запутывающагося положенія. Думскія пренія перешли почти въ личную брань, когда Аладьинъ при аплодисментахъ сказалъ «русскій народъ грабить мы никогда не опаздывали, господа министры», (1249), а Столыпинъ возразилъ при шумѣ и протестѣ лѣвой, что онъ не считаетъ нужнымъ отвѣчать на такія клеветы (1252). Если деп. Аладьина можно было упрекнуть за рѣзкость, которая тогда не оправдывалась опредѣленными фактами, то г. Столыпинъ съ своей стороны, бросая высокомѣрный вызовъ лѣвой, не подозрѣвалъ, какъ жестоко оправдаются слова Аладьина на томъ же самомъ продовольственномъ дѣлѣ и на его собственномъ товарищѣ Гурко, который, между прочимъ, былъ виновникомъ безчеловѣчнаго распоряженія о лишеніи пособія семей аграрниковъ. Въ той же рѣчи Аладьина былъ задѣтъ самый острый практическій вопросъ: «мы потребуемъ, чтобы всѣ средства, находящіяся въ ихъ (министерскихъ) рукахъ, были отданы на службу нашей (продовольственной) комиссіи и тѣхъ лицъ, которыхъ она привлечетъ къ этой работѣ, и это чтобы не дать ни одной копѣйки министерству, въ составъ котораго входитъ г. Гурко, которому мы публично выразили здѣсь свое недовѣріе» (1249). Это звучало почти пророчествомъ, но какъ было выполнить требованіе деп. Аладьина? Дѣло шло ни болѣе ни менѣе, какъ о созданіи своего министерства, ибо конечно на этомъ же основаніи слѣдовало отобрать у министровъ всѣ отрасли дѣятельности, сопряженныя съ расходованіемъ казенныхъ денегъ. Гр. Гейденъ напомнилъ, что это означало бы узурпацію исполнительной власти Думою, то есть нарушеніе основного принципа всякой конституціи, но кромѣ того оно было неисполнимо: у Думы не было никакихъ исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ, продовольственная комиссія могла постановить какія-угодно рѣшенія, некому было приводить ихъ въ исполненіе. Какъ

справедливо указалъ членъ думской бюджетной комиссіи Н. А. фонъ-Рутценъ, «нельзя намъ изъять продовольственное дѣло ни изъ рукъ органовъ министерства, которое имъ вѣдаетъ, ни изъ рукъ органовъ земскихъ, не смотря на все ихъ несовершенство. Импровизировать, теперь, когда черезъ три недѣли должна начаться закупка, а черезъ 6 недѣль распредѣленіе на мѣстахъ закупленнаго матеріала, не только импровизировать но даже пытаться импровизировать эти органы мы не можемъ. Мы должны взять все, что только существуетъ, взять и въ правительствѣ, и въ земствѣ, и въ общественныхъ организаціяхъ.... Контроль за исполненіемъ, контроль надъ министерствомъ, и надъ земствомъ, и надъ общественными организаціями, весь этотъ контроль сосредоточенъ теперь здѣсь. На этотъ контроль я возлагаю великую надежду» (1256). Бывшій кадетъ, превратившійся въ трудовика, Галецкій, деп. Архангельской губ., напалъ на предложеніе такого компромисса съ министерствомъ послѣ выраженнаго ему недовѣрія: «то министерство, которое мы на каждомъ шагу уличаемъ въ незнаніи того, что дѣлается подъ руками, неужели ему довѣрять въ предѣлахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя оно вамъ доставитъ?.... Неужели вы думаете, что если вы дадите ему въ распоряженіе еще лишнихъ сто милліоновъ, оно будетъ больше возбуждать довѣрія?» Съ своей обычной хлесткостью деп. Галецкій заключилъ предположеніемъ, что министерство на эти сто милліоновъ «купитъ нагаекъ для того, чтобы бить этими нагайками этихъ же самыхъ голодающихъ» (1257). Депутатъ Жилкинъ далѣе пытался поставить вопросъ во всей широтѣ и рѣзкости: «намъ нельзя уменьшать силу сопротивленія министерству, нужно эту силу увеличивать до тѣхъ поръ, пока министерство не уйдетъ. И я говорю: въ данный моментъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, дадимъ или не дадимъ мы сотню тысячъ или милліонъ рублей на продовольственное дѣло; нѣтъ, мы должны шире поставить вопросъ: должны ли мы жить при совмѣстной работѣ? Мы должны сказать: никакія дѣла, частныя или общія, съ этимъ министерствомъ невозможны, потому что отношеніе къ нему ясно обозначилось 13 мая въ Думѣ. Этимъ было установлено, что никакая работа, никакое общее

дѣло съ этимъ министерствомъ невозможно. И если министерство хочетъ вести все къ большей и большей анархіи, къ обнищанію народа, къ разгулу и насилію властей надъ несчастной страной, къ новымъ потрясеніямъ, пусть оно остается на своихъ мѣстахъ, если остаться его понуждаетъ слѣпое упорство. Если же оно обнаружитъ пониманіе, то должно уйти и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И вотъ почему я говорю: не нужно ослаблять, а нужно усиливать до тѣхъ поръ, пока и здѣсь станетъ совершенно ясно, что единственный выходъ для министерства—уйти немедленно» (1261).

Мы привели эту длинную выдержку изъ рѣчи лидера трудовой группы, потому что она вообще ярко характеризуетъ точку зрѣнія послѣдней. Примѣненіе принципа «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», не встрѣтило однако сочувствія Думы, и г. Жилкинъ наряду съ аплодисментами получилъ въ отвѣтъ крики «довольно». Какъ ни необходима была настойчивость въ борьбѣ съ министерствомъ, но немыслимо было дѣлать орудіемъ этой борьбы вопросъ о помощи голодающимъ, нельзя было провести такой бойкотъ, о которомъ мечталъ Жилкинъ, потому что, во-первыхъ, настоятельная нужда деревни не допускала его, а во-вторыхъ, народъ его не понялъ бы, и Дума дала бы врагамъ сильное оружіе противъ себя въ видѣ упрека въ равнодушіи къ голодному народу. Практически проведеніе этой мѣры было тоже невозможно, потому что министерство имѣло еще въ своемъ распоряженіи до конца года бюджетъ, утвержденный безъ Думы. Вообще тактика деп. Жилкина привела бы логически къ полному параличу Думы, ибо ни одного мѣропріятія Дума не могла осуществить безъ министерства, а заставить его уйти было не въ ея силахъ. Расчитывать, что «слѣпое упорство» министровъ пройдетъ, что страданія несчастной страны тронутъ его, было конечно наивностью, ибо не слѣпота, а напротивъ ясное пониманіе, что съ уходомъ они теряютъ *все и навсегда*, удерживало ихъ на мѣстахъ. А между тѣмъ вся Дума несомнѣнно раздѣляла мнѣніе деп. Галецкаго, что министрамъ, которымъ народные представители не довѣряютъ, нельзя давать новыхъ ста милліоновъ народныхъ денегъ. Государственная Дума заходила все дальше въ тупикъ конфликта, билась въ петлѣ, которая затягивалась все туже. Впо-

слѣдствіи, когда министерствомъ былъ представленъ обѣщанный проэктъ плана помощи голодающимъ, Дума попробовала найти практическій выходъ изъ положенія, но объ этомъ позже.

Слѣдующее засѣданіе было посвящено запросамъ министерству и главнымъ образомъ стѣсненіямъ печати, совершенно произвольнымъ конфискаціямъ газетъ ранѣе выхода ихъ въ свѣтъ, вопреки точному указанію закона 24 ноября 1905 г. и тому под. Среди множества злоупотребленій останавливалъ вниманіе фактъ, сообщенный бывшимъ губернскимъ продводителемъ, представителемъ Черниговской губ. А. А. Мухановымъ,—что въ Черниговской губ. совершаются поджоги строеній по распоряженію властей. Онъ прочелъ на трибунѣ отрывокъ изъ одного пожарнаго акта, гдѣ значилось: «сожжено гумно крестьянина села Александровки Антона Иванова Кулеша по распоряженію генерала Рудова» (1303) Бывшій предсѣдатель Черниговской управы Свѣчинъ разсказалъ, что управа «пришла въ ужасъ», когда узнала о такихъ мѣропріятіяхъ властей, но представитель Виленской губ., епископъ Роонъ, разъяснилъ ему, что это фактъ вовсе не исключительный, ибо въ Прибалтійскомъ краѣ сжиганіе усадебъ крестьянъ послѣ аграрныхъ безпорядковъ было обычнымъ пріемомъ борьбы съ крамолой, а Кузьминъ-Караваевъ даже сообщилъ, что сожженіе зданія въ наказаніе за произведенный изъ него выстрѣлъ было установлено обязательнымъ постановленіемъ прибалтійскаго генералъ губернатора, причемъ знатокъ военнаго права прибавилъ, что въ русско-японскую войну за подобныя распоряженія по отношенію къ имуществу китайцевъ военные начальники подлежали уголовной отвѣтственности.

16 іюня впервые выступила съ декларацією соціалъ-демократическая фракція Думы и въ тотъ же день начались пренія по законопроэкту о собраніяхъ, внесенному въ Думу партіей народной свободы. Съ появленіемъ соціалъ-демократовъ то, что носилось въ воздухѣ съ начала Думы, приняло болѣе конкретное очертаніе. Идея, руководившая с.-д. при бойкотѣ Думы, была принесена ими въ Думу, и открыто заявлена. Съ первой же минуты была подчеркнута враждебность къ партіи К.-Д. Несомнѣнно, что трудовая группа съ

самаго начала вела глухую борьбу съ К.-Д. партіей, но все-таки въ общемъ господствовала тенденція къ согласному дѣйствію, и къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ лучше всего была примѣнима пословица «худой миръ лучше доброй ссоры». Соціалъ-демократы сразу пошли на аттаку не столько правительства, сколько К.-Д партіи, по тому соображенію, что послѣдняя можетъ скоро очутиться во главѣ правительства и, какъ они думали, обманетъ народъ. Отрицая съ думской трибуны пользу какихъ бы то ни было законопроэктовъ и вообще всей Думы, какъ законодательнаго учрежденія, требуя созыва учредительнаго собранія, они внесли совершенно новую струю въ думскіе дебаты и, не придавая значенія результатамъ думской работы, они разумѣется нисколько не старались сдѣлать эти работы производительными. Это былъ явный и сознательный элементъ разложенія, вносимый въ Думу. Правильна или неправильна была такая тактика съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ, объ этомъ мы сейчасъ говорить не будемъ, а только констатируемъ это новое теченіе. На лидеровъ трудовиковъ это теченіе должно было подѣйствовать въ томъ смыслѣ, что теперь явились въ Думу люди, которые побили рекордъ лѣвости и рѣзкости. Почему трудовики сразу не взяли эту ноту, почему тянулся полтора мѣсяца этотъ «худой миръ», мы разъяснимъ позже. Теперь разладъ въ Думѣ началъ обозначаться, разладъ уже не только въ политическихъ убѣжденіяхъ, который неизбѣженъ, а разладъ въ самомъ коренномъ воззрѣніи: зачѣмъ вообще нужна Дума?

Съ этой точки зрѣнія соціалъ-демократы посмотрѣли на первый законопроэктъ, который обсуждался при нихъ, — на законопроэктъ о собраніяхъ. Весь проэктъ, изготовленный К.-Д. партіей, былъ ими забракованъ; больше того, они усмотрѣли въ немъ доказательство, что К.-Д. партія не желаетъ свободы собраній. Аргументы ихъ были основаны на радикальномъ отрицаніи не только этого проэкта, но вообще всякой попытки регулировать въ данный моментъ общественную жизнь. «Мы переживаемъ переходное время, а составлять законы въ такія переходныя времена для болѣе спокойной общественной жизни, когда жизнь политическая должна войти въ свою колею, составлять законы въ такое

время не приходится. Если что-нибудь нужно дѣлать въ Государственной Думѣ, то работу ея нужно направить къ тому, чтобы смести до основанія то зданіе, на мѣстѣ котораго думаемъ создать зданіе правового государства». Такъ говорилъ представитель соціалъ-демократовъ Джапаридзе (1461), и нельзя было рѣзче провести рознь между точкой зрѣнія большинства Думы и крайней лѣвой. Нѣкоторые же ораторы желая уличить партію народной свободы въ полицейскихъ наклонностяхъ, ставили въ упрекъ законопроэкту, что онъ упоминаетъ о полиціймейстерахъ: значитъ партія народной свободы хочетъ сохранить эту должность?. Отсюда Жорданіа вывелъ, что партія народной свободы желаетъ измѣнить только лицъ, а не систему, что она хлопочетъ обезпечить себѣ сильную власть, чтобы давить народъ. (1531). На это деп. Кокошкинъ остроумно возразилъ примѣромъ одного митинга соціалъ-демократовъ въ Москвѣ, на которомъ устроитель удачно дѣйствовалъ «съ значительной дозой усмотрѣнія и стѣснялъ свободу для водворенія порядка». Деп. Кокошкинъ указалъ, что полное отрицаніе вмѣшательства власти, какое рекомендовалось ораторами крайней лѣвой («мы говоримъ, что не нужно вообще жандармовъ, ни реакціонныхъ, ни либеральныхъ») возможно только, если осуществится идеалъ Толстого или Кропоткина, то есть тамъ, гдѣ никакого государства уже нѣтъ. Крайніе лѣвые все время протестовали противъ приписыванія имъ анархическихъ идей и стремленій, но на самомъ дѣлѣ соціалъ-демократы дѣлали предложенія равносильныя полному отрицанію власти, напр. ихъ законопроэктъ о собраніяхъ, заключавшійся всего въ трехъ статьяхъ (см. прил.): всякому позволено собираться, всѣ должностныя лица, стѣсняющія свободу собраній, подлежатъ уголовной отвѣтственности, всѣ стѣсненія собраній отмѣняются. Въ спорѣ съ Кокошкинымъ у Джорданіа проскользнуло чрезвычайно важное признаніе, которое собственно и объясняетъ сущность и корень разногласія.

Партія народной свободы имѣла въ виду возможность немедленнаго осуществленія своихъ проэктовъ, для нея представлялась въ перспективѣ возможность перехода власти въ ея руки, и съ этой практической точки зрѣнія она смотрѣла на вносимые ею въ Думу законопроэкты, которые не

были для нея одной демонстраціей или предлогомъ для словопреній. Естественно, что она должна была считаться съ практическими условіями управленія государствомъ и не предлагать мѣръ, которыя завѣдомо для нея были неисполнимы. Въ этомъ смыслѣ правъ былъ Жорданіа, когда усматривалъ въ проэктѣ стремленіе партіи народной свободы создать себѣ орудіе сильной власти. Безъ такихъ орудій конечно никакая партія не взялась бы за власть, и не соціалъ-демократамъ, стремящимся къ диктатурѣ пролетаріата, было къ лицу возражать противъ укрѣпленія власти, ибо диктатура конечно потребуетъ весьма сильныхъ органовъ власти. Шутливый примѣръ Кокошкина могъ бы быть подкрѣпленъ гораздо болѣе вѣскими фактами. Тамъ, гдѣ руководители пролетаріата хоть временно овладѣвали властью, они вводили свою полицію, и напр. въ Новороссійскѣ въ декабрѣ 1905 года производили обыски и конфискаціи оружія аккуратнѣе, чѣмъ императорская жандармерія, удовлетворяя «правовое сознаніе» обывателей выдачей квитанцій въ полученіи оружія. Но овладѣніе властью, конечно, рисовалось думскимъ соціалъ-демократамъ въ такомъ отдаленномъ будущемъ, что принимать въ соображеніе потребности того момента они вовсе не считали нужнымъ; они могли безнаказанно рекомендовать самыя неисполнимыя мѣры, ибо не имъ пришлось бы ихъ проводить, а безсиліе кадетскаго кабинета было бы имъ только на руку, какъ это прямо было заявлено съ трибуны: «нынѣшняя власть—говорилъ тотъ же Жорданіа—она сегодня или завтра должна подчиниться или отойти именно въ область прошлаго; будущая власть, это ваша власть, она будетъ сильнѣе этой власти, она будетъ организованнѣе этой власти, и съ ней бороться очень трудно; и поэтому отсюда мы говоримъ, что мы не хотимъ этой власти дать такихъ правъ, которыми она могла бы пользоваться противъ насъ» (1531). Но такъ какъ всякими правами можно злоупотреблять, то изъ этого и вытекалъ тотъ анархическій выводъ, что будущей власти не надо давать никакихъ правъ, то есть нужно, чтобы этой власти не было вовсе. Если припомнить, что все это говорилось передъ лицомъ министерства, которое еще твердо стояло и рѣшилось не уступать ни малѣйшей частицы власти, и что всѣ

эти стрѣлы направлялись въ людей, которые вели теперь борьбу и еще ни разу не обнаружили какихъ-либо реакціонныхъ наклонностей, то можно только удивляться феноменальной близорукости и неловкости соціалъ-демократовъ, раскалывавшихъ Думу въ моментъ, когда сраженіе не только не было выиграно, но только что разгоралось.

Эпизодъ съ выступленіемъ проф. М. М. Ковалевскаго, осудившаго вмѣстѣ съ лѣвыми проэктъ партіи народной свободы, еще болѣе запуталъ положеніе, потому что казалось, будто проэктъ осуждается и справа, и слѣва всѣми представителями, не подчиненными кадетской дисциплинѣ. На самомъ дѣлѣ въ ходѣ преній достаточно обнаружилось, что совпаденіе мнѣній проф. Ковалевскаго съ критикой соціалъ-демократовъ было только внѣшнимъ. Приводя въ примѣръ Англію, гдѣ обходятся безъ всякаго особаго закона о собраніяхъ, М. М. Ковалевскій возставалъ противъ всякаго спеціальнаго законодательства о собраніяхъ; между тѣмъ с.-д. находили, что это спеціальное законодательство нужно, только редактировали его такъ, что никакая администрація въ мірѣ не могла бы его примѣнять. Винаверъ и Кокошкинъ съ книгой Дайси въ рукахъ доказали проф. Ковалевскому, что его выводы о безграничной свободѣ собраній въ Англіи основаны на совершенно неправильномъ освѣщеніи англійской конституціонной практики, которая знаетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда полиція признается въ правѣ распустить собраніе. Болѣе общимъ возраженіемъ Ковалевскому было то, что Англія не знаетъ вообще писанной конституціи, ибо ея конституція создавалась вѣками, а страна, которая не можетъ потратить новыхъ вѣковъ на выработку своей конституціи и политическихъ обычаевъ, должна производить эту работу путемъ законодательства. Наконецъ, безграничная свобода собраній связана въ Англіи съ такимъ же безграничнымъ произволомъ властей распускать собранія. Многимъ памятны еще тѣ столкновенія, какія возникали въ 80-хъ годахъ въ центрѣ Лондона изъ-за запрещенія митинговъ въ Трафальгарскверѣ во время забастовки. Дайси доказываетъ, что даже для примѣненія вооруженной силы при разгонѣ митинга не существуетъ какихъ-либо ограничительныхъ формальностей. Все зависитъ отъ усмотрѣнія судьи, и только сознаніе своей

отвѣтственности и вѣковая конституціонная дрессировка не даетъ власти злоупотреблять своими правами. Что было бы въ нашей странѣ, привыкшей къ столь же вѣковому и самому безшабашному произволу, если бы законъ не связывалъ администрацію опредѣленными рамками? Ставя же эти рамки, приходилось уже точнѣе опредѣлять случаи, когда вмѣшательство полиціи признается законномѣрнымъ.

Мы остановились подробно на этомъ случаѣ, потому что онъ характеризуетъ отношеніе разныхъ партій къ основной задачѣ Думы—введенію реформъ законодательнымъ путемъ. Практическаго значенія эти пренія не имѣли, ибо Дума была распущена ранѣе, чѣмъ дѣло дошло до окончательнаго обсужденія проэкта закона о собраніяхъ; можно думать, что за нѣкоторыми поправками онъ былъ бы принятъ.

Эпизодъ съ законопроэктомъ ~~не~~ о собраніяхъ лишь на короткое время отвлекъ вниманіе Думы отъ министерства, но въ промежуткахъ обсужденія уже произошелъ инцидентъ, который, кажется, изъ всѣхъ эпизодовъ борьбы получилъ наибольшую огласку и вызвалъ самые страстные толки.

19 іюня былъ внесенъ, наконецъ, законопроэктъ объ отмѣнѣ смертной казни, который долженъ былъ обсуждаться при участіи министровъ. Мы не будемъ уже здѣсь подробно говорить о немъ, такъ какъ достаточно остановились на немъ въ предыдущей главѣ. Почти наканунѣ обсужденія закона вопросъ о смертной казни вновь выплылъ передъ Думою съ новой еще болѣе рѣзкой настойчивостью.

Среди потока запросовъ, ежедневно проходившихъ черезъ Думу, 16 іюня было доложено одно дѣло, которое заслуживало вниманія даже послѣ всего того, что было сказано по поводу смертной казни и насилій. Дѣло Паная, которое такъ содѣйствовало обострению до крайности вражды къ прокурору Павлову, заключалось въ слѣдующемъ. Несовершеннолѣтній крестьянинъ Панай варшавскимъ военнымъ судомъ былъ приговоренъ къ каторгѣ. Главный военный судъ по протесту главнаго военнаго прокурора (то есть Павлова) перемѣнилъ наказаніе каторгой на смертную казнь. Такая замѣна каторги казнью представляла какъ разъ обратное тому, о чемъ многократно заявляла Гос. Дума, такой поступокъ послѣ того, какъ въ Думѣ уже былъ выработанъ законо-

проэктъ объ отмѣнѣ смертной казни, былъ понятъ какъ вызовъ Думѣ. Кромѣ чувства гуманности, говорила и справедливость: очевидно было, что мѣстный судъ могъ рѣшить дѣло правильнѣе, чѣмъ главный военный судъ, который даже въ глаза не видалъ подсудимаго; очевидной стала также вся лживость объясненій прокурора Павлова на прежніе запросы о примѣненіи смертной казни. Тамъ онъ ссылался на то, что все дѣлается по закону и что центральное министерство не вправѣ стѣснять мѣстныхъ агентовъ власти. Здѣсь, въ дѣлѣ Папая, деп. Кузьминъ-Караваевъ на основаніи законовъ доказалъ, что, во-первыхъ, Папая, какъ несовершеннолѣтняго, не могли приговаривать къ смертной казни (самъ министръ юстиціи черезъ три дня послѣ этого, при обсужденіи законопроэкта о смертной казни, хвасталъ тѣмъ, что у насъ казнь отмѣнена для несовершеннолѣтнихъ); во вторыхъ, что главный военный судъ не имѣлъ никакого права мѣнять наказаніе подсудимому, ибо это позволяется дѣлать только въ случаѣ, если мѣстный военный судъ совершилъ явную ошибку; очевидно, къ такой ошибкѣ не могло быть причислено назначеніе наказанія каторгой, ибо судъ въ своемъ приговорѣ руководился всѣми обстоятельствами дѣла, и поправлять его приговоры изъ Петербурга представляло, разумѣется, самое грубое нарушеніе независимости мѣстныхъ органовъ, да еще притомъ суда, за которые только что ратовалъ Павловъ. Вотъ почему среди сотни запросовъ дѣло Папая обратило на себя вниманіе, возмутило народныхъ представителей. Вотъ объясненіе того, что, когда, послѣ рѣчи министра юстиціи о смертной казни, 19 іюня на трибунѣ появился Павловъ отъ имени военнаго министра, онъ не могъ произнести ни одного слова, и подъ крики «вонъ» вынужденъ былъ оставить залу засѣданія, которое временно было прервано. Произошла сцена, которую всѣ враги Думы приводили потомъ, какъ примѣръ парламентской невоспитанности русскихъ народныхъ представителей. Принципіально правъ былъ представитель правой, кн. Волконскій, взывавшій къ свободѣ слова на трибунѣ, ибо исключая сегодня одного оратора, завтра другого, Дума сдѣлается неработоспособной, но правы были также и тѣ, кто доказывалъ, что долженъ быть извѣстный минимумъ порядочности,

который обязателенъ для всякаго, входящаго на парламентскую трибуну. Это понятіе конечно условно, но общественное мнѣніе не можетъ не реагировать, когда это требованіе грубо попирается. Присылая Павлова для объясненій въ Думу, военное министерство могло предвидѣть, какъ онъ будетъ тамъ встрѣченъ; оно намѣренно подчеркнуло свое полное пренебреженіе къ мнѣнію Гос. Думы и бросило ей вызовъ можетъ быть не безъ тайной надежды на рѣзкое столкновеніе, которое избавило бы его отъ необходимости отвѣчать по существу вопроса объ отмѣнѣ смертной казни. Если членами Думы была допущена непарламентская выходка, то она была вызвана и подготовлялась цѣлымъ рядомъ безтактностей и оскорбленій со стороны министерства.

Какъ припадки быстро развивающейся болѣзни, бурные протесты и столкновенія стали возникать въ Думѣ чуть не ежедневно. 22 іюня былъ оглашенъ фактъ избіенія члена Думы Сѣдельникова городовыми. Не совсѣмъ удачно дѣло было поставлено главнымъ образомъ на почву оскорбленія народнаго представительства: что городовые могли не знать въ лицо всѣхъ 500 членовъ Думы было естественно. Гораздо важнѣе былъ вообще фактъ, что въ столицѣ среди дня былъ избитъ обыватель, ибо это уже одно являлось преступленіемъ полиціи, кто бы ни былъ этотъ обыватель. Случайное присутствіе въ Думѣ въ этотъ моментъ министра внутреннихъ дѣлъ и его упоминаніе вновь о «законной власти» вызвало крики и протестъ, послѣ которыхъ самъ предсѣдатель Государственной Думы счелъ нужнымъ призвать депутатовъ къ спокойствію и предостеречь ихъ противъ подражанія старымъ носителямъ власти.

Въ тотъ же день былъ доложенъ Думѣ отчетъ комиссіи по разслѣдованію бѣлостокскаго погрома. Въ докладахъ командированныхъ членовъ, въ рѣчахъ другихъ депутатовъ, напр. епископа Роопа, еще и еще разъ выступили и преступное бездѣйствіе высшей администраціи, и прямое участіе полиціи въ погромѣ, и провокаторскіе выстрѣлы, и безчеловѣчныя жестокости,—все, чѣмъ отмѣчены всѣ эти, уже обычныя у насъ, погромныя исторіи. Вновь и вновь раздавались возгласы негодованія по адресу правительства. А затѣмъ шли новые запросы о насиліяхъ и притѣсненіяхъ,

картина современныхъ порядковъ развертывалась въ угнетающемъ однообразіи....

23 іюня въ Г. Думу внесенъ былъ законопроэктъ, который имѣлъ повидимому большое вліяніе на судьбу Думы и во всякомъ случаѣ остался въ ея исторіи чрезвычайно важнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ эпизодомъ. Министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, согласно обѣщанію Столыпина, внесли въ Думу представленіе о чрезвычайномъ сверхсмѣтномъ кредитѣ 50 милліоновъ руб. на выдачу пособій населенію, пострадавшему отъ неурожая. Интересъ предмета заключался не только въ томъ, что дѣло шло о вопіющей нуждѣ народа, а еще въ томъ, что это былъ первый случай, гдѣ Дума могла показать свои финансовыя способности, достигнуть немедленно извѣстнаго полезнаго для народа результата: здѣсь министерство не могло тормазить Думѣ ея работы, потому что вопросъ былъ слишкомъ острый и оттяжка была опасна. Трудность же вопроса заключалась въ томъ, что для помощи народу нужны были деньги; народъ былъ безъ того уже обремененъ налогами, казна находилась въ стѣсненномъ положеніи, и распутаться въ немъ было чрезвычайно трудно; въ первый разъ приходилось народнымъ представителямъ спускаться въ финансовые тайники бюрократіи, проливать свѣтъ на такія стороны государственнаго хозяйства, которыя большинству смертныхъ и неизвѣстны, и непонятны. И приходилось изыскивать способъ какъ съ наименьшими потрясеніями уравновѣсить нашъ бюджетъ. Это былъ финансовый экзаменъ Думѣ, и тѣмъ болѣе серьезный, что Думѣ предстояло заняться основательной чисткой бюджета на 1907 годъ. Ясно было всѣмъ, что одно изъ главныхъ золъ бюрократіи было безконтрольное расходованіе народныхъ денегъ, и такъ же ясно, что именно по этому пункту Дума встрѣтитъ наибольшую оппозицію, ибо бюджетный вопросъ задѣваетъ слишкомъ много интересовъ, аппетитовъ, установленныхъ привычекъ.

Продовольственная и бюджетная комиссіи Думы отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ своему дѣлу; согласившись въ принципѣ на ассигнованіе денегъ, онѣ поставили его въ совершенно иныя условія. Во-первыхъ, вмѣсто 50 милліоновъ согласились дать 15 для удовлетворенія только сѣменной

нужды, не желая давать министерству сразу большую сумму въ распоряженіе. Во-вторыхъ, что еще важнѣе, никакого займа заключать Дума не разрѣшила, а нужные 15 милліоновъ предложила министру финансовъ изыскать путемъ смѣтныхъ сбереженій; такимъ образомъ вся сумма должна была быть покрыта безъ всякаго новаго обремененія народа. Въ третьихъ, Дума потребовала ежемѣсячнаго опубликованія отчета о ходѣ продовольственной операціи. Втеченіе преній по докладу комиссій выяснились удивительныя вещи и дѣйствительно приподнялась завѣса съ нашихъ финансовъ. Какъ сообщили члены бюджетной комиссіи, г. министръ финансовъ въ засѣданіи комиссіи признался, что сумма на окончательную ликвидацію войны съ Японіей—405 милліоновъ, поставлена въ бюджетѣ 1906 года чисто гадательно (1663); бюджетная комиссія просила и не получила отвѣта на вопросъ, куда предстоитъ израсходовать 205 милліоновъ изъ числа вырученныхъ отъ апрѣльскаго займа (1666); указывалось, что на нужды бакинской промышленности послѣ разгрома ея въ 1905 г. было ассигновано по чрезвычайному бюджету 1906 г. 15 милліоновъ для выдачи ссудъ нефтепромышленникамъ, между тѣмъ какъ для помощи голодающимъ у министерства не находилось денегъ иначе, какъ путемъ займа (1676). Въ общемъ объясненія министра финансовъ въ бюджетной комиссіи произвели такое впечатлѣніе, что членъ комиссіи Іоллосъ заговорилъ о финансовой катастрофѣ, до которой довелъ страну прежній режимъ (1663).

Судьба этого второго законопроэкта, принятаго Думою (за четыре дня передъ этимъ былъ принятъ законопроэктъ объ отмѣнѣ смертной казни), чрезвычайно любопытна, потому что она не кончается въ стѣнахъ Думы. Затягивать такой насущный вопросъ нельзя было, и министерство согласно «конституціи 20 февраля» внесло постановленіе Думы на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Впервые то, что должно было у насъ изображать Верхнюю Палату, было призвано высказаться по поводу думскаго постановленія и какъ разъ такого, по которому Дума рѣшительно разошлась съ министерствомъ. Оно легко могло сдѣлаться яблокомъ раздора между обѣими Палатами, и разумѣется отъ Гос. Совѣта ожидали, что онъ исполнитъ свою обязанность, то есть поддер-

жить министерство въ его борьбѣ съ народными представителями. Можно было предвидѣть, что мертворожденное учрежденіе, послѣднее дѣтище бюрократіи, не будетъ способно къ упорной борьбѣ, но то, что произошло, обмануло всѣ ожиданія. Государственный Совѣтъ тотчасъ и явно «измѣнилъ»: думскій проэктъ, не смотря на горячую оппозицію министровъ, былъ принятъ; чиновники выдали головой чиновниковъ. Злые языки утверждали, что личные счеты и обычное у чиновниковъ подставленіе ноги противнику сыграли свою роль, но не въ этомъ интересъ. По такому животрепещущему вопросу, обѣ Палаты оказались согласны, черезъ нѣсколько дней законъ получилъ Высочайшее утвержденіе, а исполненіе.... исполнилъ его г. Гурко, но уже послѣ роспуска Думы. Вскорѣ послѣ исчезновенія назойливыхъ народныхъ представителей былъ выпущенъ и заемъ въ 50 милліоновъ, вслѣдъ затѣмъ прекратилось печатаніе потребованныхъ Думою отчетовъ,—до того времени, когда комиссіи т. с. Голубева пришлось написать уже обвинительный актъ.

VII.

Конецъ Думы.

Мы постарались сжато передать внѣшній ходъ думскихъ работъ и выдающіеся моменты думской жизни за іюнь мѣсяцъ. Но подъ этимъ внѣшнимъ сплетеніемъ всякихъ работъ, преній, столкновеній происходила внутренняя эволюція въ одномъ направленіи. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ больше сгущалась атмосфера, работа шла какъ-то толчками, Дума становилась нервнѣе. Въ основѣ лежало все то же сознаніе тупика, глухой стѣны, стоявшей передъ Думой. Министерство не уходило, положеніе страны оставалось то же, какъ свидѣтельствовали запросы, вся думская работа казалась ничтожной и безплодной. Какой бы вопросъ ни подымался, всегда его практическое рѣшеніе парализовалось присутствіемъ министерства столь чуждаго Думѣ. Во время преній по вопросу объ отпускѣ средствъ на голодающихъ это сказалось очень рѣзко. Всей Думѣ было ясно какъ рисковано отдавать народныя деньги министрамъ, которымъ выразили полное недовѣріе, но съ другой стороны было несомнѣнно, что помимо трудности спѣшной организаціи новыхъ учрежденій, когда голодъ уже на дворѣ, нельзя было бы даже написать простой ассигновки на имя этихъ учрежденій безъ согласія министра, ибо ни одно казначейство не исполнило бы приказанія Думы. Въ великомъ или маломъ вопросъ все-таки сводился къ тому, какъ быть съ исполнительной властью, и всѣ предлагавшіеся способы обойти министерство съ тылу сводились къ захвату власти въ той или иной формѣ. Но помимо антиконституціонности противъ этого выдвигалось соображеніе реальнаго соотношенія силъ, и учетъ ихъ былъ не въ пользу Думы. Послѣдняя,

кажется, исчерпала всѣ мѣры воздѣйствія на министерство: послѣ недовѣрія 13 мая она выразила 1 іюня «негодованіе» по поводу объясненій главнаго военнаго прокурора; она много разъ въ резолюціяхъ повторяла о необходимости скорѣйшаго перехода власти къ кабинету, пользующемуся довѣріемъ страны,— все было тщетно. Раздраженіе накипало, выливалось иногда въ рѣзкихъ формахъ какъ при появленіи 19 іюня прокурора Павлова. Новые инциденты постоянно подогрѣвали это чувство, хотя, живя все время подъ одними и тѣми же впечатлѣніями, Дума начала истощать свою воспріимчивость. Такое событіе, какъ Бѣлостокскій погромъ, взбудоражило всѣхъ, но впечатлѣніе первыхъ рѣчей перекрещивалось съ новыми происшествіями, затянувшіяся пренія разсѣяли вниманіе, и вопросъ былъ доведенъ до резолюціи обычнаго типа въ самый послѣдній день Думы—7 іюля при общемъ равнодушіи и желаніи скорѣй съ нимъ покончить.

Сознаніе, что всѣ эти резолюціи только матеріалъ для думскаго архива, все больше проникало во всѣ умы, а между тѣмъ никто не находилъ предложить чего-либо иного. Дума безпомощно топталась на одномъ мѣстѣ, а въ странѣ наростало движеніе. Многіе изъ членовъ Думы втеченіе сессіи уѣзжали на родину и возвращались оттуда съ сознаніемъ, что народъ нетерпѣливо ждетъ отъ Думы чего-нибудь осязательнаго, настоящаго. Отсутствіе реальныхъ результатовъ работы на мѣстѣ не только угнетало членовъ Думы, но подрывало и авторитетъ Думы въ странѣ. Все оставалось по прежнему. Полиція преслѣдовала народъ за сношенія съ членами Думы, и Дума ничѣмъ не могла защитить своихъ избирателей. Мало того, сами члены Думы, разъѣзжавшіе по губерніямъ, встрѣчали препятствія со стороны мѣстной администраціи въ ихъ стремленіи освѣдомить народъ о положеніи дѣлъ. Настроеніе въ городахъ стало «лѣвѣть», общество и народъ начинали уставать отъ безконечныхъ преній, думскіе отчеты, содержавшіе все одни и тѣ же безплодные протесты, перестали читаться, посѣщавшіе Думу провинціалы уходили разочарованные. И движеніе, пріостановившееся на время, стало опять разгораться. Изъ Воронежской губерніи приходили слухи одинъ тревожнѣе другого: то о погромахъ усадебъ, то о варварскихъ репрессіяхъ. Все кругомъ глухо

или явно волновалось, и депутаты начинали чувствовать себя изолированными на утесѣ, который, казалось, съ минуты на минуту зальютъ волны революціи. Въ это время поднялся вопросъ о командированіи членовъ Думы на мѣста для разслѣдованія волненій и для воздѣйствія на народъ, на подобіе удачной командировки въ Бѣлостокъ. Вопросъ вызвалъ нѣкоторыя разногласія въ парламентской фракціи К.-Д. партіи и не успѣлъ дойти до обсужденія Думы. Можетъ быть, нѣкоторые депутаты такъ горячо приняли эту мысль потому, что пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ становилось для дѣятельныхъ натуръ все болѣе нестерпимымъ. Масса законодательной работы стояла на очереди, а въ нее поминутно врывались запросы, пренія о событіяхъ дня; то и другое вызывало новыя пренія, предметы обсужденія переплетались, перемѣшивались, пренія раздроблялись. Не удавалось провести сразу чего нибудь законченнаго, кромѣ закона о 15 милліонахъ на голодающихъ. Чувствовалось, что Дума не въ состояніи одолѣть той массы матеріала, который давитъ ее, что она не можетъ одновременно быть законодательнымъ органомъ и бороться съ злоупотребленіями администраціи. Важные законопроэкты переносились на повѣсткахъ Думы съ недѣли на недѣлю, пренія по отвѣтамъ министровъ тянулись отъ одной пятницы до другой, теряли всякій интересъ, да и были такъ же однообразны, какъ запросы Думы и формальныя разъясненія министровъ. Парламентскіе запросы имѣютъ смыслъ для искорененія отдѣльныхъ злоупотребленій и ошибокъ. Они безсильны тамъ, гдѣ вся система управленія основана на произволѣ, гдѣ онъ примѣняется открыто и сознательно.

Нельзя опредѣлить, когда это тягостное состояніе достигло высшаго напряженія, но тѣмъ, кто имѣлъ случай уѣзжать на нѣсколько времени изъ Думы и затѣмъ вернуться въ нее въ концѣ іюня, перемѣна была замѣтна очень отчетливо: Дума производила впечатлѣніе давно невентилированной комнаты, переполненной людьми, гдѣ не хватаетъ уже воздуха для дыханія и хочется хоть окно разбить, чтобы освѣжить атмосферу. Нервность возрастала не только въ отношеніи къ министерству, но даже между собой, даже между представителями одной партіи. Не смотря на образцовое предсѣдательствованіе С. А. Муромцева, Дума какъ будто

развинчивалась. Желаніе покончить съ этимъ положеніемъ, сдвинуться съ мертвой точки становилось всеобщимъ, недовольство было одинаково сильно у кадетовъ, какъ и у трудовиковъ, по крайней мѣрѣ у чисто крестьянской части ихъ. Вотъ почему съ такой жадностью схватились за мысль обратиться къ народу съ разъясненіемъ по аграрному вопросу. Это было не Богъ вѣсть что, но это было хоть что-нибудь: съ этимъ, можно было думать, наступитъ новая эра въ жизни Думы, связь съ народомъ сдѣлается крѣпче, а работа внутри Думы живѣе. Какимъ образомъ? Этого никто еще себѣ ясно не представлялъ. Это былъ послѣдній актъ Государственной Думы, по увѣренію многихъ ставшій для нея роковымъ. За опрометчивость этого шага упрекали Думу даже сочувствовавшіе ей люди, которымъ онъ казался неконституціоннымъ, въ манифестѣ онъ же былъ прямо указанъ, какъ одинъ изъ мотивовъ роспуска. Поэтому онъ заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться подробнѣе. Для этого надо вернуться нѣсколько назадъ.

Аграрный проэктъ былъ сданъ въ комиссію еще въ началѣ іюня и съ тѣхъ поръ временно сошелъ со сцены въ Думѣ. Нельзя было расчитывать, чтобы комиссія могла скоро справиться съ своей задачей въ виду разнообразія теченій въ Думѣ. Между тѣмъ 20 іюня министерствомъ было выпущено «правительственное сообщеніе» по тому же фасону, какъ они выпускались, когда бюрократія благополучно и безконтрольно управляла Россіей, когда одно ея слово немедленно дѣлалось закономъ. Въ этомъ правительственномъ сообщеніи народу авторитетно разъяснялось, что правительство намѣрено сдѣлать для народа въ земельной области, но, конечно, основанія реформы были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ думскихъ проэктахъ, главное же не было принципа принудительнаго отчужденія. Всѣ министерскія реформы были пластырями, которыми хотѣли закрыть глубокую рану, и серьезнаго значенія Дума имъ не придавала. Но въ той формѣ, какъ были опубликованы мечты и соображенія г.г. Гурко и Стишинскаго, онѣ пріобрѣтали совсѣмъ несоотвѣтствующій имъ характеръ и намѣренно вводили народъ въ заблужденіе. «Правительственное» сообщеніе шло какъ будто отъ всего правительства, а частью этого правительства была Г. Дума.

Кабинетъ не желалъ послѣдняго признавать, но народъ напротивъ въ ней-то и видѣлъ главное, настоящее правительственное учрежденіе. Будь подъ этимъ разъясненіемъ хоть бы одна министерская подпись, впечатлѣніе его было бы совсѣмъ иное, но г.г. министры остереглись поставить подъ нимъ свои популярныя имена, основательно думая вѣроятно, что это можетъ повредить успѣху ихъ литературнаго произведенія. Но мало того, вначалѣ они вскользь упомянули, что вносятъ свой проэктъ въ Г. Думу, а дальше говорили о немъ съ такой развязностью, какъ будто были совершенно увѣрены, что онъ будетъ принятъ Думою, тогда какъ наоборотъ должны были быть увѣрены, что онъ будетъ ею отвергнутъ, и въ заключеніе они съ обычной для бюрократіи склонностью къ нотаціямъ, поучали неосмысленный народъ, что онъ можетъ ждать улучшенія своей участи только отъ мирнаго труда и отъ заботъ о немъ Государя Императора. Выходило, какъ будто самъ Государь Императоръ внесъ вышесказанныя предложенія въ Г. Думу, какъ будто она можетъ только санкціонировать то, что ей подносятъ министры, и какъ будто вообще отъ ея собственныхъ заботъ народу ждать нечего. Больше того, министерство вступало въ полемику съ Думой, не называя ее, и отвергало еретическій принципъ принудительнаго отчужденія, принятый Думою единогласно. Оно извращало даже содержаніе думскихъ проэктовъ, увѣряя народъ, что кто-то стремится отдать землю тѣмъ, кто никакого отношенія къ ней не имѣетъ, тогда какъ министерство великолѣпно знало, что записка 42, имѣвшая всѣ шансы быть принятой Думою съ нѣкоторыми измѣненіями, допускала надѣленіе лишь тѣхъ, кто не потерялъ связи съ землей или прекратилъ ее только вслѣдствіе малоземелья (см. п. I записки), а тотъ проэктъ 33 членовъ Думы, который предлагалъ полную націонализацію земли, былъ отвергнутъ Думою даже безъ передачи его въ комиссію. Въ довершеніе всего народу обѣщались землеустроительныя комиссіи, о которыхъ даже не было доложено Г. Думѣ, и построены были онѣ на принципахъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, какія должны были лечь въ основу думскихъ комиссій не бюрократическаго, а выборнаго характера. Такъ какъ, благодаря думскимъ преніямъ, населенію было уже

извѣстно о думскихъ комиссіяхъ, то и это было конечно расчитано на то, чтобы побудить народъ принять участіе въ выборахъ представителей въ землеустроительныя комиссіи, которыя онъ бойкотировалъ изъ опасенія, какъ бы онѣ ему «не заслонили Государственную Думу». Общее впечатлѣніе отъ всего этого министерскаго сплетенія подтасовокъ, самохвальства и лицемѣрія было таково, что образцово корректный и всегда сдержанный Кузьминъ-Караваевъ говорилъ: «нѣтъ границъ, нѣтъ такихъ словъ, которыхъ нельзя употреблять по отношенію къ нынѣшнему министерству», и самъ тутъ же употребилъ слово „провокація“ (1749). Чрезвычайная важность факта заключалась не въ лишнемъ случаѣ нарушенія конституціи, а въ томъ, что онъ вносилъ смуту въ умы населенія и стремился скрытымъ ударомъ подорвать въ народѣ довѣріе къ Г. Думѣ. Народъ жадно ждалъ, что скажетъ Дума по аграрному вопросу. Онъ зналъ, что обѣщала ему Дума. Когда ему поднесли министерскую мистификацію, вмѣсто проэкта аграрнаго закона, онъ могъ заключить, что дѣло аграрной реформы въ Думѣ пропало, что вопросъ уже рѣшенъ, но иначе, чѣмъ онъ ожидалъ отъ Думы: либо Дума ему измѣнила, либо она оказалась не въ силахъ справиться съ противодѣйствіемъ министровъ. Всѣ еще помнили декларацію 13 мая, но тамъ декларація шла явно отъ имени министерства и встрѣтила немедленный отпоръ въ горячихъ рѣчахъ депутатовъ; здѣсь было анонимное оповѣщеніе, на которое Дума повидимому не откликалась, не возражала. Для большей эффектности министерское разъясненіе полиція мѣстами предписывала читать съ церковнаго амвона, какъ царскій манифестъ, и изъ разныхъ губерній — Курской, Тульской, Калужской стали приходить извѣстія, что послѣ «правительственнаго сообщенія» 20 іюня аграрные безпорядки усилились, ибо народъ увидалъ себя обманутымъ. Теперь на карту поставлены были достоинство и вся будущность Г. Думы.

И Дума отозвалась: былъ по обычаю предъявленъ запросъ, покрытый небывалымъ числомъ подписей—116 (1755), но Дума чувствовала, что этого мало, что пройдетъ мѣсяцъ, пока министръ удостоитъ ее отвѣтомъ, а отвѣтъ опять таки никого не удовлетворитъ. Нужно было дѣйство-

вать, парализовать вліяніе министерскаго обращенія и вывести народъ изъ заблужденія. Тотъ же деп. Кузьминъ-Караваевъ, поднявшій вопросъ, выступилъ съ предложеніемъ оповѣстить народъ о планахъ Думы по аграрному вопросу въ особомъ «контръ-сообщеніи», какъ онъ его назвалъ (1751). Предложеніе было немедленно принято, и редакція контръ-сообщенія поручена аграрной комиссіи. Рѣшеніе это было принято въ то же засѣданіе 26 іюня, когда слушались доклады по бѣлостокскому погрому, и это совпаденіе показываетъ наглядно, какъ приходилось Думѣ перебрасываться съ одного предмета на другой, чтобы вести ежедневную борьбу съ министерствомъ по всей линіи.

Предложеніе г. Кузьмина-Караваева было сдано въ аграрную комиссію, а тѣмъ временемъ въ перипетіяхъ безвыходнаго конфликта Думы съ министерствомъ произошли новыя осложненія. 1 іюля Государственный Совѣтъ, какъ уже было упомянуто, принялъ безъ всякихъ измѣненій думское постановленіе объ ассигнованіи на помощь голодающимъ 15 милліоновъ изъ смѣтныхъ остатковъ и 3 іюля первый и единственный пока конституціонный законъ получилъ Высочайшее утвержденіе. Теперь обнаружилось, что министерство не имѣетъ поддержки ни въ одномъ изъ учрежденій, созданныхъ закономъ 20-го февраля. Такъ какъ голосъ Г. Совѣта для высшихъ сферъ долженъ былъ имѣть большую убѣдительность, чѣмъ голосъ Думы, то постановленіе его могло имѣть рѣшающее вліяніе на направленіе политики. Очевидно, нельзя было распустить одновременно обѣ палаты и оставалось только министерству выйти въ отставку, если придавать хоть какое-нибудь значеніе конституціи. Но даже оставивъ въ сторонѣ конституціонныя теоріи, положеніе становилось окончательно невозможнымъ. Ежедневно повторялись столкновенія въ Думѣ, съ каждымъ часомъ волненіе въ народѣ росло, и нежеланіе правительства пойти на уступку народнымъ требованіямъ заставляли опасаться самыхъ трагическихъ послѣдствій. Въ войскахъ шло броженіе, переходившее мѣстами въ явное нарушеніе дисциплины, изъ деревень слышался ропотъ; не смотря на всѣ запрещенія, на казаковъ и стражниковъ, крестьяне собирались по ночамъ въ оврагахъ, ходили слухи о какихъ-то фантастичныхъ

дружинахъ, готовыхъ къ дѣйствію, въ перспективѣ рисовались вновь пожары, погромы, кровопролитіе. Первое же столкновеніе по финансовымъ вопросамъ показало, что такое будетъ разсмотрѣніе бюджета 1907 года при установившихся отношеніяхъ между законодательной и исполнительной властью, а безъ бюджета даже русское министерство не могло управлять страной. Все это вмѣстѣ взятое вызвало разговоры о скорой замѣнѣ кабинета Горемыкина думскимъ кабинетомъ Муромцева. На этотъ разъ передавался уже не газетный слухъ; вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе въ думской фракціи К.-Д. партіи, вызовъ Муромцева въ Петергофъ ожидался со дня на день. Теперь трудно провѣрить, сколько въ этихъ слухахъ было правды. Опубликованное недавно секретное обращеніе совѣта дворянскихъ обществъ съ протестомъ противъ уступокъ Думѣ даетъ поводъ думать, что колебанія были настолько сильны, что вызвали нешуточную тревогу въ реакціонныхъ сферахъ. Впослѣдствіи разсказывали, будто уже былъ затребованъ списокъ депутатовъ, годныхъ къ производству въ министры, причемъ ихъ имена были снабжены характеристиками явно вымышленнаго содержанія, напр. что предсѣдатель Муромцевъ утратилъ популярность и т. п.

Не смотря на увѣренія нѣкоторыхъ авторитетныхъ лицъ, что дѣло приняло серьезный оборотъ, слухи эти въ Думѣ не вызвали почти никакого отклика; за два мѣсяца пребыванія въ Петербургѣ депутаты пережили столько тяжелыхъ минутъ, такое недовѣріе и отчужденіе выросло между ними и правящими сферами, что одними слухами успокоить ихъ было невозможно. Ни настроеніе, ни работы Думы не измѣнились нимало отъ этого слуха, и 4 іюля контръ-обращеніе къ народу, изготовленное аграрной комиссіей, было внесено въ Думу.

Желаніе выпустить обращеніе къ народу было такъ единодушно, что нельзя было сомнѣваться, что проэктъ пройдетъ, но весь вопросъ заключался въ точной установкѣ текста и въ тѣхъ техническихъ затрудненіяхъ, которыя возникали каждый разъ при обсужденіи важнаго вопроса. Затрудненіе было въ томъ, что въ первый же день при общемъ сужденіи выступило 64 оратора, и если бы дать всѣмъ

говорить въ волю, то ихъ хватило бы на недѣлю. Дума приняла героическое рѣшеніе—не расходиться до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ первое чтеніе. Рѣчи ораторовъ были ограничены пятью минутами, и къ 11 часамъ обращеніе къ народу было принято въ первомъ чтеніи.

5 іюля былъ обычный по средамъ перерывъ засѣданій общаго собранія Думы. 6 іюля предстояло окончательно принять текстъ обращенія и распубликовать его. Но въ промежуткѣ случился инцидентъ, опять осложнившій положеніе. Въ среду къ вечеру стали распространяться слухи, что предположеніе образовать думскій кабинетъ, о которомъ никогда такъ много не говорили, какъ въ предшествующіе дни, начинаетъ терять почву и колебаніе это вызвано именно проэктомъ обращенія къ народу. Говорилось, что если это обращеніе пройдетъ, самому существованію Думы угрожаетъ опасность. Въ высшихъ сферахъ приняли это обращеніе чутъ не за революціонный манифестъ. Испугало выступленіе Думы на новый путь непосредственнаго оффиціальнаго общенія съ народомъ—путь непредусмотрѣнный, но и не запрещенный основными законами. Всѣ эти страхи были смѣшны и напрасны. Дума даже избѣгала называть свой актъ воззваніемъ, а цѣлью его было, какъ это было видно изъ текста и изъ рѣчей, не возбудить народъ, а наоборотъ предупредить смуту. Но придворные круги были не совсѣмъ неправы въ томъ отношеніи, что это былъ всетаки первый шагъ изъ заколдованнаго круга, въ которомъ вращалась Дума уже больше мѣсяца: бюрократія давно убѣдилась, что всѣ запросы не такъ страшны, какъ кажется издали, и вполнѣ сознательно махнула на нихъ рукой, а тутъ явилось что-то новое. Куда пойдетъ оно дальше? Что готовитъ Дума въ будущемъ?.

Какъ бы то ни было, когда 5 іюля вечеромъ парламентская фракція конституціонно-демократической партіи собралась по обычаю въ клубѣ, поднялся вопросъ объ этомъ обращеніи, о всемъ, что говорилось въ правительственныхъ сферахъ по поводу его, и даже высказано было предложеніе замѣнить это воззваніе переходомъ къ очереднымъ дѣламъ съ протестомъ противъ министерскаго сообщенія по аграрному вопросу. Намѣренія лицъ, предлагавшихъ это, были

конечно самыя лучшія, ибо всѣ дорожили Думой и не желали терять ее изъ-за сравнительно второстепеннаго предмета. Но было, во-первыхъ, безусловно необходимо выпустить это обращеніе, во-вторыхъ было ясно, что уступка по первому намеку сверху дискредитируетъ Думу окончательно не только въ глазахъ крайнихъ лѣвыхъ, но въ глазахъ этой самой придворной камарильи. Отступать отъ уже занятой позиціи было бы полнымъ признаніемъ своего безсилія, а тогда Дума напротивъ чувствовала за собой народную силу, которую не могла учесть реально. Важно было хорошо обдумать шагъ и предупредить всякій упрекъ въ неконституціонности, но разъ это было сдѣлано, начатое должно было быть доведено до конца, иначе система запугиванія одними слухами стала бы примѣняться по всякому поводу. Оповѣщеніе народа соотвѣтствовало практикѣ европейскихъ парламентовъ, напр. французскаго, и было согласно съ духомъ народнаго представительства. Наконецъ, самое сильное основаніе было то, что проэктъ уже прошелъ въ первомъ чтеніи, другія партіи его приняли и брать на себя инціативу измѣненія его одной партіи было немыслимо. Огромнымъ большинствомъ фракція отвергла предложеніе измѣнить самую форму обращенія въ мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ,— формулу уже всѣмъ надоѣвшую.

6 іюля передъ засѣданіемъ Думы состоялось новое собраніе К.-Д. фракціи и было предложено измѣнить текстъ, съ которымъ предполагалось обратиться къ народу. Новый текстъ мало разнился отъ стараго, лишь иначе былъ проредактированъ. Многіе возражали противъ кореннаго измѣнія текста уже послѣ перваго чтенія, но собраніе было малолюдно, и большинствомъ 40 голосовъ противъ 24 рѣшено было внести въ Думу новый текстъ. Изъ-за этого разгорѣлся такой конфликтъ, который отразился бы въ Думѣ надолго, если бы это не были послѣдніе дни Думы.

Кажется, трудовики и соціалъ-демократы были не столько недовольны новымъ текстомъ, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что К.-Д. партія мѣняла текстъ, не посовѣщавшись предварительно съ ними. Когда И. И. Петрункевичъ внесъ свое предложеніе новаго текста, Жилкинъ выступилъ противъ него, съ ироніей, но совершенно корректно замѣтилъ,

что подобный пріемъ внесенія новаго текста послѣ принятія стараго въ первомъ чтеніи противорѣчитъ парламентскимъ правиламъ. Деп. Петрункевичъ снялъ это предложеніе и сталъ вносить его по частямъ, какъ рядъ отдѣльныхъ поправокъ, но ошибочный шагъ далъ себя чувствовать до конца. Споръ вертѣлся, во первыхъ, около вопроса, призывать ли народъ къ спокойствію, обѣщая ему законное удовлетвореніе его нуждъ. Депутату Галецкому это показалось «микстурой», но отчасти въ этомъ именно и была цѣль изданія обращенія. Вся лѣвая возстала противъ этого, видя въ готовности народа къ борьбѣ единственное средство гарантировать успѣшность работъ Думы. Кадетская точка зрѣнія перевѣсила, и когда этотъ пунктъ былъ принятъ, трудовики заявили, что они уклоняются отъ дальнѣйшаго обсужденія и будутъ голосовать противъ обращенія. Затѣмъ произошло препирательство съ польскимъ коло: оно хотѣло оговорить, что аграрный законъ не будетъ примѣненъ къ Польшѣ, если мѣстное населеніе не пожелаетъ этого, но деп. Гралецкій формулировалъ свою поправку такимъ сбивчивымъ образомъ, не упоминая о Польшѣ, что оно могло относиться къ мѣстному населенію какой угодно области, губерніи, волости и отнимало всякое значеніе у центральнаго народнаго представительства. Поправка была отвергнута, и поляки тоже воздержались отъ голосованія при послѣднемъ третьемъ чтеніи. Послѣ долгихъ перипетій въ часъ ночи пренія были закончены. При голосованіи партіи группировались самымъ фантастическимъ образомъ, какъ это бывало прежде во французской палатѣ, пока тамъ сильна была монархическая партія. Соціалъ-демократы и мирнообновленцы, только что народившіеся тогда, голосовали противъ обращенія, поляки и трудовики воздержались отъ голосованія, одни кадеты голосовали за текстъ,—и онъ былъ принятъ 129 голосами. Если бы всѣ партіи, недовольные текстомъ, соединились противъ него, а не воздерживались отъ голосованія, обращеніе къ народу было бы отвергнуто. Разсказывали, что среди трудовиковъ господствовало разногласіе; одни были рѣшительно противъ, крестьяне же хотѣли выпустить обращеніе во что бы то ни стало; Жилкинъ, наклонный къ примиряющей тактикѣ, повліялъ въ пользу простого воздержанія отъ голосованія. Когда въ слѣдующемъ

вопросѣ о способѣ опубликованія обращенія всѣ партіи, кромѣ кадетовъ, воздержались отъ голосованія, Дума оказалась не въ числѣ, и вопросъ остался открытымъ. Голосованіе показало, что К.-Д. партія одними своими силами способна провести постановленіе, что она все-таки остается самой сильной партіей, но оно показало также, что если соединяются двѣ правыя (мирное обновленіе и поляки) съ двумя лѣвыми, то кадеты могутъ быть оставлены въ меньшинствѣ. Никакой послѣдовательной политики такія разнородныя партіи вести не могли, и это обезпечивало перевѣсъ кадетамъ, но тормазить дѣятельность парламента онѣ могли бы. Получилось нѣчто подобное тому, что на парламентскомъ языкѣ зовется «три угла». Побѣда кадетовъ была одержана послѣ жаркаго сраженія, но расколъ партій такъ непріятно рѣзалъ глаза, сумятица этого ночного засѣданія была такъ тягостна, что вновь рождался вопросъ, какъ же дальше? Правительство взяло на себя трудъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

7 іюля было самое обыденное скучное для посѣтителей засѣданіе Думы: вносились запросы, обсуждались отвѣты министровъ, покончили наконецъ съ бѣлостокскимъ погромомъ. Вечеромъ на засѣданіе к.-д. фракціи сообщено было, что событія принимаютъ очень серьезный оборотъ и Думѣ грозитъ немедленный роспускъ. Началось обсужденіе мѣръ на случай разгона. Какъ всегда водится въ этихъ случаяхъ, было много сказано хорошихъ словъ, но опредѣленнаго плана никто не предлагалъ. Во время обсужденія пришло новое извѣстіе: Столыпинъ просилъ предсѣдателя Гос. Думы поставить на повѣсткѣ на понедѣльникъ 10 іюля свой докладъ по бѣлостокскому дѣлу; министръ очень настаивалъ быть выслушаннымъ не позже этого дня: онъ имѣетъ сообщить новые документы, опровергающіе докладъ думской слѣдственной комиссіи. Это успокоило всѣхъ. Никто не предполагалъ какой-либо задней мысли: просьба была такъ проста и естественна, необходимость реабилитировать правительство была такъ настоятельна, что несомнѣнно, если у министра былъ хоть какой-нибудь матеріалъ для этого, онъ поторопится его представить Думѣ. Была полная увѣренность, что въ понедѣльникъ 10 іюля мы будемъ засѣдать еще въ Таврическомъ дворцѣ. И на этомъ совѣщаніе закончилось; было уже два

часа ночи, члены совѣщанія разошлись, ничѣмъ не покончивъ: время вѣдь было еще подумать, а впередъ трудно предвидѣть, какъ сложатся обстоятельства роспуска.

8 іюля засѣдала аграрная комиссія. День прошелъ безъ инцидентовъ. Вечеромъ въ 11 часовъ въ кадетскомъ клубѣ были получены новыя успокоительныя извѣстія. А въ это время въ типографіи Правительственнаго Вѣстника уже набирался указъ о роспускѣ, въ Петербургъ стягивались войска со всѣхъ окрестностей, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ летѣли телеграммы во всѣ концы о принятіи экстренныхъ мѣръ. Иностранныя редакціи были лучше освѣдомлены о готовящемся, чѣмъ русскіе народные представители, какая-то непонятная довѣрчивость овладѣла всѣми, и съ такими людьми самый простой обманъ былъ самымъ успѣшнымъ. Въ извиненіе имъ можно сказать, что слухи о готовящемся роспускѣ появлялись уже нѣсколько разъ и что у всѣхъ была увѣренность, что Думу нельзя распустить: «это было бы безуміемъ»—говорилъ еще въ маѣ И. И. Петрункевичъ; правда, что онъ тутъ же прибавилъ: «но мы должны ожидать всего, даже безумія».

Такое же настроеніе царило повидимому и въ трудовой группѣ, ибо и тамъ роспускъ Думы захватилъ врасплохъ.

Спокойно разговаривали депутаты 8 іюля вечеромъ о текущихъ дѣлахъ, раздавали входные билеты знакомымъ на 10 іюля, когда ожидался интересный турниръ со Столыпинымъ, спокойно разошлись по домамъ. На другой день утромъ первое извѣстіе, съ которымъ ихъ встрѣтили, было: «Дума распущена». Работа была прервана въ самомъ разгарѣ. Законопроэкты, запросы, весь этотъ матеріалъ государственнаго строительства, былъ брошенъ недоконченнымъ, необработаннымъ, и голосъ страны, звучавшій чрезъ Думу, замолкъ.

Тотъ, кто имѣлъ терпѣніе перелистать двухтомный стенографическій отчетъ засѣданій Государственной Думы, не можетъ не быть пораженъ странной игрой случая, закончившаго этотъ отчетъ финаломъ, достойнымъ художественной драмы. Послѣ закрытія Думы отчетъ двухъ послѣднихъ засѣданій 6 и 7 іюля былъ изъятъ по распоряженію министерства и теперь оффиціальный отчетъ думской сессіи за-

канчивается засѣданіемъ 4 іюля. По обычаю въ концѣ дневн го отчета помѣщены запросы и матеріалы къ нимъ. Въ числѣ ихъ къ запросу № 359 на самыхъ послѣднихъ строкахъ думскаго отчета помѣщено письмо къ депутату А. Ѳ. Аладьину отъ крестьянки Тамбовской губерніи Усманьскаго уѣзда Тихвинской волости дер. Большой Пловицы Аграфены Дмитріевны Бабкиной. «Будьте настолько добры, помогите мнѣ несчастной въ моей бѣдѣ. Мужъ мой былъ выбранъ обществомъ отвезти общественный приговоръ въ Думу; приговоръ гласилъ постановленіемъ работы у помѣщиковъ, притомъ вышеозначенный приговоръ писалъ мой мужъ, онъ же былъ посельнымъ писаремъ; приговоръ былъ представленъ въ Думу, какого числа не знаю, только въ Думѣ мужъ мой былъ 19 іюня. 26 сего іюня его арестовали и увезли куда-то, не знаю; если вамъ возможно освободить его, то, ради Бога, ради Іисуса Христа, освободите его, у меня на рукахъ трое дѣтей малыхъ, рожь въ полѣ, овесъ некошенъ, хозяйство наше идетъ въ упадокъ, дѣти плачутъ безъ отца. Я совсѣмъ сбилась съ толку. Мужа звать Никита Дмитріевичъ Бабкинъ. Помогите, помогите!» (2013).

Казалось, что вся Россія, раззоренная, измученная, сбитая съ толку, посылала эту мольбу къ своимъ представителямъ. Вопль замеръ безъ отвѣта. Государственная Дума перестала существовать.

VIII.

Тактика Думы.

Мы постарались дать общій очеркъ хода событій, не вдаваясь въ подробности, которыя могли бы прервать общую нить. Нашей задачей было показать, какъ естественно развивался конфликтъ съ исполнительной властью, какъ неизбѣжно вытекали отдѣльные инциденты изъ общихъ условій, въ какія была поставлена Дума.

Мы попытаемся теперь отвѣтить на нѣкоторые общіе упреки, дѣлаемые Думѣ, и въ свою очередь отмѣтимъ нѣкоторыя ошибки въ тактикѣ Думы, причемъ имѣемъ въ виду именно всю Думу; объ отдѣльныхъ партіяхъ въ ней мы скажемъ особо.

Послѣ того, какъ Думу постигла неудача, легко приписать эту неудачу самой Думѣ: постоянно повторяютъ, что она слишкомъ круто взялась за дѣло, что медленнымъ и мягкимъ воздѣйствіемъ можно было большаго достигнуть, что поведеніе Думы, ея тонъ съ перваго же шага, съ отвѣтнаго адреса, покоробилъ высшія сферы, а отъ нихъ въ конечномъ счетѣ зависѣла участь Думы. Лишнія рѣзкости, крикъ и подчеркнутая ненависть къ пережиткамъ стараго обострили борьбу, по крайней мѣрѣ дали оружіе врагамъ Думы, чтобы скомпрометтировать ее, гдѣ слѣдуетъ. Правда ли это? Виновата ли въ этомъ Дума?

Весь изложенный выше ходъ событій можетъ дать отвѣтъ на эти вопросы. Дума не сразу перешла на враждебную позицію. Съ перваго же момента, когда предсѣдатель Думы заявилъ объ «уваженіи къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха», Дума встрѣтила и подчеркнула эти слова громомъ аплодисментовъ (3) и во все время своего суще-

ствованія ни разу ни однимъ словомъ не задѣла Монарха, охраняя его престижъ бережнѣе, чѣмъ это дѣлали его слуги, прятавшіеся за его безотвѣтственность. Столь прославившійся потомъ своей рѣзкостью Аладьинъ въ засѣданіи 29 апрѣля говорилъ по поводу амнистіи: «Мы предоставляемъ послѣдній случай, послѣднюю возможность понять насъ и примирить насъ актомъ, который ускоритъ появленіе нашихъ братьевъ въ нашей собственной средѣ. Я обращаюсь къ тому, кто можетъ, съ простыми ясными словами: пощадите нашу родину, возьмите дѣло въ свои руки и не заставьте насъ взять его въ свои собственныя (25). А когда тотъ же Аладьинъ въ той же рѣчи самоувѣренно обѣщалъ: „Наши братья въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ могутъ быть увѣрены, что мы сами возьмемъ ихъ оттуда“: то Дума стала прерывать его криками «довольно».

Даже къ министрамъ, какъ уже сказано было въ предыдущихъ главахъ, не было сперва никакой предвзятой ненависти. Отношенія обострялись до невыносимости постепенно. Министерство не только обнаружило полное непониманіе и нежеланіе итти солидарно съ Думою, но еще заявляло это въ рѣзкой высокомѣрной формѣ. Оно серьезно тормазило дѣятельность Думы и въ то же время не брезгало и мелкими оскорбленіями, какъ напримѣръ, печатаніемъ телеграммъ съ возмутительными обвиненіями. Оскорбленіе еще усугублялось тѣмъ, что когда Дума естественно пыталась защитить свое достоинство и сдѣлала запросъ, по чьему распоряженію печатаются эти телеграммы, г. Горемыкинъ отвѣтилъ ей какъ будто въ насмѣшку, что это ея не касается и что забота объ огражденіи ея достоинства «руководитъ его дѣйствіями въ неменьшей мѣрѣ, чѣмъ проявленными въ этомъ направленіи попеченіями Государственной Думы» (969).

Волна раздраженія наростала постепенно, можетъ быть не безъ умысла вызываемая противникомъ. Но даже въ самыя критическія бурныя минуты Дума немедленно реагировала противъ крайностей. Въ томъ же засѣданіи когда былъ освистанъ прокуроръ Павловъ, *немедленно* послѣ этого инцидента Дума спокойно выслушала товарища министра внутреннихъ дѣлъ Макарова. Сколько разъ ораторы крайней лѣвой при упоминаніи о республикѣ или объ учредительномъ

собраніи прерывались не предсѣдателемъ, а самой Думой криками «довольно». За исключеніемъ рѣзкихъ выходокъ отдѣльныхъ членовъ, вызванныхъ нестерпимостью положенія, Дума какъ цѣлое всегда соблюдала корректность и сдержанность въ своихъ резолюціяхъ, между самими же членами Думы не случалось ни разу подобія тѣхъ конфликтовъ, которые разыгрывались и въ болѣе старыхъ парламентахъ. Ерогинъ рисковалъ пожалуй быть освистаннымъ, но онъ имѣлъ благоразуміе не появляться на трибунѣ.

Рѣзкость тона была результатомъ обостренія отношеній, но не явилось ли это обостреніе по винѣ Думы, которая сразу «запросила» всего? Чтобы судить Думу за это, надо помнить, при какихъ условіяхъ выбирались депутаты. Какъ разъ въ этомъ пунктѣ наиболѣе расходились партіи народной свободы и союзъ 17 октября, который надѣялся устроить дѣла потихоньку и помаленьку и примирялся даже съ безотвѣтственнымъ министерствомъ. На предвыборныхъ собраніяхъ этотъ вопросъ достаточно обсуждался и именно потому и одолѣла К.-Д. партія, что она рѣзче ставила вопросы, тверже предъявляла требованія. Большинство народа сознало уже, что съ бюрократіей лаской ничего не возьмешь; избиратели солидные и умѣренные клали записку или шаръ за кадетовъ только потому, что они обѣщали быть метлой, которая выметаетъ соръ стараго режима. Относительно пріемовъ борьбы былъ споръ, но что «Дума народнаго гнѣва», какъ ее иногда называли вначалѣ, обязана была поставить вопросъ прямо и рѣзко, безъ оттяжекъ и компромиссовъ, это вытекало изъ всей прошлой исторіи освободительнаго движенія до весеннихъ выборовъ включительно. Въ адресѣ Думы требованія были заявлены твердо и рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой корректной формѣ, что крайнія лѣвыя остались недовольны его тономъ; недовольны были и придворные, впервые услыхавшіе свободную рѣчь самостоятельныхъ гражданъ. Послѣдовательно предъявляла потомъ Дума свои запросы, резолюціи, законопроэкты все въ томъ же тонѣ, и можетъ быть можно было бы говорить о несговорчивости Думы, если бы министры обнаружили хоть малѣйшее намѣреніе удовлетворить желанія народа. Но отъ нихъ Дума не встрѣтила ничего, кромѣ холоднаго и категориче-

скаго отказа. Невозможность дѣйствовать при существованіи этой бюрократической преграды была такъ ясна всѣмъ, что въ Думѣ не было рѣшительно ни одной партіи, на которую правительство могло бы опереться. Мы привели уже отзывъ гр. Гейдена о министерствѣ въ день чтенія декларацiи. А вотъ еще образчикъ настроенія «правыхъ». «Мы видѣли (за 12 лѣтъ) много министровъ, но правильной системы никакой не видѣли; мы замѣчали отсутствіе яснаго сознанія общегосударственныхъ задачъ, отсутствіе политическихъ идеаловъ; мы видѣли и видимъ расчлененіе населенія имперіи на классы и сословія; мы видимъ покровительство одному большее, другому меньшее. Поэтому не было единства въ странѣ, не было того, что называется патріотизмомъ; каждый смотрѣлъ на государство, какъ на нѣчто похожее на акціонерную компанію, отъ которой нужно получить, какъ можно больше. Общество было парализовано». Это говорилъ *октябристъ Способный*, прославившійся своей приверженностью къ смертной казни (1844). Ни справа, ни слѣва правительство отживающей бюрократіи не пользовалось не только авторитетомъ, но даже простымъ уваженіемъ. Во имя чего считало оно себя вправѣ становиться поперегъ дороги Думѣ? Кто могъ примириться съ положеніемъ, напоминающимъ двухъ медвѣдей въ одной берлогѣ? Se soumettre ou se demettre — вотъ все, что оставалось сдѣлать товарищамъ, засѣдавшимъ на министерскихъ креслахъ. Но, конечно, это была бы не простая отставка, это было бы крушеніе всей бюрократіи и крушеніе безповоротное; бюрократія это поняла и предпочла сокрушить Думу.

Тяжба Думы съ министерствомъ была дѣйствительно борьбой за власть, за вліяніе на судьбу народа, который до тѣхъ поръ находился въ безконтрольномъ распоряженіи бюрократіи, но видѣть въ этой борьбѣ одно лишь честолюбивое стремленіе къ власти могли только тѣ, кто самъ цѣплялся за эту власть, кто никогда не видѣлъ въ государственномъ дѣлѣ ничего иного, кромѣ «акціонерной компаніи» и судилъ другихъ по себѣ. Народъ послалъ своихъ представителей не для ораторскихъ упражненій, а для дѣла, для обновленія страны. Для этого нужно было, или чтобы старая власть пошла навстрѣчу народному представительству, или чтобы она уступила свое мѣсто.

Но почему Дума, задавшись цѣлью хотя бы пріобрѣсти вліяніе, не отдалась исключительно этой цѣли, зачѣмъ она такъ далеко уклонялась въ сторону? Зачѣмъ это постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же жалобъ? Зачѣмъ эта мрачная характеристика положенія страны, рѣзкія рѣчи думскихъ ораторовъ? Нельзя ли было не накладывать такъ много красокъ?

Этого нельзя было сдѣлать именно потому, что это была «Дума народнаго гнѣва»; потому что впервые представители русскаго народа получили возможность гласно передъ всѣмъ міромъ повѣдать о своихъ страданіяхъ и вѣковомъ молчаливомъ гнетѣ. Дума была созвана въ разгаръ революціи, когда первый актъ уже былъ сыгранъ и закончился кровавой развязкой, когда еще всюду господствовалъ произволъ и не видно было просвѣта. Требовать отъ думцевъ, чтобы они говорили обо всемъ вынесенномъ страной, о ея горѣ и надеждахъ съ тѣмъ же спокойствіемъ и сдержанностью, съ какими англійскій коммонеръ обсуждаетъ таможенный тарифъ или билль о правахъ иностранцевъ, значитъ не понимать человѣческой природы.

Поверхностнымъ наблюдателямъ кажется иногда, что Дума не дѣлала ничего, какъ только боролась съ министерствомъ, да критиковала существующій режимъ. Такъ въ особенности думаютъ люди, которые слѣдили за думской дѣятельностью только въ тѣ моменты, когда она пріобрѣтала скандальный интересъ, и бросали, какъ не интересные, отчеты о дѣловыхъ засѣданіяхъ. Памятникомъ творчества Думы останутся составленные ея членами законопроэкты, захваченные разгономъ въ разныхъ стадіяхъ обработки. Они помѣщены въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ. Судить о ихъ качествѣ можетъ каждый читатель, но оцѣнить количество работы, затраченной на нихъ, можетъ лишь тотъ, кому случалось принимать участіе въ выработкѣ какихъ-либо уставовъ, инструкцій или обязательныхъ постановленій. Всѣ эти внесенные въ Думу втеченіе двухъ мѣсяцевъ записки и законопроэкты были выработаны на партійныхъ совѣщаніяхъ тѣми же членами Думы, которые одновременно должны были работать на общихъ собраніяхъ Думы и въ многочисленныхъ думскихъ комиссіяхъ. Пред-

варительное партійное обсужденіе облегчало работу Думы, ибо ограничивало полемику внутри партій и оставляло поле только для спора между разными партіями. Такимъ путемъ сокращалось количество ораторовъ и ускорялось прохожденіе законопроэкта въ Думѣ. Кромѣ опубликованныхъ, въ фракціи народной свободы были уже готовы вчернѣ законопроэктъ о союзахъ и о реформѣ земскаго и городского самоуправленія, вырабатывался новый избирательный законъ. Все это осталось сырымъ матеріаломъ, только два закона успѣли пройти всѣ стадіи обсужденія. Правительство, самопрервавшее работу Думы, не давшее ей довести ее до практическихъ результатовъ, стало обвинять Думу въ неработоспособности. Тотъ, кто знаетъ, какъ въ министерскихъ канцеляріяхъ самые пустые законопроэкты вырабатывались годами, а сложные, напр. новое уголовное уложеніе составлялось *восемнадцать лѣтъ*, тотъ можетъ оцѣнить, какова была напряженность труда Государственной Думы втеченіе 72 дней ея существованія.

Длинота рѣчей и повторенія были до извѣстной степени неизбѣжны, ибо депутаты впервые заявляли о нуждахъ народа; не всѣ конечно сразу усвоили пріемы и цѣль парламентскаго обсужденія и часто смотрѣли на свои рѣчи какъ на деклараціи. Но для многихъ это и былъ единственный способъ огласить свои взгляды, обезпечивъ ихъ отъ преслѣдованій цензуры. Повтореніе основныхъ положеній было даже полезно народу, потому что онъ на этихъ думскихъ преніяхъ воспитывался политически. Все то неуклюжее, смѣшное, наивное, что было въ этихъ рѣчахъ,—это было лишь отраженіе младенческаго возраста нашей конституціонной жизни, былъ плодъ долгаго молчанія рабства, тьмы невѣжества, дикаго произвола и въ отвѣтъ ему столь же жестокаго озлобленія. Пусть на нѣкоторыхъ лицъ ложится отвѣтственность, что они недостаточно боролись противъ этихъ недостатковъ, но самой Думѣ въ ея цѣломъ составѣ упрекнуть себя не въ чемъ: она по мѣрѣ силъ и разумѣнія честно служила народу, пославшему ее.

Однако въ тактикѣ Думы было все-таки нѣсколько промаховъ, которые мы отмѣтимъ здѣсь не ради упрека, а ради исторической полноты и правды.

Первая главная и совершенно неизбѣжная тогда ошибка была, конечно, въ переоцѣнкѣ своихъ силъ. Но иначе и быть не могло. Депутаты были избраны такъ дружно, чувствовали за собой такія надежды, довѣріе и сочувствіе населенія, что имѣли право считать себя единымъ съ Россіей. По настроенію оно и было такъ: даже крайніе лѣвые, вначалѣ бойкотировавшіе Думу, были позднѣе увлечены общимъ потокомъ и поняли, что Дума стала необходимымъ историческимъ факторомъ русской жизни. Но при повышенной атмосферѣ, въ которой собирались депутаты въ Думу, и при той обстановкѣ, въ какой имъ приходилось работать, естественно было принять сочувствіе за нѣчто болѣе прочное. Казалось, что стоитъ только Думѣ кликнуть кличъ, и весь народъ отзовется на него, оскорбленіе, нанесенное Думѣ, не простится народомъ, и только безумный можетъ посягнуть на нее. Это вовсе не было самомнѣніемъ со стороны Думы, напротивъ многіе члены тѣмъ бережнѣе относились къ своимъ обязанностямъ передъ страной, что боялись стихійнаго взрыва и всѣхъ его трагическихъ послѣдствій. Однако это сознаніе своей силы въ странѣ поднимало настроеніе депутатовъ. Первоначальныя впечатлѣнія выборной кампаніи подкрѣплялись постояннымъ притокомъ приговоровъ и телеграммъ и личнымъ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ объѣздовъ «своихъ мѣстъ», которые предпринимались по очереди депутатами.

Всей силой своего авторитета моральнаго еще болѣе, чѣмъ юридическаго, Дума обрушилась на министерство. Это былъ тогда одинъ изъ самыхъ правильныхъ методовъ дѣйствія. Онъ не былъ бы ложенъ даже, если бы Дума сознавала ясно чисто нравственный характеръ своего авторитета: импонировать можетъ быть иногда наилучшей тактикой; такъ, съ горстью солдатъ лихой генералъ беретъ мѣстность съ виду неприступную, понимающій психологію администраторъ одинъ справляется съ цѣлой толпой. Но въ данномъ случаѣ не было даже намѣренія импонировать, а сознательно и искренне предлагался правительству ультиматумъ. Насколько онъ импонировалъ правительству, видно изъ того, какъ долго оно колебалось, и почти наканунѣ роспуска Думы шли еще разговоры, не уступить ли.

Переоцѣнка силъ отразилась на тактикѣ Думы, но ошибочность была не въ самомъ принципѣ этой тактики, а только въ формѣ ея примѣненія. Никакихъ компромиссовъ съ министерствомъ Дума допускать не могла, не могла смягчить своихъ требованій, выраженныхъ въ отвѣтномъ адресѣ, потому что они представляли минимумъ, не могла спокойно смотрѣть на творящіяся въ странѣ беззаконія. Между народными представителями и бюрократіей не могло быть ни мира, ни перемирія, но способъ веденія войны и связанныя съ нею ожиданія должны бы быть иными. Не опираясь на реальную силу, то есть такую, которая можетъ быть двинута въ любой моментъ, Дума не могла ожидать, что ея требованія будутъ сразу исполнены, не могла надѣяться на скорую побѣду. Война могла вестись скорѣе осадой, чѣмъ штурмомъ. Можно было вѣрить, что въ концѣ концовъ министерство сдастся, но конечно не съ перваго же вотума недовѣрія. Никакихъ уступокъ нельзя было ждать, пока у стараго порядка не исчезла надежда удержать позицію; борьба должна была сосредоточиться вокругъ одного основного вопроса: быть или не быть бюрократіи? Когда онъ рѣшится въ пользу Думы, все остальное приложится, пока бюрократія держится, Дума будетъ безсильна и напрасно съ ея стороны расточать свою энергію для достиженія отдѣльныхъ цѣлей раньше общей.

Такая ошибка была сдѣлана Думою въ вопросѣ объ амнистіи. Безусловно справедливо, что амнистія была для Г. Думы вопросомъ совѣсти, потому что всякій понималъ, какъ много обязана сама Дума своимъ существованіемъ тѣмъ борцамъ, которые, добиваясь народной свободы, потеряли свою. Первая мысль Думы должна была быть о нихъ, и это было достаточно подчеркнуто въ первый же день И. И. Петрункевичемъ. Просьба объ амнистіи была включена въ адресъ, но еще во время обсужденія адреса, она выдвигалась отдѣльно, нѣсколько разъ прерывала думскія пренія объ адресѣ; многимъ и въ Думѣ, и внѣ Думы казалось нестерпимымъ дожидаться амнистіи даже тѣ нѣсколько дней, которые должны были пройти до подачи адреса. Торопили, чтобы амнистія поспѣла къ 1 мая, деп. Михайличенко пугалъ возможностью кровопролитія, если амнистія не будетъ дана (29),

ден. Аладьинъ говорилъ, что народъ самъ пойдетъ освобождать заключенныхъ, и Дума негодовала, что ея требованіе не исполнялось. Между тѣмъ исполнить одно это требованіе было для министровъ, во-первыхъ, опасно какъ прецедентъ, во-вторыхъ, повлекло бы дальнѣйшія осложненія: амнистированные могли вновь заняться пропагандой; только коренное измѣненіе режима могло сдѣлать эту пропаганду ненужной, правительство же именно его-то и не желало. Несомнѣнно, что для него вернуть ссыльныхъ и выпустить заключенныхъ значило снова начать ту борьбу, какую велъ цѣлые полгода Дурново. Одинъ сановникъ чрезвычайно вѣрно выразилъ бюрократическую точку зрѣнія, сказавъ: «изъ-за первой амнистіи (21 октября) мы вынуждены были брать Москву съ бою». Вопросъ объ амнистіи сводился опять-таки къ общему вопросу и ожидать ея раньше разрѣшенія общаго кризиса было нельзя. Между тѣмъ выдвинувъ этотъ вопросъ съ перваго же момента, когда были невыяснены отношенія и неготовы силы, когда наивно казалось, что достаточно предъявить категорическое требованіе, чтобы получить его исполненіе, Дума сдѣлала поспѣшный первый опытъ примѣненія своей силы и—обнаружила свое безсиліе. Когда 1 мая прошло благополучно, кровь не полилась, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ (въ провинціи были черносотенные погромы), народъ не пошелъ освобождать заключенныхъ, правительство увидѣло, что думскія требованія еще не такая страшная вещь, ибо они не подкрѣплены ничѣмъ осязательнымъ. Министръ Столыпинъ, бывшій, какъ разсказываютъ, чуть не единственнымъ сторонникомъ амнистіи въ кабинетѣ Горемыкина, могъ вынести изъ этого эпизода полезные для себя уроки, которые и примѣнилъ впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ. Дума, столь волновавшаяся отъ задержки въ опубликованіи амнистіи на нѣсколько дней, вынуждена была потомъ молча стерпѣть, что недѣля проходила за недѣлей безъ амнистіи и наконецъ всѣ разговоры о ней замолкли и въ Думѣ, и въ печати. Безсиліе Думы было демонстрировано самымъ наглядным образомъ. А между тѣмъ заранѣе можно было видѣть, что вопросъ объ амнистіи для перваго столкновенія съ правительствомъ былъ для Думы невыгодной почвой, во-первыхъ, потому что формально Дума не имѣла права *требо-*

вать амнистіи, которая во всѣхъ конституціонныхъ странахъ составляетъ прерогативу Монарха, во-вторыхъ, потому что народъ ждалъ отъ Думы гораздо болѣе серьезныхъ предпріятій, и если бы на почвѣ амнистіи разгорѣлся конфликтъ, онъ имѣлъ бы право сказать Думѣ: мы послали васъ за землей и волей для всего народа; вы заботитесь о нѣсколькихъ тысячахъ заключенныхъ, а насъ десятки милліоновъ томятся подъ гнетомъ стараго строя. И вѣроятно тѣ борцы, которые нуждались въ этой амнистіи, сами отказались бы отъ нея на время, чтобы не тормазить дѣла освобожденія страны.

Окрыленные этимъ успѣхомъ, министры могли пойти уже смѣлѣе на бой. Конфликтъ съ кабинетомъ былъ вызванъ имъ самимъ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть поставленъ въ упрекъ Думѣ, потому что на декларацію 13 мая нельзя было отвѣтить иначе, чѣмъ она отвѣтила. Но въ дальнѣйшемъ повторилась та же ошибка: ожиданіе, что думскій вотумъ недовѣрія дастъ сейчасъ же свои плоды. Того же ожидали отъ безконечнаго ряда запросовъ министерству. Вотумъ недовѣрія и запросы были конечно нужны, но ими нужно было только ясно показать странѣ отношеніе къ министрамъ и въ лицѣ ихъ къ старому приказному строю, а затѣмъ готовиться къ долговременной осадѣ этого строя, а не ожидать, что онъ падетъ, какъ стѣны іерихонскія. Отъ громовыхъ рѣчей депутатовъ министры не тронулись съ своихъ мѣстъ, запросы вызывали формальныя отписки, ничуть не останавливая произвола въ странѣ, и несбывавшееся ожиданіе взвинчивало нервы, ставило Думу въ безвыходное положеніе, приводило въ недоумѣніе народъ. Приходилось усиливать давленіе на министровъ, а какія средства имѣла къ тому Дума? Негодующія резолюціи отскакивали отъ блиндированнаго кабинета, какъ мячъ отъ стѣны, самыя рѣзкія выходки пропускались мимо министерскихъ ушей; шумная обструкція, придуманная трудовой группой, такъ же мало конфузила людей, подобныхъ г. Гурко, какъ и резолюціи, а большинство Думы отнеслось къ ней несочувственно, ибо видѣло невозможность чего-либо достигнуть такимъ средствомъ и опасность давать врагамъ такое оружіе противъ Думы, дѣлая ся неработоспособной съ

первыхъ же дней. Безцѣльность обструкціи такъ ясно обнаружилась, что подъ конецъ она почти затихла. Когда кончалъ говорить какой-нибудь товарищъ министра по думскому запросу, въ залѣ раздавались два-три крика «въ отставку», но произнесенные такимъ усталымъ, равнодушнымъ голосомъ, какимъ говорятъ самое банальное «до свиданья». Одинъ разъ, при появленіи Павлова, произошелъ дѣйствительно взрывъ негодованія, и Павловъ физически не могъ произнести ни одного слова, но это былъ невольный неподготовленный взрывъ, мы достаточно объяснили причины его. Вводить подобные инциденты какъ систему было и нежелательно, и невозможно, потому что нельзя было по заказу приводить себя въ такую степень негодованія, какою тогда была объята вся Дума—трудовики, кадеты и кажется даже часть безпартійныхъ. «Чудовище—привычка» вызывала все большее равнодушіе къ появленію министровъ на трибунѣ, а предъявленіе имъ запросовъ заставляло Думу выслушивать ихъ отвѣты, которыхъ она же отъ нихъ требовала. Предлагались разныя мѣры: полный бойкотъ министерства, въ томъ числѣ отказъ отъ ассигнованія денегъ на голодающихъ, обращеніе къ Монарху, разъѣздъ по домамъ, но ни одна изъ этихъ мѣръ не была признана пригодной. Возбудивъ въ населеніи надежду, что министерство дѣйствительно уйдетъ немедленно, Дума не имѣла теперь возможности добиться его смѣны, и тактика ея стала нервной, сбивчивой.

Если въ переоцѣнкѣ силъ и стремительности тактики болѣе повинна трудовая группа, то второй недостатокъ Думы можетъ быть болѣе поставленъ въ счетъ партіи народной свободы. Это—чрезмѣрная приверженность къ усвоенной заранѣе тактикѣ, недостаточная гибкость, своего рода политическое доктринерство. Партійная дисциплина имѣла огромное значеніе въ дѣятельности К.-Д. партіи въ Думѣ и не въ ней мы видимъ ошибку, хотя эта дисциплина иной разъ можетъ быть и мѣшала высказаться молодымъ силамъ. Надо было выбирать одно изъ двухъ: или предоставить все случайному ходу преній и волѣ мѣняющагося состава присутствующихъ членовъ Думы, или вести Думу по опредѣленному пути, но тогда этотъ путь стѣснялъ всѣхъ,

кто былъ не согласенъ съ нѣкоторыми частностями, но не настолько, чтобы выходить изъ своей партіи. Здѣсь подавлялась индивидуальность, но получалась цѣльность и сила партіи, которыя импонировали. Мы полагаемъ, что второй путь былъ правиленъ, ибо молодыя силы могли найти себѣ исходъ въ партійной жизни, могли въ концѣ концовъ пробить себѣ дорогу и въ Думѣ, а сдержанность и устраненіе мелкихъ треній въ Думѣ предписывались всѣми условіями думской работы. Не въ этомъ было доктринерство и вредная сторона партійности. Руководство партіей находилось въ рукахъ опытныхъ людей, но людей тоже впервые выступившихъ на парламентское поприще. Установленные разъ навсегда взгляды партіи проводились съ строгой послѣдовательностью, но именно въ этомъ былъ педантизмъ, который иногда отчуждалъ непартійные круги населенія и дѣлалъ нѣкоторые поступки Думы непонятными широкимъ слоямъ его. Дума руководствовалась справедливыми соображеніями, но не всегда принимала въ расчетъ извѣстныя настроенія внѣ Думы, слушалась партійнаго голоса разума, игнорируя взгляды, предразсудки, предубѣжденія и даже политическое невѣжество населенія. А вожди народа не имѣютъ права игнорировать и ихъ.

Случай, на которомъ обнаружилась эта теоретичность тактики, до сихъ поръ припоминается въ разговорахъ о Г. Думѣ, и даже друзья ея изъ безпартійныхъ выражаютъ свое сожалѣніе, что она отказалась выразить порицаніе политическимъ убійствамъ, что, осуждая смертныя казни, она отвергла поправку Стаховича къ отвѣтному адресу, а противники Думы основываютъ на этомъ уже прямо обвиненіе въ сочувствіи политическому террору. Въ этомъ упрекѣ прежде всего извращаются факты. Деп. Стаховичъ въ засѣданіи 4 мая предложилъ послѣ длинной рѣчи поправку, заканчивавшуюся слѣдующими словами: «Дума заявляетъ, что она твердо и зорко будетъ стоять на стражѣ правъ народныхъ и защититъ неприкосновенность всѣхъ гражданъ отъ всякаго произвола и насилія, откуда бы они ни исходили» (228).

Обѣщать свое покровительство въ то время, когда Дума не имѣла достаточно правъ, чтобы защищаться самой, не имѣла силъ вырвать изъ рукъ палача ни одной жертвы,

было бы со стороны Думы пустой и самонадѣянной фразой. Далѣе, слово осужденія политическимъ убійствамъ должно было быть обращено, конечно, къ ихъ виновникамъ, и потому странно было бы включать его въ адресъ, предназначенный для Монарха, дѣйствительные виновники были затеряны въ массѣ народа и было безполезно взывать къ нимъ. Читать нотаціи было, конечно, легко, но проку отъ нихъ было бы столько же, сколько вообще отъ нотацій: тѣ партіи, которыя организовывали терроръ, относились къ Думѣ отрицательно и слова Думы непосредственно на нихъ вліять не могли. Наконецъ, совершенно правы были оппоненты Стаховича деп. Родичевъ и Шрагъ, указывавшіе, что политическія преступленія явились продуктомъ беззаконія, безправія, давленія на судъ, безгласности, которою отличался старый режимъ. „*Гдѣ дремлетъ мечъ закона, свершитель ты проклятій и надеждъ*“,—это сказалъ еще А. С. Пушкинъ (стих. «Кинжалъ)». Нельзя было не понять психологіи людей, которые въ минуту отчаянія, не видя никакого просвѣта въ жизни родной страны, брались за крайнія средства, которыя казались имъ способными пробить каменную стѣну произвола. Все это было вѣрно и тѣмъ не менѣе отвергнуть всякое упоминаніе о терроръ, пройти молчаніемъ такой выдающійся фактъ было со стороны Думы невѣрной тактикой, основанной на односторонніхъ посылкахъ. Рѣчь шла не о томъ, чтобы судить прежнія преступленія, о нихъ уже въ Думѣ было сказано рѣшительное слово—полная амнистія. Но дѣло касалось будущихъ преступленій. Слово Думы не въ силахъ было вполнѣ остановить ихъ, но создавая и закрѣпляя несочувственное къ нимъ отношеніе въ широкихъ кругахъ, Дума несомнѣнно могла хоть нѣсколько сократить примѣненіе этого оружія, которое стали пускать въ ходъ даже по самымъ ничтожнымъ поводамъ,—уменьшить ни къ чему не ведущее избіеніе городовыхъ, о которомъ говорилъ М. Стаховичъ. Было новое обстоятельство, которое позволяло Думѣ возвысить голосъ противъ убійствъ,—была сама Дума, законная выразительница и защитница народныхъ интересовъ. Сможетъ ли она ихъ защитить или нѣтъ, было тогда еще невыяснено, но пока продолжалась эта думская борьба, отпадало извиненіе, какое приводилось въ

защиту террористовъ, что страна лишена всякихъ способовъ отстоять свои права. Всю борьбу Думы съ министерствомъ назвали потомъ судебной тяжбой, но именно пока тянется процессъ или дипломатическіе переговоры, враждебныя дѣйствія сторонъ пріостанавливаются. Правительство не останавливало казней, но именно это и было осуждено Думой; та же мѣрка должна была быть примѣнена и въ другую сторону къ современнымъ Думѣ событіямъ. Къ этому представлялся и удобный случай. Вообще, терроръ въ думскій періодъ 1906 года сократился и за исключеніемъ окраинъ, гдѣ давно велась гражданская война противъ русскаго владычества, политическія убійства сдѣлались рѣдки въ ожиданіи исхода думской кампаніи. Рѣзкимъ диссонансомъ прозвучалъ въ маѣ взрывъ бомбы, направленной противъ Неплюева въ Севастополѣ, преступленіе, по количеству совершенно *невинныхъ* жертвъ превосходившее покушеніе на Аптекарскомъ островѣ и имѣвшее тѣмъ менѣе извиненій, что убійцы, бросая бомбы посреди толпы, вполнѣ сознавали, какое количество жертвъ она унесетъ. Виновники были преданы военному суду и имъ угрожала смертная казнь. Дума въ засѣданіи 24 мая предъявила срочный запросъ объ этомъ министру, мотивируя его, во—первыхъ, полнымъ отсутствіемъ гарантій для правильнаго рѣшенія дѣла въ военномъ судѣ, во вторыхъ, имѣвшимися указаніями, что въ числѣ преданныхъ суду находился повидимому одинъ невинный. (634). Точка зрѣнія была правильная и была лишь послѣдовательнымъ развитіемъ общаго взгляда Думы, но, заступаясь за преданныхъ суду и стараясь сохранить имъ жизнь, Дума не столько ради логической полноты, сколько ради ясности своей точки зрѣнія, должна была подчеркнуть, что къ самому преступленію она относится съ осужденіемъ, но что отвращеніе къ смертной казни не позволяетъ ей допускать ее даже для лицъ, дѣйствительно виновныхъ въ немъ. Иначе могло получиться впечатлѣніе или что Дума не рѣшается высказать свое мнѣніе, или что, оплакивая участь казнимыхъ, она не находитъ слезъ для жертвъ покушенія. Пусть тутъ была бы извѣстная сантиментальность, пусть осужденіе осталось бы платоническимъ, какъ былъ платоническимъ протестъ противъ примѣненія смертныхъ

казней,—Дума однако не уставала дѣлать его, даже когда уже перестала вѣрить въ его практическую цѣлесообразность. А эта оговорка отняла бы у враговъ Думы одинъ изъ аргументовъ противъ нея.

Какъ разъ въ вопросѣ о смертной казни проявилась еще одна слабая черта бывшей Думы,—именно этотъ самый сантиментализмъ. Можно какъ угодно возмущаться той бойней, какую производило правительство въ Россіи, но въ вопросѣ объ отмѣнѣ смертной казни должны были преобладать государственныя соображенія, а не только чувство гуманности. Въ глубокой, исчерпывающей разработкѣ вопроса деп. Кузьминымъ-Караваевымъ вопросъ былъ поставленъ на надлежащую почву. Между тѣмъ во многихъ рѣчахъ преобладала тенденція воздѣйствовать на чувство слушателей больше, чѣмъ на разумъ. Отсюда и вопросъ занялъ въ думскихъ работахъ непропорціонально большое мѣсто. Можетъ казаться жесткимъ признавать, что «тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о человѣческой жизни», какъ часто говорилось въ Думѣ, можно торговаться изъ-за мѣста, но надо было дать себѣ отчетъ въ удѣльномъ вѣсѣ каждаго явленія. Казни были возмутительны, но весь нашъ старый строй былъ возмутителенъ, только казни сильнѣе бьютъ по нервамъ, а къ обыденному безправію и обнищанію мы уже всѣ привыкли. Законодатели не должны давать себя увлечь этой внѣшней стороной и должны распредѣлять свое вниманіе, сообразно обширности и настоятельности народныхъ нуждъ. Невѣрно утвержденіе, будто народъ былъ равнодушенъ къ вопросу о казняхъ: намъ пришлось присутствовать на митингѣ въ деревнѣ, гдѣ докладывалось о работахъ Думы и мѣстный урядникъ вздумалъ возразить оратору: «народъ на отмѣну казней не согласенъ»: весь присутствовавшій народъ тутъ же закричалъ «неправда, согласны!» Но конечно такого выдающагося, первостепеннаго значенія населеніе не придавало этому вопросу, о которомъ даже мало было рѣчи на предвыборныхъ собраніяхъ (припомнимъ, что это было еще до введенія полевыхъ судовъ). Естественно было, что Дума подъ вліяніемъ продолжающихся казней выработала и спѣшно провела законопроэктъ объ отмѣнѣ ихъ, но было излишне и вредно престижу Думы повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ

на эту тему, каждый разъ, когда приходило извѣстіе о новой казни, и было много излишняго паѳоса въ увѣреніяхъ, что Дума не можетъ спокойно заниматься своей работой, потому что ей мѣшаютъ трупы казненныхъ: законодатель долженъ дѣйствовать, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Чрезмѣрный лиризмъ и паѳосъ былъ свойственъ всѣмъ партіямъ: имъ одинаково грѣшили и Стаховичъ, и Родичевъ, и Заболотный, но конечно первокласные ораторы не тратились по мелочамъ, а противъ избитыхъ фразъ у Думы было самое дѣйствительное средство—невниманіе, которое заставляло лучше предсѣдательскаго звонка сокращать ненужное краснорѣчіе. Однако въ поощреніи, по крайней мѣрѣ въ первое время, излишней чувствительности повинна вся Дума, а этотъ оттѣнокъ рѣчей придавалъ иногда думскимъ преніямъ слегка митинговый характеръ и такъ мало гармонировалъ вообще съ природной простотой и безыскуственностью русскаго человѣка.

Обиліе рѣчей вообще было уже не тактическимъ, а чисто техническимъ недостаткомъ Думы, съ которымъ она несомнѣнно справилась бы впослѣдствіи. Онъ зависѣлъ отъ того, что народные представители не могли сразу приспособиться къ условіямъ парламентской трибуны и не всѣ понимали въ точности условія успѣха на ней. Перенося сюда привычки каѳедры, митинговъ или общественныхъ собраній, гдѣ обсужденіе не имѣетъ цѣлью получить немедленный практическій результатъ, нѣкоторые депутаты не отдавали себѣ отчета, что нужно дѣлать, чтобы добиться вліянія на палату. Многіе старались излить свои чувства или выложить всѣ свои аргументы полностью, упуская изъ виду психологію собранія. Ораторъ, желающій имѣть успѣхъ на парламентской трибунѣ, долженъ обладать величайшимъ чувствомъ мѣры и умѣть въ теченіе своей рѣчи приноровляться къ настроенію собранія. Вся его цѣль—создать общее настроеніе или убѣжденіе достаточное, чтобы повліять на голосованіе или наоборотъ разсѣять нежелательное ему настроеніе. Какъ только онъ чувствуетъ, что достигъ этого, онъ долженъ отбросить все, что имъ заранѣе заготовлено, хотя бы у него была въ запасѣ еще цѣлая цѣпь блестящихъ фразъ и убѣдительныхъ аргументовъ. Все, что онъ

скажетъ лишняго, только расхолодитъ впечатлѣніе. Поэтому утромъ приходится говорить иначе, чѣмъ вечеромъ, послѣ рѣчи противника иначе, чѣмъ послѣ рѣчи единомышленника, полемическій и лирическій элементъ долженъ быть строго сообразованъ и съ предметомъ, и съ посторонними обстоятельствами: утомленіемъ слушателей, степенью силы противниковъ и т. п., чтобы полемика не вызвала впечатлѣнія стрѣльбы по воробьямъ, а лирика не притупила нервовъ. Поэтому парламентская рѣчь, въ противоположность профессорской лекціи или митинговой рѣчи, не можетъ быть заготовлена цѣликомъ заранѣе; она должна твориться на трибунѣ: послѣднее газетное извѣстіе, случайная комбинація даннаго состава собранія—все должно быть принято ораторомъ въ расчетъ. Всходя на трибуну, ораторъ можетъ увидать необходимость передѣлать весь порядокъ рѣчи, чтобы связать ее съ тѣмъ, что только что слышала Палата. Искусство перекидывать мостъ отъ того, что сейчасъ было сказано, къ тому, что намѣренъ сказать ораторъ—одно изъ важнѣйшихъ условій заставить себя слушать и въ особенности въ парламентѣ, состоящемъ изъ людей мало подготовленныхъ къ политическимъ преніямъ. Въ интересахъ практическаго успѣха приходится жертвовать иногда всѣмъ тщательно заготовленнымъ матеріаломърѣчи, больше того—приходится жертвовать всей своей рѣчью, если единомышленникъ уже сказалъ все, что нужно. Этого требуютъ и интересы дѣла, и престижъ партіи, и уваженіе къ Палатѣ. Въ этомъ заключается то, что можно бы назвать парламентскимъ тактомъ. Разумѣется, онъ пріобрѣтается не сразу. Желаніе высказать все, что думаешь по вопросу, иной разъ желаніе показать своимъ избирателямъ, каковъ ихъ депутатъ, побуждаетъ произносить длинныя и ненужныя рѣчи, убѣждать убѣжденныхъ, бить уже поверженнаго противника. Люди, не полагающіеся на свое искусство, приносятъ съ собой цѣлыя тетрадки, читаемыя какъ рефераты въ ученомъ обществѣ, и тѣ же ораторы, которые умѣли говорить бойко и ясно съ аудиторіей, когда говорили своими словами, пріобрѣтали монотонный голосъ и усыпляли слушателей, когда вооружалось писанной рѣчью. Тому, кто не умѣетъ говорить безъ бумажки, лучше отказаться отъ карьеры парламентскаго оратора: онъ никогда не пріобрѣтетъ славы.

Но всё это могло выясниться новичкамъ въ парламентскомъ дѣлѣ только постепенно, а Думѣ чрезвычайно трудно было бороться съ излишествомъ рѣчей. Въ наказѣ Думы было правило, допускавшее прекращать запись ораторовъ и ограничивать время каждаго 5 минутами, но только если въ засѣданіи не находилось 50 лицъ, которыя бы протестовали противъ этого, въ противномъ случаѣ ограниченіе не могло быть введено. Это было сдѣлано во избѣжаніе того, чтобы большинство когда нибудь впослѣдствіи не могло зажать ротъ меньшинству. И много разъ при затяжкѣ преній предлагался этотъ способъ укрощенія ораторовъ; иногда онъ примѣнялся, чаще отвергался, и именно *правая*, то есть гр. Гейденъ съ товарищами, чаще всего голосовали противъ него, боясь упрочить давленіе большинства; сокращать пренія мѣшали тѣ самые люди, которые въ глазахъ противниковъ Думы были наиболѣе дѣловыми членами ея.

Дума не рѣшалась бороться даже противъ одного пріема, который прямо можно было назвать злоупотребленіемъ парламентской трибуной,—противъ прочтенія рѣчей, написанныхъ посторонними. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое заимствованіе было совершенно очевидно и разъ, когда читавшій не могъ бойко разбирать рукопись, принесенную имъ на трибуну, предсѣдатель иронически предложилъ ему поручить секретарю Думы доложить записку, но понятно отличать всегда собственную записку отъ чужой было невозможно, доказать заимствованіе тѣмъ менѣе... Запретить вообще чтеніе рѣчей и записокъ, какъ въ иныхъ парламентахъ, Дума не рѣшалась, ибо среди нея было много крестьянъ, которые, какъ предполагалось, будутъ стѣсняться говорить безъ бумаги, и было много нерусскихъ, которымъ тоже произнесеніе рѣчей по русски было затруднительно. На самомъ дѣлѣ опасеніе было ошибочно, потому что, напр., кавказцы справлялись съ русскимъ языкомъ вполнѣ удовлетворительно, и во всякомъ случаѣ ломанная, но живая русская рѣчь была убѣдительнѣе гладко написанной диссертаціи. Что же касается крестьянъ, то опытъ первой Государственной Думы показалъ, что, когда крестьянину есть что сказать по наболѣвшему вопросу, онъ всегда сумѣетъ это передать въ живыхъ словахъ. Той застѣнчивости, которая

является у интеллигента, у крестьянина почти нѣтъ, потому что во-первыхъ, крестьянинъ больше нашего привыкъ говорить въ обществѣ, на сельскомъ или волостномъ сходѣ, и во-вторыхъ, у него нѣтъ того страха показаться неловкимъ, смѣшнымъ, какой мы переняли у французовъ. Ни одинъ крестьянинъ не занималъ вниманія Думы больше десяти-пятнадцати минутъ подрядъ и за это время успѣвалъ сдѣлать иногда самое глубокое впечатлѣніе, напр. упомянутый уже деп. Лосевъ своимъ образнымъ сравненіемъ народа съ Самсономъ; нѣкоторые же, какъ малороссійскій депутатъ Грабовецкій въ короткое время сдѣлался общимъ любимцемъ Думы.

Самымъ сильнымъ средствомъ борьбы противъ многоглаголанія былъ здоровый инстинктъ собранія, непринужденность отношенія къ товарищамъ: тѣ, кто злоупотреблялъ временемъ Думы, терпѣли кару въ томъ, что ихъ не слушали. Nomina sunt odiosa, но нѣкоторые ораторы довели себя до того, что при ихъ имени половина присутствовавшихъ членовъ Думы поднималась съ своихъ мѣстъ и уходила въ кулуары; это дѣйствовало такъ благотворно, что ретивый ораторъ умолкалъ недѣли на двѣ.

Упрекать ли Думу, что она не была рѣшительнѣе, что она не подвинула обсужденія законопроэктовъ быстрѣе, сокращая время своихъ ораторовъ? Именно первой Думѣ было рискованнѣе всего ограничивать свободу слова хотя бы ради сбереженія времени, потому что этимъ могли потомъ злоупотребить въ другихъ цѣляхъ. Дума несомнѣнно сдѣлала ошибку, посвятивъ такъ много времени запросамъ, которые слѣдовало предъявлять министерству, но не слѣдовало сопровождать иногда длинными лирическими изліяніями; во всемъ дѣйствіи парламентскаго аппарата нужно было сократить количество винтовъ и передаточныхъ ремней. Нельзя было такъ строго держаться парламентской практики другихъ государствъ, потому что въ обычное время можно тратить мѣсяцы на обсужденіе каждаго законопроэкта; въ то горячечное время, которое переживаемъ мы, нужно было ускорить движеніе парламентскаго механизма, хотя бы цѣной нѣсколько менѣе подробнаго обсужденія проэктовъ. Въ самыя критическія минуты и особенно во вторую половину своего существова-

нія Дума сознала это и принимала энергичныя мѣры къ ускоренію работы. Законъ объ ассигнованіи помощи голодающимъ былъ принятъ въ одномъ засѣданіи, хотя на него записалось 26 ораторовъ (1670); во время преній по вопросу объ обращеніи къ народу съ опроверженіемъ правительственнаго сообщенія отъ 20 іюня Гос. Дума рѣшила не расходиться, пока не будетъ принято сообщеніе въ первомъ чтеніи, и засѣдала 4 іюля до 11 часовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи при болѣе мѣшкотномъ обсужденіи по частямъ было вновь сдѣлано такое же постановленіе и 6 іюля Дума сидѣла до 2 часовъ ночи. Крупный вопросъ былъ покончень въ два дня. Въ засѣданіяхъ комиссій была та же тенденція. Когда трудовики потребовали сдѣлать засѣданія аграрной комиссіи публичными, это было отвергнуто изъ опасенія, что возможность говорить для публики будетъ поощрять произнесеніе тѣхъ длинныхъ рѣчей, которыя уже раздавались съ думской трибуны, и засѣданія комиссіи потеряютъ свой дѣловой характеръ. Вѣроятно, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще стали бы примѣняться всѣ способы сокращенія излишнихъ преній, и наоборотъ, могло даже случиться, что главная работа будетъ перенесена въ комиссіи, что публичныя засѣданія будутъ служить только ареной состязанія главарей партій, а партійная дисциплина заранѣе будетъ опредѣлять исходъ голосованія, такъ что наконецъ и самые турниры краснорѣчія сдѣлаются совершенно безполезны. Примѣръ американскаго конгресса показываетъ, что подобное перенесеніе центра тяжести въ комиссіи возможно, и у насъ было бы въ особенности вредно. Но въ свое короткое существованіе Дума не успѣла дойти до этой крайности, а стала только на вѣрный путь, оказывая въ извѣстномъ необходимомъ размѣрѣ давленіе на ходъ работъ съ цѣлью ихъ ускоренія.

Если бы составить списокъ всѣмъ засѣданіямъ, на которыхъ приходилось бывать членамъ Думы,—общимъ собраніямъ, засѣданіямъ комиссій, партійнымъ совѣщаніямъ, то вѣроятно оказалось бы, что думское большинство нарушило само одинъ изъ пунктовъ своей программы, требовавшій 8 часового рабочаго дня, ибо рабочій день думца превосходилъ эту мѣру. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ эти два мѣсяца, пока Дума работала, члены были все-

цѣло и безъ остатка поглощены своей работой, жили только интересами и впечатлѣніями Думы. Достаточно сказать, что большинство было не въ состояніи просматривать даже тѣ листки, брошюры и открытыя письма, съ которыми обращались къ нимъ разные доброжелатели, критики и прожектеры. Работа была тѣмъ труднѣе, что въ этой злополучной Думѣ даже физическія условія обстановки были удручающи: тѣсные ряды креселъ, жесткія подушки и прямыя спинки держали весь корпусъ въ неестественномъ положеніи, а плохая вентиляція зала собраній не давала надлежащаго освѣженія воздуха; послѣ трехъ часовъ пребыванія въ залѣ сидящіе задыхались и одно засѣданіе утомляло больше, чѣмъ цѣлый день работы дома.

IX.

Партія народной свободы въ Думѣ.

К.-Д. или партія народной свободы играла столь большую роль въ Думѣ, что ей приписываютъ или на нее возлагаютъ отвѣтственность вообще за все, что произошло въ Думѣ. Отдѣлить ея исторію отъ исторіи первой Думы невозможно, и многое, что было выше разсказано, можетъ служить матеріаломъ для характеристики этой партіи. Но не повторяя уже сказаннаго, мы постараемся оттѣнить отношеніе ея къ другимъ партіямъ, коснуться ея внутренней жизни, и посильно отвѣтить на вопросъ, насколько К.-Д. партія отвѣтственна за все и дурное, и хорошее, что связано теперь съ именемъ Государственной Думы.

Партія народной свободы имѣла то преимущество передъ всѣми другими думскими партіями и фракціями, кромѣ соціалъ-демократовъ и поляковъ, что она явилась въ Думу уже организованной, до извѣстной степени дисциплинированной, что она имѣла наиболѣе точную программу, лучше всѣхъ другихъ партій была знакома хотя бы теоретически съ парламентскимъ строемъ, и наконецъ,—какъ замѣчено уже много разъ,—включала въ себѣ выдающіяся умственныя силы, политическія знанія и опытъ общественной дѣятельности, какими не обладала въ такой же степени безусловно ни одна партія въ Думѣ.

Но если надо принять во вниманіе всѣ перечисленныя обстоятельства, отводившія партіи первую роль въ Думѣ, то съ другой стороны преувеличенность силы вліянія К.-Д. партіи доказывается прежде всего тѣмъ, что она никогда не была въ большинствѣ въ Думѣ. Къ самому концу сессіи число членовъ парламентской фракціи партіи достигало всего

172, то есть 35% всего состава Думы, (см. прил.). Какъ мы видѣли, остальныя партіи, силотившись, могли парализовать ея дѣятельность, но онѣ были раздроблены и продолжали свою эволюцію еще въ Думѣ. Партія народной свободы— единственная, которая вышла изъ Думы такою же, какою пошла на выборы. Съ своей твердо установленной программой (колебанія могли быть только въ деталяхъ), съ опредѣленнымъ приблизительно планомъ кампаніи, она имѣла моральный перевѣсъ и къ тому же обладала достаточнымъ числомъ ораторовъ и юристовъ, чтобы взять на себя главную часть текущей работы Думы. Если Дума заработала съ перваго же дня, то это въ значительной степени надо приписать К.-Д. партіи, которая сумѣла ее съ организовать и сразу пріобрѣсти господствующее вліяніе. Ей именно Дума была обязана почти всѣми законопроэктами, которые были внесены въ Думу, вообще большая часть дѣловой и организаціонной работы принадлежала ей. Въ ея тактикѣ были двѣ преобладающія черты: она стремилась придать дѣловой характеръ Думѣ и поддержать возможно большее единодушіе въ ней. Если оказалось возможнымъ вносить въ Думу записки и законопроэкты съ первой же недѣли, то это потому, что партія народной свободы уже давно разрабатывала основанія ихъ, давно и систематически готовилась къ думской сессіи. Увѣреніе г. Столыпина, что Дума занималась только протестами и рѣчами, потому что министерство не дало ей иной пищи, не внесло съ самаго начала готовыхъ законопроэктовъ, это объясненіе, помимо смѣшного самомнѣнія, будто только и свѣту, что въ министерскомъ окошкѣ, фактически совершенно невѣрно, ибо Дума была въ достаточной степени снабжена законопроэктами, выработанными ея собственными членами, и если отрывалась отъ нихъ, то только по необходимости, большею частью вызванная какими-нибудь выходками кабинета. Враги Думы воспользовались тѣмъ, что вслѣдствіе роспуска она не могла докончить своихъ работъ и начатки ихъ остались публикѣ неизвѣстными*). Все, что говорилось на выборахъ про оторванность

*) По странной и непростительной небрежности Государственная Канцелярія, выпуская въ продажу «полный» стенографическій отчетъ Г.

отъ жизни и утопичность партіи народной свободы, опровергается ея думской работой, показавшей, насколько детально и практично она умѣетъ примѣнять свои общіе принципы, и напротивъ нападки лѣвыхъ на ея законопроэкты казалось бы свидѣтельствовали о томъ, что партія стоитъ на реальной почвѣ. Кромѣ законодательной работы, партія, какъ мы сказали, несла на себѣ главную тяжесть организаціонной парламентской работы, ибо ни правые, ни лѣвые не были въ такой мѣрѣ знакомы и проникнуты парламентскимъ духомъ, какъ кадеты: парламентъ былъ истиннымъ поприщемъ, какъ бы природной средой для большинства ихъ; предметомъ своихъ давнихъ мечтаній кадеты дорожили больше всего и даже къ парламентской процедурѣ относились съ такимъ благоговѣніемъ, какъ едва ли какая нибудь партія въ какомъ-либо изъ современныхъ парламентовъ. Характерный представитель партіи, выдвинутый ею предсѣдатель Государственной Думы, С. А. Муромцевъ, не могъ бы одинъ справиться съ своей задачей, если бы не встрѣчалъ дружной поддержки въ своей партіи, которая подчеркивала аплодисментами каждый его шагъ, направленный на огражденіе парламентскихъ преній отъ всего, что могло бы уронить ихъ достоинство.

Однако въ этой ревнивой заботѣ о правильномъ выполненіи обрядностей парламентской процедуры была и оборотная сторона. Сознаніе обостренности общаго политическаго положенія и необходимости экстраординарныхъмѣръ и усилій, чтобы выйти изъ него, какъ будто недостаточно проникло въ К.-Д. партію. Предварительное обсужденіе законопроэктовъ во фракціонныхъ совѣщаніяхъ и затѣмъ въ думскихъ комиссіяхъ, троекратное обсужденіе въ Думѣ, все это было бы хорошо въ обычное время. Теперь требовалось ускорить процедуру, нужно было дать народу какъ можно скорѣе что нибудь конкретное, показать ему, что выработала Дума, чего она хочетъ добиться отъ правительства. Въ особенности это было

Думы, не включила въ него текстъ большинства внесенныхъ въ Думу законопроэктовъ, напр., о свободѣ совѣсти, о печати, о личной неприкосновенности, о свободѣ стачекъ и т. п. Всѣ они были розданы въ печатномъ видѣ членамъ Думы и составляютъ необходимѣйшее дополненіе къ ея публичнымъ преніямъ. Въ настоящее время ихъ приходится розыскивать по старымъ газетамъ и журналамъ.

важно по отношенію къ аграрному вопросу: изъ длинныхъ преній нужно было вывести одну конкретную директиву для комиссіи, именно, что аграрная реформа должна быть основана на принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, *) ибо таково было общее мнѣніе всѣхъ партій въ Думѣ. Это было бы хоть что нибудь положительное для народа, но даже баллотировать этотъ выводъ по окончаніи преній не стали, потому что вопросъ былъ поставленъ тогда передъ Думой лишь «о направленіи записки 42» и принимать принципіальныя рѣшенія было съ точки зрѣнія парламентской процедуры преждевременно. Однако жизнь въ этомъ случаѣ перешагнула черезъ парламентскія рамки: 6-го іюля Думѣ пришлось спѣшно редактировать контръ-сообщеніе народу по аграрному вопросу, гдѣ заключались уже извѣстные положительные принципы реформы, принятые безъ дальнѣйшаго обсужденія Думою лишь на основаніи доклада аграрной комиссіи. Поступокъ Думы былъ вполнѣ цѣлесообразенъ, но онъ доказывалъ, что исключительность положенія вообще требовала иногда исключительныхъ пріемовъ работы. Это было не ломка машины, какую рекомендовали слѣва, а только ускореніе ея работы, не выступленія внѣ парламента, а повышеніе энергіи въ самомъ парламентѣ.

Въ К.-Д. партіи многіе члены сознавали все вышеизложенное, и въ ея средѣ наблюдалось теченіе, не совсѣмъ совпадавшее съ общей тактикой партіи. На этомъ основаны были совершенно ложные слухи о расколѣ партіи. На самомъ дѣлѣ по программнымъ вопросамъ господствовало полнѣйшее единогласіе, общій взглядъ на Думу былъ тоже одинаковый, цѣли были общія, но была различная оцѣнка средствъ достиженія этой цѣли и различное отношеніе къ переживаемому моменту.

---

*) Пишущій эти строки вынужденъ внести поправку въ стенографическій отчетъ Г. Думы отъ 2 іюня стр. 923: ему совершенно ошибочно приписано предложеніе принять въ качествѣ директивы принудительное отчужденіе *всѣхъ* частновладѣльческихъ земель. Такая соціалистическая постановка не была бы согласна ни съ его собственнымъ убѣжденіемъ, ни съ общимъ настроеніемъ Г. Думы. Авторъ предложенія говорилъ лишь о признаніи принципа п. о., а не о соціальномъ переворотѣ.

Неправильно было бы характеризовать это различіе шаблоннымъ дѣленіемъ кадетовъ на правыхъ и лѣвыхъ. Разумѣется, и въ К.-Д. партіи были лица, больше склонявшіяся влѣво, другія—вправо, но не этимъ характеризовались тѣ два теченія, о которыхъ мы говоримъ. Можетъ быть лучше поясняется различіе по преобладанію теоретическихъ или практическихъ воззрѣній. Теоретики вполнѣ отдались той дѣятельности, какую партія развивала въ Думѣ: обстоятельно разработанный законопроэктъ, хорошая резолюція, весь обыденный аппаратъ парламентской жизни давалъ имъ достаточное удовлетвореніе. Напротивъ, другіе отдавали себѣ отчетъ въ крайне натянутомъ положеніи страны, чувствовали, что вся парламентская работа необходима, но что это все-таки не все, что нужно. До нѣкоторой степени разница настроенія совпадала съ происхожденіемъ депутатовъ: ко второй группѣ принадлежали по большей части выходцы изъ провинціи, и это раздѣленіе было не случайностью: провинціалы стояли ближе къ народу, чѣмъ столичные профессора, журналисты и адвокаты, они яснѣе представляли себѣ настроеніе массъ, поддерживали съ народомъ сношенія и письменно и путемъ поѣздокъ на мѣста втеченіе думской сессіи, и съ своихъ мѣстъ они выносили убѣжденіе въ недостаточности думскихъ работъ, въ несоотвѣтствіи обычныхъ средствъ съ остротой того кризиса, который надвигался. Въ этомъ была одна точка, которая сближала кадетовъ этого типа съ трудовиками, но было бы совершенно ошибочно считать ихъ возможными союзниками трудовой группы въ томъ видѣ, какъ она дѣйствовала въ Думѣ. Напротивъ, именно изъ среды этой фракціи кадетовъ исходили иногда самые горячіе протесты противъ слишкомъ покладистаго отношенія къ лидерамъ лѣвыхъ; пустыя ораторскія упражненія кого бы то ни было встрѣчали здѣсь наибольшее осужденіе. Въ этомъ была глубокая логическая связь. Тѣ, кто стоялъ за болѣе энергичную политику, желали придать энергіи именно своей партіи, а не заимствовать ее у чужой; далѣе они стояли за реальную политику, а трудовая группа, если только она вообще имѣла опредѣленную политику, была дальше отъ реальной политики, чѣмъ кадетская. Многимъ членамъ партіи народной свободы было ясно, что трудовики ведутъ Думу вовсе не по надлежащему

пути и что кадетская партія должна для блага страны взять дѣло въ свои руки и поставить себя совершенно независимо, но именно для этого-то и нужна была болѣе энергичная тактика. Революцію можно было направить на плодотворный законный путь, но для этого надо было оставаться во главѣ освободительнаго движенія. Не повтореніемъ либеральныхъ фразъ, не состязаніемъ на лѣвость можно было обезпечить себѣ вліяніе, а практической работой, результаты которой создали бы въ народѣ довѣріе къ партіи, котораго не подорвала бы никакая агитація ни правыхъ, ни лѣвыхъ. Эта точка зрѣнія не имѣла ничего общаго съ мечтами трудовиковъ о самостоятельныхъ выступленіяхъ внѣ Думы, объ игнорированіи всѣхъ законовъ во имя правъ революціи, ибо нужны были не авантюры, а серьезная политика, только она не исчерпывалась процессомъ парламентскихъ преній. То спокойное состояніе, въ какомъ работаютъ члены парламентовъ всѣхъ другихъ странъ и какое кажется было у нѣкоторыхъ думцевъ, было совершенно немыслимо для другихъ: каждую минуту чувствовалась грозовая удушливая атмосфера, которая царила въ странѣ, а если кто забывалъ ее на минуту, то письмо съ родины немедленно напоминало о ней. Работая въ парламентѣ и вѣря въ эту парламентскую работу, въ то же время нельзя было закрывать глаза на то, что эта работа можетъ спасти страну только при исключительной энергіи. Ясно было, что нельзя было ограничиваться подражаніемъ парламентамъ, работавшимъ при совершенно мирной обстановкѣ, если не годились ихъ образцы, то нужно было изобрѣтать свое собственное. Передъ Думой и передъ К.-Д. партіей стоялъ сфинксъ съ той же роковой задачей, что и передъ Эдипомъ: «разгадай меня, или я тебя пожру».

Мы сказали уже, что сознаніе исключительности положенія было живѣе въ провинціальныхъ членахъ Думы. Разумѣется, никто изъ привычныхъ обитателей столицы не возражалъ противъ этого, но они иначе чувствовали это, чѣмъ человѣкъ, принесшій живыя впечатлѣнія изъ самой гущи русской жизни, изъ захолустныхъ городовъ и забытыхъ деревень. Отвѣтственность передъ народомъ чувствовалась въ провинціи тоже гораздо живѣе, чѣмъ въ столицѣ, потому что отношенія носили гораздо болѣе близкій, личный

характеръ. Тотъ, кто уѣзжалъ, напутствуемый благословеніями, кто видѣлъ сотни народа, собиравшіеся при его случайномъ пріѣздѣ на родину, для того ярче обрисовывалась его роль представителя народа и жутко становилось отъ мысли о неизмѣримой отвѣтственности этой роли въ критическую минуту жизни государства.

Та петля, которая затягивала Думу по милости правительства, тяжеле всего давила именно людей, вѣрившихъ въ то, что Дума — единственный якорь спасенія, и видѣвшихъ, какъ съ каждымъ днемъ эта Дума исходитъ будто кровью безплодными рѣчами и резолюціями. Вотъ почему такъ жадно схватились многіе кадеты за идею обращенія къ народу, отстояли ее, несмотря на колебанія въ средѣ собственной партіи. Это былъ первый случай, когда тенденція, о которой у насъ идетъ здѣсь рѣчь, впервые прорвалась и дала ощутительный результатъ. Существованіе Думы пресѣклось какъ разъ въ моментъ, когда кадетская тактика стояла на поворотномъ пунктѣ.

Отношеніе къ трудовой группѣ было самымъ слабымъ мѣстомъ к.-д. партіи въ Думѣ. Самое образованіе группы было для партіи неожиданностью и внесло осложненіе въ ея расчеты, основанные на результатахъ выборовъ, гдѣ огромное большинство членовъ Думы прошло подъ флагомъ партіи народной свободы. Первоначально даже ожидалось, что трудовая группа есть только временное образованіе и что она останется фракціей к.-д. партіи. Самый смыслъ этого выдѣленія изъ партіи въ первый же день новой Думы казался непонятнымъ и ошибочнымъ. Потомъ передъ партіей сталъ вопросъ, какъ отнестись къ новой группѣ. Общій тонъ, какой старалась установить к.-д. партія съ трудовиками, былъ примирительный, но до самаго конца Думы не было твердо установленнаго принципа отношеній, не было проведено границы, до которой можетъ итти уступчивость. И почти всегда партія отступала передъ опасностью конфликта съ трудовиками и считалась съ ихъ требованіями. Постоянная уступчивость возбуждала въ нѣкоторыхъ кадетахъ протестъ, вопросъ нѣсколько разъ поднимался на партійныхъ собраніяхъ, но каждый разъ тонулъ въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ и никакого руководящаго начала выработано не было.

Отчасти это объяснялось вообще тѣмъ, что въ Думѣ процессъ организаціи партій не успѣлъ закончиться, но отчасти были особыя причины, мѣшавшія партіи народной свободы найти надлежащую позицію по отношенію къ трудовикамъ.

Во-первыхъ, партія старалась поддержать во что бы то ни стало единодушіе Думы въ борьбѣ съ правительствомъ. Не безъ основанія думали, что всякій конфликтъ внутри Гос. Думы доставитъ торжество врагамъ народнаго представительства, укрѣпитъ положеніе министерства. Поэтому кадеты терпѣли все, что раздавалось по ихъ адресу со стороны лѣвыхъ, для которыхъ этой боязни раскола и ослабленія оппозиціи какъ будто не существовало. Еще въ то время, когда внѣшне было почти полное согласіе у трудовиковъ съ к.-д. партіей, органъ трудовой группы «Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ» осыпалъ кадетовъ самой грубой бранью и обвиненіями; въ № 4, напримѣръ, извѣстный г. Энгельгардтъ писалъ по поводу двухъ записокъ по аграрной реформѣ: «Проэктъ крестьянской группы невыгоденъ для дворянъ землевладѣльцевъ, для «хорошихъ господъ» кадетской партіи невыгоденъ... Коли мы отвергаемъ право собственности на землю, раззоренному крестьянству не придется платить тѣхъ милліардовъ рублей, которые кадетская партія расчитываетъ сорвать съ народа... Понятно, что «хорошіе господа» сердятся на проэктъ трудовой группы и доходятъ до такого нахальства, что попросту замалчиваютъ и искажаютъ его». Для полной оцѣнки этихъ перловъ полемики не мѣшаетъ отмѣтить, что все это писалось 20 мая, а проэктъ трудовой группы (записка 104), былъ внесенъ въ Думу лишь 23 мая. Но к.-д. партія молчала, даже кадетская печать не давала отпора на эти выходки. Ни разу ни въ Думѣ, ни во фракціонныхъ собраніяхъ не поднималась рѣчь о томъ, чтобы поставить трудовикамъ вопросъ, насколько вся трудовая группа солидарна со всѣмъ, что идетъ подъ ея флагомъ. К.-Д. партія молчала и впослѣдствіи, когда соціалъ-демократы бросили ей открытый вызовъ, даже когда деп. Рамишвили говорилъ: «Наше правительство процѣдило насъ и плохой элементъ пропустило сюда. Сюда прошли господа присные (?) съ правительственной душой, они здѣсь

въ большинствѣ»... И на это оскорбленіе, нанесенное всему составу Думы, депутатомъ, избраннымъ на основаніи того же избирательнаго закона, какъ и всѣ его товарищи, не раздалось ни одного возгласа, только предсѣдательствовавшій въ этотъ день кн. П. Д. Долгорукій доктринерски замѣтилъ оратору: «Родство всей Гос. Думы съ правительствомъ органическое, потому что Дума есть часть правительства» (1409).

Даже когда кадеты пытались протестовать противъ нѣкоторыхъ несимпатичныхъ имъ выходокъ трудовиковъ, какъ напр. когда Набоковъ возразилъ Аладьину на его угрозы министрамъ чуть не кулачной расправой, среди самой кадетской партіи раздались голоса, недовольные выходкой Набокова, который не успѣлъ конечно спросить на это разрѣшеніе партіи.

Вторая причина невыдержанности политики по отношенію къ лѣвымъ была неподготовленность къ борьбѣ влѣво. Вся тактика К.-Д. партіи была построена въ цѣляхъ борьбы съ правительствомъ, фронтъ былъ весь повернутъ направо, и когда трудовики сдѣлали диверсію на лѣвомъ флангѣ, то это новое обстоятельство нарушало прежнюю стройность плана аттаки. Кадеты не хотѣли ссориться съ трудовиками, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли одобрить всего, что дѣлали тѣ, ни ихъ предложеній, напр. мѣстныхъ комиссій для разрѣшенія аграрнаго вопроса, ни ихъ тактики — обструкціи. Поводы для спора возникали каждый день, а положеніе оставалось невыясненнымъ. «Наши друзья слѣва» сами отбивались отъ дружбы, на частномъ совѣщаніи о распредѣленіи мѣстъ въ Думѣ у одного трудовика вырвалась фраза: «мы ненавидимъ народную свободу», и нечаянный каламбуръ лучше всего характеризовалъ шаткость въ отношеніяхъ между обѣими партіями. Безусловно невѣрно было, чтобы вся трудовая группа пылала такой ненавистью, но отношенія дѣлались съ каждымъ днемъ хуже, наконецъ 6 іюля наканунѣ роспуска они дошло до полнаго разрыва послѣ отказа трудовиковъ участвовать въ обсужденіи воззванія къ народу въ новой редакціи.

Третья причина, почему К.-Д. партія считала необходимымъ ладить съ лѣвыми, было какое-то убѣжденіе, почти суевѣріе въ силу лѣвыхъ: казалось, что разъ они ведутъ

наиболѣе демократическую политику, говорятъ рѣзче всѣхъ, то народъ долженъ пойти за ними, и они сами много разъ это повторяли въ искренней увѣренности, что Дума, то есть они, ведутъ и сдерживаютъ революцію, которая не сегодня-завтра разразится. Всѣ думали такъ тогда, и подъ вліяніемъ этого кадетамъ приходилось подчиняться иногда требованіямъ партіи, не располагавшей ни численнымъ большинствомъ, ни талантами, ни политическимъ опытомъ.

Эта политика не принесла ровно никакой пользы, потому что фиктивная солидарность никого не обманывала и менѣе всего правительство, ради котораго такъ хлопотали. «Новое Время» старалось эксплуатировать начинающуюся рознь между партіями, потому что въ этомъ одномъ была надежда на спасеніе правительства, и Суворинъ притворялся, что пресерьезно обсуждаетъ кандидатуру деп. Аладьина на министерское кресло, наивно воображая раздразнить этимъ кадетовъ.

Примирительная политика К.-Д. партіи была конечно удобна для лѣвыхъ партій, ибо давала имъ значеніе, какого онѣ не достигли бы одними своими силами, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была отчасти и вредна для нихъ, такъ какъ создавала имъ надежду на поддержку ихъ требованій, не всегда оправдывающуюся, потому что въ рѣшительную минуту К.-Д. партія отказывалась слѣдовать за трудовиками на путь авантюръ, не обѣщавшихъ никакого успѣха. Именно это создавало поводъ къ жалобамъ на кадетовъ, потому что трудовики не могли расчитать, до какого пункта К.-Д. пойдутъ за ними. Отсюда создавалось убѣжденіе, что сочувствіе кадетовъ къ трудовикамъ не искренно, что кадеты способны измѣнить и подвести. Между тѣмъ лидерами Думы были кадеты; трудовикамъ не приходилось вырабатывать самостоятельной тактики въ Думѣ, а только итти или рядомъ съ кадетами, или нѣсколько заскакивать впередъ. Это ослабляло ихъ отвѣтственность за судьбу Думы вообще, и вредило ихъ политическому воспитанію, отчасти даже поддерживало наименѣе симпатичныя черты трудовой группы,—фразистость и демагогію, мало встрѣчавшую отпора въ здравой критикѣ.

Такимъ образомъ партія, которая господствовала въ Думѣ, обнаруживала странную неувѣренность въ себѣ. Она какъ будто не рѣшалась пользоваться всѣмъ вліяніемъ, на

какое давала ей право побѣда на выборахъ и моральное господство въ Думѣ. Это были плоды той особенности, изъ которой проистекали вообще всѣ достоинства и недостатки К.-Д. партіи, именно,—она была партіей интеллигенціи по преимуществу. Наша интеллигенція была всегда очень отзывчива на всѣ передовыя идеи, никогда не отличалась буржуазной узкостью или корыстными вожделѣніями,—отсюда и широкая смѣлая программа К.-Д. партіи, наиболѣе передовой изъ всѣхъ политическихъ партій Европы, кромѣ чисто соціалистическихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, интеллигенція всегда была далека отъ народа, духовно и физически отлучена отъ него, ибо полицейскія условія мѣшали общенію съ народомъ, а быстрое идейное движеніе впередъ въ то время, когда народная масса коснѣла въ первобытномъ невѣжествѣ, духовно разъединяло верхи и низы націи, создавало давно замѣченное трагическое непониманіе между ними. Отсюда—неувѣренность партіи К.-Д. въ томъ, что народъ пойдетъ за нею, отсюда исканіе поддержки въ тѣхъ партіяхъ, которыя казалось имѣютъ прочную точку опоры въ народѣ, владѣютъ его довѣріемъ. Въ силу политическихъ особенностей стараго бюрократическаго строя интеллигенція была отлучена отъ политической жизни, лишена практическаго опыта управленія государствомъ; конечно чиновники были тѣ же интеллигенты, но они уже отдѣлялись отъ общаго теченія жизни, дѣлали свое дѣло не самостоятельно, а по приказу начальства, да и принципы управленія бюрократіи были совершенно иные, чѣмъ тѣ, какими должно было руководствоваться народное представительство. По этому естественно К.-Д. партія не могла сразу приспособиться къ новымъ условіямъ дѣятельности и въ качествѣ господствующей политической партіи работала иногда такъ же, какъ прежде въ научно-общественной сферѣ. Кромѣ того, подойдя къ государственному дѣлу, партія сознавала всю отвѣтственность его и не могла согласиться такъ съ плеча рѣшать вопросы политической тактики, какъ это дѣлали болѣе молодые и горячіе члены трудовой группы. Отсюда—кажущаяся вялость К.-Д. партіи, колебанія передъ рѣшительнымъ шагомъ, иногда чрезмѣрная довѣрчивость. Разумѣется, опытность пріобрѣтается только на дѣлѣ, и боевыя силы могли выдѣлиться лишь въ процессѣ долгой борьбы.

Нѣкоторыя обстоятельства затрудняли энергичное развитіе партійной тактики съ чисто технической стороны. К.-д. партія была относительно наиболѣе многочисленной въ Думѣ, на партійныя совѣщанія собирались человѣкъ 80—100. Естественно, что пренія по всякому вопросу затягивались, разнообразныя теченія находили себѣ защитниковъ въ партіи, и къ окончательному рѣшенію прійти было трудно. Поэтому въ партіи, точь въ точь какъ и въ самой Думѣ, иные вопросы переносились съ недѣли на недѣлю, подымались нѣсколько разъ и все же оставались нерѣшенными. Въ трудовой группѣ, которая насчитывала около сотни членовъ, не было этого недостатка потому, что былъ другой: многіе изъ членовъ только числились въ группѣ, партійныя собранія посѣщали рѣдко, да и на нихъ молчали. Вслѣдствіе этого комитетъ группы могъ пріобрѣсти большее значеніе, чѣмъ комитетъ к.-д. партіи, а значительная разница въ образованіи и подготовкѣ къ парламентской работѣ между нимъ и рядовыми членами-крестьянами избавляла его отъ придирчиваго контроля, и если и были недовольные его тактикой, то на открытый протестъ не рѣшались. Комитетъ к.-д. партіи не могъ и не желалъ розыгрывать военоначальника, а между тѣмъ иногда требовалась чисто военная быстрота и рѣшительность дѣйствій, и въ день роспуска Думы комитетъ вынужденъ былъ взять на себя именно такую диктаторскую роль. Положеніе комитета затруднялось еще тѣмъ, что онъ былъ выбранъ еще въ самомъ началѣ думской сессіи; естественно, что туда попали лица, бывшія уже руководителями партіи въ центральномъ комитетѣ. Между тѣмъ настроеніе большинства парламентской фракціи партіи, различныя теченія ея опредѣлились конечно не сразу, и комитету приходилось руководить недостаточно извѣстнымъ составомъ партіи, съ которымъ невсегда оказывалась у него полная солидарность. Инцидентъ съ обращеніемъ къ народу, описанный выше, это показалъ. Здѣсь отнюдь не было вины членовъ комитета: это былъ результатъ всей совокупности условій, и вѣроятно съ продолженіемъ сессіи фракція нашла бы выходъ изъ этого путемъ пополненія или даже возобновленія состава комитета. Разумѣется, и комитетъ, ближе познакомившійся съ настроеніемъ большинства, сооб-

разовалъ бы съ нимъ свою тактику и получилъ бы тогда большую увѣренность въ дѣйствіяхъ. Сознаніе необходимости оживить партію, придать ей больше самостоятельности и энергіи чувствовалось и въ послѣднее время даже объ этомъ говорилось въ партіи, составъ же членовъ былъ достаточно интеллигентный и опытный въ организаціонномъ дѣлѣ, чтобы справиться съ этой задачей.

Какъ и обо всей Думѣ, о к.-д. партіи приходится судить по тѣмъ обрывкамъ дѣятельности, какую она успѣла проявить за два мѣсяца. Не смотря на перечисленные недочеты, она жила наиболѣе интенсивной жизнью изъ всѣхъ партій, потому что ей принадлежатъ почти всѣ проэкты, внесенные въ Думу, а въ главныхъ чертахъ и весь планъ думской кампаніи. Ея недостатки были неизбѣжны для всякой партіи на первыхъ шагахъ, а искренность ея борьбы съ правительствомъ была засвидѣтельствована, можетъ быть поздно и безполезно, тѣмъ документомъ, который былъ ею же предложенъ выборгскому совѣщанію. Вся ненависть, съ какою обрушились именно на кадетовъ и полиція, и полицейская печать подъ руководительствомъ обоихъ братьевъ Столыпиныхъ, послужила достаточнымъ удостовѣреніемъ, насколько само правительство считалось съ той силой, какую противопоставляла ему кадетская оппозиція. Два раза—въ октябрѣ 1905 г. во время переговоровъ съ гр. Витте и въ іюлѣ 1906 г. —к.-д. партія была близка къ власти, и оба раза власть миновала ее, потому что партія не дала себя ослѣпить ея миражемъ и не пошла ни на какіе компромиссы, не ослабила даже на минуту свою оппозицію старому режиму. Каковы бы ни были ошибки и слабости кадетовъ ихъ политическая честность и послѣдовательность стоятъ внѣ сомнѣній.

X.

Трудовая группа.

Лѣвыя партіи въ Думѣ объединялись подъ общимъ наименованіемъ трудовой группы, только за три недѣли до роспуска соціалъ-демократы выдѣлились въ особую группу, поэтому подъ этимъ названіемъ мы и можемъ теперь разсматривать тѣ элементы, которые въ Думѣ сидѣли лѣвѣе кадетовъ.

Образованіе трудовой группы началось съ того дня, какъ было опубликовано воззваніе, подписанное деп. Аладьинымъ, Шапошниковымъ и др., съ приглашеніемъ крестьянъ, избранныхъ въ Думу, прибыть въ Петербургъ раньше открытія засѣданій Думы, чтобы условиться на счетъ тактики въ Думѣ. Любопытно и нѣсколько странно, что казенное телеграфное агентство сочло своимъ долгомъ передать это приглашеніе во всѣ провинціальныя газеты. Можно думать, что образованіе группы, которая предназначалась для конкуренціи съ кадетами, было до того пріятно правительству, что оно поторопилось поддержать ее.

Депутаты—крестьяне стали понемногу съѣзжаться въ Петербургъ и посѣщать трудовой клубъ—историческій домъ № 116 на Невскомъ просп. Надо отдать справедливость организаторамъ, что они развили необычайную энергію: цѣлыми днями происходило обсужденіе и разъясненіе программы нарождающейся партіи, сглаживались тренія и противорѣчія. Въ то время еще въ трудовой группѣ поднимались, правда, единичные голоса напр. противъ равноправія евреевъ, противъ отмѣны смертной казни и т. п. Необходимая предварительная агитаціонная и организаціонная работа была произведена къ тому времени, когда Дума открыла свои дѣйствія.

Въ трудовую группу вошли, во-первыхъ, всѣ сознательные члены крайнихъ лѣвыхъ партій, которые не могли или не хотѣли дѣйствовать подъ партійнымъ флагомъ, во-вторыхъ, всѣ люди неопредѣленной лѣвой окраски, которые не удовлетворялись кадетской программой, въ третьихъ, наконецъ, и это былъ главный контингентъ группы,—крестьяне. Одни, уже знакомые съ партійными программами, шли туда сознательно, другіе принадлежали у себя дома къ числу безпартійныхъ или вообще сочувствующихъ освободительному движенію. Къ трудовой группѣ ихъ привлекало во-первыхъ то, что она отводила больше мѣста аграрному вопросу и разрѣшала его, впрочемъ правильнѣе сказать, открывала возможность ставить его радикальнѣе, чѣмъ К.-Д. партія. Второе обстоятельство, благопріятное для Т. Г., было то, что К.-Д. партія состояла изъ интеллигентовъ, въ значительной степени даже изъ землевладѣльцевъ; для крестьянъ это все были «господа», среди которыхъ пахарь и рабочій чувствовали себя стѣсненными: въ трудовой группѣ были свои люди.

Такъ какъ группа образовалась передъ самымъ открытіемъ Думы, то во время думскихъ засѣданій у нея еще шелъ процессъ организаціи, многое оставалось невыясненнымъ и тѣмъ членамъ, которые пріѣхали позднѣе, приходилось наверстывать пропущенное. Спѣшность организаціи повліяла на то, что знакомство членовъ группы съ ея программой было далеко недостаточно ясное; вся партія не была рѣзко отмежевана отъ другихъ партій и колебалась въ своемъ составѣ. Такова была бы судьба всякой новой партіи да еще съ составомъ членовъ, малоподготовленныхъ къ парламентской дѣятельности, но въ трудовой группѣ были особенныя условія, которыя тормазили ея развитіе.

Какъ мы только что сказали, въ нее шли люди разныхъ взглядовъ, убѣжденій и общественныхъ положеній и по разнымъ мотивамъ. Отсюда Т. Г. представляла большую смѣсь, чѣмъ какая-либо иная партія въ Думѣ. Менѣе всего ее можно было бы счесть классовой партіей, потому что въ ней рядомъ съ адвокатомъ и профессоромъ сидѣлъ русскій пахарь и католическій ксендзъ. На послѣдней страницѣ книги мы приводимъ распредѣленіе партій въ Думѣ и по

нему видно, какъ разнообразенъ былъ составъ Т. Г. даже по убѣжденіямъ. Отбросивъ мелкія партійныя дѣленія, мы можемъ различить въ трудовой группѣ три подгруппы: радикальную интеллигенцію, которая назвалась «трудовой интеллигенціей», вызвавъ этимъ насмѣшки кадетовъ: «а мы развѣ бездѣльники?»; далѣе, группу весьма немногочисленную фабричныхъ рабочихъ и наконецъ крестьянство. Всѣ три группы отдѣлялись другъ отъ друга какъ убѣжденіями, такъ и интересами. Фабричные рабочіе, находившіеся подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ, никогда не играли видной роли въ Т. Г. и впослѣдствіи выдѣлились изъ нея въ С. Д. партію. Исторія группы сводится къ взаимнымъ отношеніямъ интеллигенціи и крестьянства.

Между обѣими этими группами было глубокое различіе какъ во всемъ міровоззрѣніи, такъ въ частности и въ отношеніи къ Думѣ. Интеллигенція была разумѣется нисколько не заинтересована сама въ аграрномъ вопросѣ и выдвигала его на первый планъ въ угоду крестьянамъ; ей самой свобода была гораздо интереснѣе земли, и это ежеминутно прорывалось въ работахъ и рѣчахъ. Не по поводу аграрнаго вопроса больше всего волновались трудовики-интеллигенты, а по вопросамъ амнистіи, смертной казни и т. п. Между тѣмъ для крестьянъ главнымъ краеугольнымъ вопросомъ была земля. За ней они пришли въ Думу и многіе изъ нихъ скучали, слушая какія-то неидущія къ дѣлу пренія. Но и по аграрному вопросу мнѣнія въ трудовой группѣ расходились. Были трудовики-интеллигенты, какъ деп. отъ Саратовской губ. С. Семеновъ, которые отказались подписаться подъ запиской 42; Андреяновъ на собраніяхъ Т. Г., Сѣдельниковъ въ самомъ засѣданіи Г. Думы въ обстоятельной рѣчи (709—713) высказался противъ возможности огульной націонализаціи земли, а изъ той же Т. Г. исходилъ «проэктъ основного аграрнаго закона», внесенный 33 членами съ планомъ полнаго аграрнаго переворота. Руководители группы не успѣли или не сумѣли достаточно выяснить всѣ разногласія по этому жгучему вопросу иногда вербовали подписи только ради количества и вызывали недоразумѣнія, подобныя тому, что съ деп. Бочаровымъ, который, подписавъ записку 104, потомъ съ трибуны заявилъ, что не

разобралъ хорошо, въ чемъ дѣло, и отказывается отъ своей подписи, такъ какъ крестьянамъ по его мнѣнію нужно дать землю въ собственность (881). Добиться единенія по этому вопросу между крестьянами было едва ли не труднѣе, чѣмъ среди интеллигентовъ, одно можно сказать съ увѣренностью, что проэкты чисто соціалистическаго характера встрѣчали мало сочувствія у крестьянъ; особенно пугало ихъ признаніе за всякимъ гражданиномъ права на землю, и очень симптоматически было то, что наиболѣе радикальный проэктъ былъ отвергнутъ Думой безъ передачи въ комиссію.

Однако, еще дальше расходились крестьяне съ интеллигенціей по государственнымъ вопросамъ и расходились не въ сознательныхъ убѣжденіяхъ, а въ общемъ міровоззрѣніи, въ настроеніи. Мы считаемъ совершенно произвольнымъ утвержденіе г. Локотя (Первая Дума, 121), что всѣ крестьяне Т. Г. были объединены общностью настроенія и что это настроеніе было именно «стихійно-революціоннымъ». Если только не играть словами и не называть революціонеромъ всякаго, кто требуетъ перемѣны стараго порядка, то мы отнюдь не можемъ дать всѣмъ крестьянскимъ членамъ Т. Г. такого эпитета. Напротивъ, крестьяне шли въ Думу въ огромномъ большинствѣ съ полной вѣрой, что именно Дума разрѣшитъ всѣ вопросы, удовлетворитъ ихъ нужды, «охлопочетъ землицы», какъ говорилъ одинъ безпартійный крестьянинъ. Во второй Думѣ настроеніе вѣроятно уже будетъ иное, но въ первой и въ особенности вначалѣ оно царило. Поэтому у интеллигентовъ постоянно прорывалось признаніе, что они не считаютъ Думу истиннымъ представителемъ народа, какъ выбранную не на основаніи четырехчленной формулы, крестьянину же, сидящему въ Думѣ, показалось бы абсурдомъ не считать себя представителемъ того самаго народа, изъ котораго онъ вышелъ, только потому, что онъ выбранъ не по совершеннѣйшей избирательной системѣ. Въ этомъ вопросѣ руководители должны были итти за партіей, а не наоборотъ.

Не въ отношеніи одной только Думы происходило между ними разногласіе. Крестьяне, пришедшіе повѣдать Царю о горестяхъ и болѣстяхъ народа, стремились стать къ нему въ болѣе близкія сношенія, чѣмъ это допускалось парламентскимъ и придворнымъ этикетомъ. Мы уже видѣли, что подъ предлогомъ по-

слѣдняго не допустили даже подачи думскаго адреса чрезъ особую депутацію, и не было кажется вещи, которая сильнѣе повліяла на міровоззрѣніе крестьянъ, чѣмъ этотъ случай невниманія къ нимъ ради этикета. Однако крестьяне не сразу успокоились на немъ. Имъ все казалось, что слѣдуетъ пробить себѣ дорогу «туда», чтобы голосъ Думы не былъ перехваченъ по дорогѣ. Профессоръ Ковалевскій кажется болѣе всего привлекъ съ самаго начала симпатіи крестьянъ своимъ предложеніемъ обратиться лично къ Монарху чрезъ предсѣдателя Думы съ просьбой объ амнистіи. Уже послѣ министерской декларації, послѣ выраженія рѣзкаго недовѣрія правительству, нѣкоторые крестьяне изъ Т. Г. въ разговорахъ выражали мысль, не слѣдуетъ ли и эту резолюцію сообщить черезъ предсѣдателя Думы непосредственно Монарху, чтобы министры не скрыли отъ него постановленія Думы.

Такимъ образомъ между членами Т. Г. не было того духовнаго родства, которое составляло силу К. Д. партіи, позволило ей такъ быстро оріентироваться и организоваться въ Думѣ. Задача лидеровъ Т. Г. была труднѣе, чѣмъ лидеровъ любой партіи въ парламентѣ, а между тѣмъ они вели дѣло не такъ, какъ нужно было. Благодаря бойкоту Думы, настоящіе главари лѣвыхъ партій остались за порогомъ Таврическаго дворца. Организація трудовой группы выпала на долю случайно прошедшихъ весьма разнородныхъ по качеству интеллигентныхъ руководителей, которые въ свою очередь не были солидарны между собой даже по такому кардинальному для группы вопросу, какъ аграрный. Не были они солидарны и въ нѣкоторыхъ тактическихъ вопросахъ: профессоръ Локоть свидѣтельствуетъ, что обструкція министрамъ не одобрялась частью Т. Г. въ томъ числѣ имъ (Первая Дума, 220). Являя членамъ партіи примѣръ несогласія, которое иногда, какъ въ отношеніи рано умершаго Андреянова, доходило до личной непріязни, лидеры трудовиковъ въ то же время не умѣли овладѣть довѣріемъ крестьянства въ такой мѣрѣ, въ какой нужно было, чтобы вести столь пеструю группу. Только что явившіеся изъ деревни крестьяне нуждались въ бережномъ обхожденіи, тщательномъ политическомъ воспитаніи. Не было матеріала благодарнѣе этого,

потому что крестьянинъ—членъ Думы жаждалъ получить откуда-нибудь необходимыя указанія, совѣты, но все это нужно было преподать въ доступной для него формѣ, не коробить его міровоззрѣнія, отводить первое мѣсто именно его интересамъ, войти въ близкое личное общеніе съ нимъ. Какъ разъ этого не хватало лидерамъ Т. Г. Близкое общеніе выражалось въ частыхъ засѣданіяхъ, въ групповой работѣ, но въ ней всегда на первомъ планѣ стояли интеллигенты-руководители. Несомнѣнно, что эта роль предназначалась имъ въ силу ихъ большаго образованія, но они не умѣли затушевать свое превосходство, не понимали необходимости втягивать даже рядовыхъ крестьянъ въ текущую работу, хотя бы на первое время они тамъ были абсолютно безполезны. Руководя во всѣхъ мелочахъ группою, они при перевѣсѣ умственныхъ силъ стали въ положеніе диктаторовъ, которымъ даже противорѣчіе въ группѣ не нравилось. Часто попытка какого-нибудь рядового крестьянина вставить свое простое слово въ пренія, можетъ быть и не совсѣмъ у мѣста, вызывала насмѣшку. А когда членъ группы подымалъ существенный вопросъ, который хотѣли обойти, интеллигентъ всегда могъ сбить своего оппонента увертkой, привычной для насъ, но ставившей въ тупикъ крестьянина. Когда въ Т. Г. обсуждался вопросъ объ аграрной реформѣ, руководители группы старались стушевать вопросъ о вознагражденіи за землю, вызывающій до сихъ поръ самое острое разногласіе. Одинъ трудовикъ-крестьянинъ запротестовалъ, говоря, что нужно опредѣлить это точно. «А вы можете опредѣлить, сколько стоитъ земля въ Саратовской губ.?» побѣдоносно возразилъ ему одинъ изъ лидеровъ. Мужичекъ сѣлъ, не умѣя объяснить, что онъ говоритъ совсѣмъ не о конкретной цѣнѣ, а о принципѣ. Возражать крестьяне не умѣли, но реагировали на это пассивно: къ концу сессіи Думы засѣданія трудовой группы дѣлались все менѣе людными, и именно крестьяне стали покидать ихъ, какъ это свидѣтельствуетъ и профессоръ Локоть, хотя и убѣжденный, что въ группѣ все обстояло благополучно (Первая Дума, 275).

Разумѣется, все сказанное относится не ко всѣмъ интеллигентамъ, состоявшимъ въ трудовой группѣ, а лишь къ тѣмъ, кто фактически стоялъ во главѣ группы, да и изъ

нихъ наиболѣе оттолкнулъ отъ себя г. Аладьинъ. Намъ трудно анализировать со стороны причины, почему именно онъ не завоевалъ расположенія крестьянъ, но фактъ безусловно достовѣрный, что крестьяне въ Думѣ относились къ нему какъ-то недовѣрчиво съ самаго начала, а подъ конецъ сессіи не пожелали даже выбрать его своимъ представителемъ на международный соціалистическій конгрессъ въ Лондонѣ, не смотря на его знаніе англійскаго языка, и послали туда депутата Аникина.

Благодаря всѣмъ перечисленнымъ обстоятельствамъ, тактика Т. Г. была нервною, непослѣдовательной, скорѣе сказать недоконченной, и въ концѣ концовъ потерпѣла неудачу. Генеральный штабъ партіи, не чувствуя полной солидарности со своей арміей, не могъ всегда расчитывать на ея поддержку, а такъ какъ онъ сверхъ того не всегда правильно учитывалъ и внѣшнія обстоятельства, то вынужденъ бывалъ иногда среди борьбы останавливаться или даже маскировать свое отступленіе.

Прежде всего, чтобы обособить и подчинить своему вліянію членовъ группы, организаторы ея пытались поставить ее на позицію, прямо враждебную партіи народной свободы, и въ Т. Г. слово «кадетъ» было почти браннымъ. Но тутъ же они натолкнулись на связь, какая сохранилась у большинства депутатовъ на родинѣ съ партіей народной свободы. На выборахъ они шли подъ ея знаменемъ, она объединила ихъ и привела въ Думу и, даже помимо личной связи съ товарищами по губерніи, оставалось симпатія къ К.-Д. партіи. Разорвать эту связь не удалось даже послѣ двухъ мѣсяцевъ сессіи, потому что по всякимъ личнымъ и и мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ многіе трудовики-крестьяне обращались къ своимъ сотоварищамъ по губерніи, хотя бы они были кадетами, охотнѣе, чѣмъ къ своимъ лидерамъ. Въ самой Думѣ К.-Д. партія показывала достаточную предупредительность, чтобы разбить въ крестьянахъ предубѣжденіе, если оно и было. Наканунѣ самаго открытія Думы, когда нужно было дружно рѣшить вопросъ о подписи подъ торжественнымъ обѣщаніемъ служить *самодержавному* Монарху, кадеты прислали приглашеніе трудовикамъ на совмѣстное совѣщаніе. Это былъ первый и послѣдній опытъ

совѣщаній. Онъ привелъ къ соглашенію, но тутъ же деп. Аладьинъ постарался подчеркнуть малѣйшіе промахи кадетовъ, чтобы выставить ихъ врагами трудовиковъ. Когда онъ попросилъ слова и въ началѣ его рѣчи г. Милюковъ случайно перебилъ его однимъ замѣчаніемъ, Аладьинъ съ театральной торжественностью заявилъ: «въ первый разъ я говорю здѣсь и меня лишаютъ слова, я не ожидалъ этого». И г. Милюкову пришлось оправдываться отъ этой придирки. Но обстоятельства складывались такъ, что трудовикамъ приходилось, скрѣпя сердце, итти съ кадетами если не совсѣмъ рядомъ, то невдалекѣ.

Одной изъ причинъ этого былъ недостатокъ солидарности въ группѣ. Когда онъ выяснился, трудовики надѣялись укрѣпить эту солидарность чисто внѣшнимъ путемъ— разсадивъ всю Т. Г. на сосѣднія кресла, чтобы легче было ею лидировать. Отсюда возникъ вопросъ мѣстничества, надъ которымъ проф. Ковалевскій справедливо издѣвался въ «Странѣ». Кадеты, пользовавшіеся дѣйствительно лучшими мѣстами, не находили нужнымъ уступать, трудовики же требовали себѣ этой товарищеской услуги, какъ долга, и ставили чуть ли не въ политическое преступленіе кадетамъ, что тѣ уклонялись отъ пересадки; видѣли въ этомъ буржуазную натуру кадета. Благодаря поддержки поляковъ, которымъ, какъ поздно пріѣхавшимъ, достались тоже неудобныя мѣста, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу трудовиковъ, пріобрѣтая значеніе, вовсе несоразмѣрное съ мелочностью вопроса. Пересадка конечно мало помогла трудовикамъ и не сдѣлала ихъ партію сильнѣе.

Въ программѣ Т. Г., по признанію даже нѣкоторыхъ членовъ ея, не было существенныхъ отличій отъ кадетской, кромѣ аграрнаго вопроса, который однако былъ разработанъ тамъ очень слабо, обходя существенные пункты, чтобы не вызывать разногласій; однако же они вскрылись, какъ только вопросъ былъ поставленъ на очередь въ Думѣ, и въ концѣ концовъ даже по аграрному вопросу самымъ авторитетнымъ и популярнымъ человѣкомъ въ Думѣ былъ кадетъ Герценштейнъ, потерю котораго нельзя достаточно оцѣнить. Недаромъ послѣ его убійства даже въ отдаленныхъ селахъ крестьяне служили по немъ панихиды.

Главное расхожденіе обѣихъ половинъ оппозиціи въ Думѣ было въ вопросахъ тактики, и здѣсь обнаружилась слабость и недостатокъ выдержки Т. Г., или правильнѣе ея руководителей. Кадетская тактика имъ казалась вялою, не достигающею цѣли. Нужно было усилить ее, нужно было сдѣлать что-нибудь такое, чего кадеты не умѣли или не рѣшались сдѣлать, но что именно? Этого никто не зналъ—ни кадеты, ни трудовики. Т. Г. повела въ рѣчахъ энергичную атаку на правительство. Ей въ значительной степени Дума обязана той торопливостью, съ какой поставленъ былъ вопросъ объ амнистіи. Натискъ не привелъ къ цѣли, даже наоборотъ. Тогда были использованы другіе случаи:—вопросъ о смертной казни, о мѣстныхъ аграрныхъ комитетахъ. Подробности борьбы на этихъ вопросахъ мы уже передавали въ предъидущихъ главахъ. Неудача, какую терпѣли эти попытки толкнуть Думу на революціонный путь борьбы, зависѣла, во-первыхъ, отъ недостатка поддержки собственныхъ членовъ Т. Г., во вторыхъ, отъ непродуманности самихъ попытокъ измѣнить думскую тактику. Несомнѣнно, что соціалъ-демократы, пришедшіе такъ поздно въ Думу, принесли туда гораздо болѣе пагубную, но болѣе послѣдовательную тактику, чѣмъ трудовики, у которыхъ каждый шагъ опредѣлялся общимъ «настроеніемъ» и случайными политическими комбинаціями минуты. У соціалъ-демократовъ было ясно отрицаніе Думы. Трудовики ее признавали, въ ней былъ смыслъ ихъ существованія, а между тѣмъ именно думской парламентской работой они были недовольны, а хотѣли чего-то другого. Чего? Деп. Аникинъ одинъ разъ говорилъ, что Дума должна дать отпоръ покушеніямъ правительства на неприкосновенность народныхъ представителей и дать его грудью: «это даже выгоднѣе, чѣмъ параграфомъ», (1202); но вѣроятно съ трудомъ объяснилъ бы, что собственно хотѣлъ онъ рекомендовать Думѣ: непосредственную физическую борьбу съ жандармами? Въ другой разъ онъ же говорилъ «не мелочами нужно заниматься, а нужно крупное дѣло дѣлать,... Если уже начинать ломку, то нужно начинать ломку (положенія о Думѣ) коренную» (593). Винаверъ спросилъ его: «какое же вы дѣло желаете дѣлать?» и попрекнулъ, что онъ мечтаетъ разрушить Думу. Аникинъ немедленно взялъ свои

слова обратно, истолковавъ вопреки очевидности, что его фраза о разрушеніи всего относилась только къ министерству Горемыкина (602). Трудовики не вѣрили въ Думу, какою она была, тяготились работой въ узкихъ рамкахъ основныхъ законовъ, справедливо конечно видѣли, что дѣло не подвигается, но кромѣ пресловутой организаціи народа ничего рекомендовать не могли. Въ этомъ былъ коренный недочетъ ихъ тактики: они, въ томъ числѣ Аладьинъ, нѣсколько разъ признавали, что у Думы не было въ то время реальныхъ силъ, на которыя она могла бы опереться, и въ то же время совѣтовали Думѣ перейти въ такую наступательную тактику, которая могла дать результаты лишь при поддержкѣ, а за отсутствіемъ ея только подрывала авторитетъ и спасительный страхъ Думы въ правительствѣ, какъ это и случилось въ вопросѣ объ амнистіи. Слишкомъ часто трудовая группа сама забывала свои здравыя размышленія о недостаткѣ силъ Думы и, увлекаясь своей фантазіей, начинала рисовать себѣ героическія картины. «Между революціей въ странѣ и правительствомъ стоимъ только мы и въ тотъ моментъ, когда кто бы то ни было осмѣлился въ той или иной формѣ, въ формѣ ли разгона, въ формѣ ли закрытія дверей...» въ этомъ мѣстѣ г. Аладьинъ былъ прерванъ криками «довольно», (381), но мысль его была ясна безъ продолженія. А деп. Недоносковъ нетерпѣливо восклицалъ въ другой разъ: «Когда же мы будемъ считаться съ возбужденными стихіями народнаго гнѣва, народныхъ требованій?» (897) Кадеты тоже слышали подземный гулъ стихій, которыя казалось вотъ-вотъ вырвутся и затопятъ все, только кадеты не считали тактичнымъ постоянно говорить объ этомъ, ибо отъ повторенія угрозы все болѣе утрачивали устрашающую силу. Послѣдствія показали, насколько были онѣ лишены реальнаго основанія. Трудовики пріучили правительство къ своимъ громкимъ фразамъ, которыя на повѣрку оказались пустыми звуками, и теперь правительство не повѣритъ и не пойметъ во время предостереженія, даже когда стихіи дѣйствительно вырвутся на волю. Опрометчивость трудовиковъ еще будетъ имѣть свои послѣдствія въ будущемъ.

Несомнѣнно трудовики искренно вѣрили въ то, что народъ пойдетъ добывать себѣ свободу самъ и пойдетъ непре-

мѣнно за ними. Поэтому они, не смотря на свое численное меньшинство, чувствовали себя силою и хотѣли соотвѣтственно вліять на Думу. Кадетская тактика ихъ возмущала своей вялостью, они стремились вести смѣлую и послѣдовательную борьбу. Но чѣмъ и какъ? Единственное дѣйствительное оружіе въ рукахъ Думы была законодательная власть, и этимъ путемъ и надо было дѣйствовать. Трудовая группа не отрицала законодательной дѣятельности Думы. Деп. Аладьинъ говорилъ 24 мая: «мы думаемъ, что нужно издавать законы, но не для министерства того или другого, нѣтъ, нужно въ законѣ сформулировать ясно и опредѣленно, чего мы хотимъ, и въ этомъ видѣ представить тѣмъ, которые послали насъ сюда, дать имъ усвоить, что мы за нихъ боремся» (592),— слова, которыя не мѣшало бы помнить людямъ, которые передъ второй Думой отрицали всякое значеніе за законодательной дѣятельностью Государственной Думы. Слѣдовало, значитъ, усилить законодательную дѣятельность Думы. Партія народной свободы уже изготавливала разнообразные законопроэкты о свободахъ, но однако, можетъ быть, слѣдовало дополнить ея дѣятельность, слѣдовало нажать рычагъ, чтобы ускорить работу: когда Дума торопилась, законопроэкты выходили изъ ея обсужденія очень быстро, какъ напр. въ дѣлѣ отмѣны смертной казни, или ассигнованіи 15 милліоновъ на голодающихъ. Какъ разъ этотъ пунктъ однако былъ самымъ слабымъ въ дѣятельности трудовой группы. Законопроэктовъ она не изготовила ни одного. Единственнымъ памятникомъ ея творчества осталась записка 104, внесенная въ комиссію по аграрному вопросу въ качествѣ матеріала. «Проэктъ основного аграрнаго закона» былъ внесенъ группою черезъ мѣсяцъ послѣ записки 42 членовъ К.-Д. партіи, тогда когда обсужденіе аграрнаго вопроса было уже закончено, и когда приходилось или провести и сдать проэктъ въ комиссію безъ преній или открыть снова всѣхъ уже утомившія пренія по аграрному вопросу, что никакъ не ускорило бы работы. Дума предпочла отвергнуть безъ преній проэктъ, основнымъ положеніямъ котораго большинство совершенно не сочувствовало. Проф. Локоть разсказываетъ, что Т. Г. готовила еще проэктъ реформы земскаго самоуправленія (П. Дума 188), но проэктъ этотъ остался неизвѣстенъ. Неудачное и не-

разработанное предложеніе объ учрежденіи мѣстныхъ комитетовъ спеціально для аграрнаго вопроса мы уже разбирали съ принципіальной стороны. Надо прибавить, что оно произвело еще то невыгодное для Т. Г. впечатлѣніе, что въ немъ заключался замаскированный походъ противъ самой Думы.

При обсужденіи вопроса 26 мая у деп. Аладьина вырвались слова, которыя указывали на заднюю мысль проэкта: „Мы хотимъ, чтобы на мѣстахъ появились не сотни, а тысячи Думъ и чтобы тамъ такъ же свободно, какъ и здѣсь, люди могли обсуждать тѣ вопросы, которые прежде всего интересуютъ ихъ... При такихъ условіяхъ нѣкоторые термины въ родѣ, напр., «справедливая оцѣнка» едва ли войдутъ въ будущіе законопроэкты... Оцѣнки, которую нужно по справедливости дать,—ни я, ни тѣ тысячи Думъ, которыя мы хотимъ вызвать, никогда не примутъ, потому что справедливости въ оцѣнкѣ никогда быть не можетъ. Оцѣнка—терминъ рынка и нормируется рыночными условіями. Справедливость—терминъ моральный и ничего общаго съ рынкомъ не имѣетъ» (683). А нѣсколькими фразами далѣе онъ признавался: «Не смотря на то, что на нашей сторонѣ сильные аргументы... въ спорѣ на голоса во всякомъ случаѣ побѣдить мы не можемъ», а затѣмъ слѣдовало заявленіе объ отказѣ отъ неотложности этого проэкта.

Нельзя было яснѣе выразить основной мотивъ Т. Г. по отношенію къ Г. Думѣ. Такъ какъ въ Думѣ она оказалась въ меньшинствѣ, то нужно было создать иные органы, которые были бы въ ея распоряженіи и не допустили бы Думу рѣшить вопросъ, вопреки волѣ трудовой группы. Не говоря уже про путаницу понятій моральной абсолютной справедливости и относительной, юридической, какъ будто онъ не слыхалъ, напр., о fair rent въ программѣ ирландскихъ народниковъ, категорическое заявленіе, что онъ, депутатъ Аладьинъ, не приметъ справедливой оцѣнки, могло быть сравнено по тону и духу только съ горемыкинскимъ «недопустимо», и хотя деп. Аладьинъ ссылался на мнѣніе будущихъ тысячъ мѣстныхъ думъ въ подкрѣпленіе своего, но таково же было обыкновеніе и представителей стараго порядка, увѣрявшихъ безъ повѣрки, что на ихъ сторонѣ весь народъ за исключеніемъ небольшой кучки.

Выходило такъ, что трудовая группа по принужденіи обстоятельствъ принимала участіе въ Г. Думѣ, но сама подкапывала ея фундаментъ. Она присвоивала себѣ привиллегію одна говорить отъ имени народа въ отличіе отъ всѣхъ другихъ партій въ Думѣ, и ссылалась на безобразный избирательный законъ, который не далъ народу надлежащаго представительства. Между тѣмъ этотъ самый законъ, не смотря на всѣ его старанія фальсифицировать представительство, далъ въ большинствѣ губерній перевѣсъ выборщикамъ крестьянамъ, пославшимъ въ Думу третью часть членовъ чистыхъ пахарей, и имъ были обязаны избраніемъ депутаты какъ трудовой, такъ и другихъ партій, да и въ городахъ, гдѣ большею частью прошли кадеты, составъ избирателей по закону 11 декабря былъ достаточно демократиченъ, чтобы избранный депутатъ считалъ себя представителемъ не привиллегированныхъ сословій, а народа. Оспаривать у Думы право представлять русскій народъ значило вообще отрицать ее совершенно, а при данныхъ обстоятельствахъ еще играть на руку министерству, которое ничего такъ не желало, какъ доказать, что Дума—не истинно-народное представительство, хотя и понимало это послѣднее въ совсѣмъ иномъ смыслѣ, чѣмъ деп. Аладьинъ.

Однимъ изъ недостатковъ Думы было чрезмѣрное обиліе рѣчей, и трудовики, желавшіе придать больше энергіи Думѣ, хотя бы при обсужденіи чужихъ законопроэктовъ, могли бы принести ту пользу, что придали бы преніямъ быстроту, сжатость и дѣловитость, которая могла бы усилить впечатлѣніе думской силы. Но какъ разъ они отняли больше всего времени у Думы безконечными повтореніями однихъ и тѣхъ же общихъ мѣстъ, жалобъ и призывовъ къ борьбѣ и т. п., какъ будто въ этомъ видѣли какую-то борьбу и придавали значеніе именно количеству протестовъ, а не обдуманной наступательной тактикѣ. Иногда слышались отзвуки убѣжденія крайнихъ лѣвыхъ, что Дума сама по себѣ ничто, что все дѣло въ самочинной дѣятельности народа, что нужно обратиться къ народу. Но въ тотъ моментъ, когда дѣйствительно пришлось обратиться къ народу уже послѣ роспуска Думы, трудовики оказались неподготовленными хуже кадетовъ. А эта партія, которая вообще не вѣрила въ успѣхъ чисто парламентской

борьбы, имѣла меньше извиненій, чѣмъ кадеты, тѣмъ болѣе, что въ самой трудовой группѣ вопросъ, что дѣлать въ случаѣ роспуска Думы, поднимался еще въ маѣ, и лидеры отвѣчали на него, что роспуска пока не предвидится: въ ведро изба не каплетъ, а когда сразу захватилъ дождь, крыть было поздно.

Повторяя все одни и тѣ же обличенія, трудовая группа очевидно сознавала, что впечатлѣніе отъ повторенія блѣднѣетъ и нужно было усиливать воздѣйствіе на министерство, но усиленіе это она произвела чисто механически,—отъ словъ перешла къ крику. Крикъ тоже не увѣнчался успѣхомъ, потому что не встрѣтилъ полной поддержки даже въ самой группѣ, а вести упорную обструкцію, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, трудовики не рѣшились очевидно, чтобы не возстановить противъ себя остальную Думу. Послѣ случая съ Сѣдельниковымъ, деп. Аладьинъ перешелъ на прямыя угрозы министрамъ физическимъ насиліемъ въ стѣнахъ Думы въ случаѣ повторенія избіенія депутата. Набоковъ и Черносвитовъ протестовали противъ этой выходки, что проф. Локоть счелъ неумѣстной благовоспитанностью кадетовъ (Первая Дума, 269), какъ будто бываютъ моменты, когда человѣкъ вправѣ скидывать съ себя воспитанность и какъ будто для законодателя былъ допустимъ способъ воздѣйствія на своихъ противниковъ при помощи угрозъ. Если избіеніе депутата вызвало негодованіе среди членовъ Думы, то тѣмъ менѣе могли они сами унизиться до уровня грубыхъ городовыхъ.

Этотъ послѣдній инцидентъ былъ лишней трещиной въ отношеніяхъ обѣихъ партій и дѣйствительно здѣсь разладъ былъ глубже, чѣмъ разногласіе въ программѣ или споръ изъ-за тактики, здѣсь была разница привычекъ и міровоззрѣнія,—разница культурности, чтобы уже назвать вещь ея настоящимъ именемъ. Ради чести и работоспособности перваго русскаго парламента нужно было подобныя выходки останавливать во время, не давать расходиться нервному возбужденію, но это и вызывало въ части трудовой группы враждебное отношеніе къ кадетамъ: сердила эта щепетильная корректность, которая, казалось, мѣшаетъ Думѣ показать зубы министерству, вызывала досаду кадетская дисциплина, которая не давала проходить предложеніямъ и поправкамъ,

не одобреннымъ К.-Д. партіей, какъ будто дисциплина была какой-то монополіей ея, а не всякой партіи, которая сумѣетъ добиться ея среди своихъ членовъ. Но добиться Т. Г. этого не удавалось, и наоборотъ она расшатывалась съ теченіемъ времени. Прибытіе соціалъ-демократовъ съ Кавказа оторвало отъ нея хоть небольшую, но сплоченную группу, которая иногда, напр. въ ночь 6 іюля, шла врозь съ нею при голосованіи. Другіе члены тоже во многомъ не одобряли тактики своего комитета. Проф. Локоть ссылается на то, что подобное происходило и въ К.-Д. партіи. Мы уже выше разсказали, въ чемъ было дѣло, но все разногласіе, сводившееся къ оттѣнкамъ, не доходило до отпаденія отъ партіи. Утвержденіе проф. Локотя, будто Т. Г. привлекала къ себѣ «истинно-демократическіе элементы» отъ К.-Д. партіи, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо изъ записавшихся въ К.-Д. перешелъ къ трудовикамъ одинъ только деп. Галецкій; почему онъ оказывался истинно-демократическимъ человѣкомъ, а напр. крестьяне по происхожденію Садыринъ и Быстровъ (Вятской и Петербургской губ.)—пѣтъ, это уже объяснимо только крайней партійностью, которая одна могла произвести на свѣтъ самый терминъ «истинно-демократическій», столь похожій по духу и созвучію на терминъ «истинно-русскій» въ отличіе отъ всѣхъ неистинныхъ, то есть непризнанныхъ въ этомъ званіи извѣстной партіей.

Нельзя не отмѣтить, что иногда лидеры вели борьбу съ кадетами не совсѣмъ позволительными пріемами. Что они внушали подвѣдомственнымъ имъ крестьянамъ, что кадеты «господа», это было въ порядкѣ вещей. Но иногда дѣлались выпады противъ партіи съ обвиненіями натянутыми или прямо вымышленными. Уже при обсужденіи адреса, въ которомъ было упомянуто о всеобщемъ голосованіи, но не прибавлено «прямое, равное и тайное», трудовики увидали въ этомъ измѣну кадетовъ и забили тревогу, какъ будто совершился государственный переворотъ. Аникинъ называлъ пропускъ этихъ трехъ словъ преступнымъ и умышленнымъ, а деп. Заболотный взывалъ, что дѣло народа находится въ страшной опасности (143), какъ будто уже составлялся законопроэктъ съ цѣлью лишить народъ всѣхъ его правъ,

а не простой адресъ съ выраженіемъ *общихъ* пожеланій Думы. Въ аграрномъ вопросѣ допущена была въ органахъ партіи еще болѣе грубая передержка, именно: появилось утвержденіе, что въ комиссіи 33, составлявшей проэктъ отвѣтнаго адреса, первоначально предполагалось сказать о земельной реформѣ очень глухо и затѣмъ только по настоянію трудовиковъ было включено принудительное отчужденіе. Это извѣстіе было опровергнуто въ печати членами самой комиссіи и тѣмъ не менѣе «Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ» продолжали это повторять и даже теперь г. Локоть въ своихъ воспоминаніяхъ о Думѣ постарался увѣковѣчить эту ошибку.

Трудовая группа не отдавала себѣ отчета ни въ своихъ силахъ, ни въ средствахъ, какими Дума могла служить народу. Насмѣхаясь надъ кадетскимъ страхомъ конфликта съ министерствомъ, она была готова пойти на этотъ конфликтъ по всякому поводу, не учитывая, что изъ этого выйдетъ, и ожидая совсѣмъ иного отношенія къ нему народа, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности. Требуя рѣзкой политики по отношенію къ министерству, она не провѣрила перваго и главнаго вопроса, можетъ ли Дума настоять на своихъ требованіяхъ немедленно, и опытъ первыхъ дней Думы не научилъ ее быть осторожнѣе. Политика группы была лишена планомѣрности, двигалась толчками подъ вліяніемъ событій минуты и больше, чѣмъ кадетская, вращалось въ области порядка дня. Ей еще больше, чѣмъ К.-Д. партіи, нужно было учиться государственному дѣлу, а между тѣмъ у нея не только была увѣренность, что она одна только стоитъ на правильной дорогѣ, но нежеланіе другихъ итти этимъ же путемъ встрѣчалось ею какъ доказательство трусости или недобросовѣстности. Имѣя въ странѣ значеніе исключительно благодаря существованію Думы, трудовики не придавали должнаго значенія этой самой Думѣ и не поняли отношенія къ ней народа. Извѣстныя группы лицъ слишкомъ преобладали въ ней надъ остальными, а сами въ свою очередь слишкомъ подчинялись партійнымъ взглядамъ, расходясь иногда въ воззрѣніяхъ съ народомъ, не смотря на свой «истинный демократизмъ».

Мы однако не хотимъ предавать трудовую группу полному осужденію, или признать въ ней причину гибели Думы: не рѣчи Аладьина руководили Думой, обращеніе къ народу не трудовикамъ было обязано своимъ изданіемъ, и если бы не оно, то нашлось бы конечно что-нибудь другое, чтобы мотивировать роспускъ Думы. Трудовая группа сыграла свою роль, какъ объединитель и агитаторъ крестьянства, думскую же работу трудовая группа безусловно оживила, потому что если бы всѣ избранные подъ флагомъ народной свободы члены остались въ тѣсномъ единеніи съ партіей, то у нея совсѣмъ почти не нашлось бы противника въ Думѣ, и вопросы не могли бы получить полнаго освѣщенія, а работы Думы не имѣли бы того поучительнаго политически-воспитательнаго характера, какъ теперь. Трудовая группа не принесла той пользы, на какую способна была вообще «лѣвая» парламента, потому что изъ нея искусственно отчасти по своей ошибочной тактикѣ, отчасти благодаря мѣрамъ администраціи, были устранены наиболѣе подготовленные политическіе дѣятели. И отношенія съ К.-Д. партіей не принимали бы временами такого остраго характера, если бы лидеры Т. Г. стояли по своимъ знаніямъ и общественному уровню ближе къ кадетамъ. Статистика показала, что средній возрастъ трудовика былъ лѣтъ на 5 меньше кадета,—и это чувствовалось во всѣхъ сношеніяхъ. У трудовиковъ была къ кадетамъ непріязнь ученика къ гувернеру, кадетамъ же было иногда трудно понять психологію трудовика. То стихійно-революціонное настроеніе, которое было если не во всей группѣ, то въ руководящей части ея, настроеніе, которымъ г. Локоть почти хвалится, было на самомъ дѣлѣ причиной слабости тактики группы въ Думѣ, гдѣ требовалась не стихійная порывистость дѣйствій, не приливы чувствъ, а трезвая обдуманная медленная борьба и работа. Будучи сами только продуктомъ извѣстнаго настроенія народа, они не могли вести впередъ народъ, а только служили отголоскомъ его настроенія, не дѣлали революцію, какъ сами думали, а были выкинуты ею на поверхность.

Въ томъ почти хаотичномъ состояніи, въ какомъ трудовая группа была втеченіи сессіи первой Государственной Думы, она не могла сдѣлать большаго, но самое это со-

стояніе было плодомъ неподготовленности народа къ представительству. Надо ожидать, что въ слѣдующей Думѣ такой трудовой группы уже не будетъ: партіи разслоятся вполнѣ, а членовъ неопредѣленныхъ и колеблющихся въ Думѣ будетъ меньше.

Соціалъ-демократія выдѣлилась поздно изъ трудовой группы, развить своей дѣятельности не успѣла; объ отдѣльныхъ ея выступленіяхъ мы уже говорили. Выдѣленіе ея было, какъ симптомъ, не благопріятно для трудовой группы. Можно было думать, что общее руководство обѣими фракціями перейдетъ къ соціалъ-демократамъ, какъ самой непримиримой оппозиціи; этого не случилось, потому что главари с.-д.—кавказцы— были слишкомъ чужды рядовымъ трудовикамъ, ихъ доктрина слишкомъ темна и мало привлекательна для крестьянъ, да и старый штабъ Т. Г. не имѣлъ основанія слагать власть передъ пріѣзжими. Въ отдѣльности же соціалъ-демократы были слишкомъ слабы, чтобы сколько-нибудь повліять на работу въ Думѣ, и ограничились однѣми манифестаціями своихъ убѣжденій.

XI.

Правые въ Думѣ.

Отличительная черта первой Думы та, что въ ней не было министерской партіи, не было правой. Когда опубликовывались результаты выборовъ по губерніямъ, то, помнится, союзниковъ 17 октября насчитывалось по всей Россіи человѣкъ 50. Куда они всѣ дѣлись, совершенно непонятно, но Союзъ 17 октября растаялъ въ Думѣ, какъ снѣгъ въ водѣ. Все, что сидѣло на правой сторонѣ, было разнокалиберно, разрозненно, а главное безмолвно. Гр. Гейденъ, М. А. Стаховичъ и кн. Волхонскій играли роль оппозиціи справа думскому большинству. Кн. Волхонскій никакимъ успѣхомъ не пользовался, М. Стаховичъ выступилъ нѣсколько разъ съ эффектными рѣчами, вліянія не пріобрѣлъ, да повидимому и не стремился къ непосредственному результату. Въ правой партіи онъ игралъ такую же роль, какъ Родичевъ у кадетовъ и Аладьинъ у трудовиковъ. Одинъ гр. Гейденъ съ неутомимымъ постоянствомъ взбирался на кафедру по всякому поводу, вносилъ поправки, протестовалъ противъ увлеченій и проч., словомъ принималъ близкое и живое участіе въ работахъ Думы, и Думу безъ гр. Гейдена трудно было бы себѣ теперь представить. Всѣ остальные члены правой если и выступали, то такъ рѣдко, что совершенно не шли въ счетъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда поражали курьезами, каковы напр. защита смертной казни депутатомъ Способнымъ или глупая насмѣшка надъ Думой истинно-русскаго отца Кунцевича, предложившаго упразднить имя Россіи. При подсчетѣ голосовъ правой то же не было замѣтно: когда гр. Гейденъ выразилъ несогласіе съ нѣкоторыми положеніями адреса,—выходка, удивившая многихъ со

стороны гр. Г. послѣ его же заявленія о солидарности правой почти со всѣми частями адреса (137) — къ протесту противъ адреса присоединилось всего семь лицъ. Когда М. Стаховичъ отказался 13 мая голосовать за формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ депутата Жилкина съ выраженіемъ недовѣрія министерству и заявленіемъ необходимости его отставки, съ М. Стаховичемъ встало всего 10 человѣкъ.

Такимъ образомъ въ нашей Думѣ не было ничего подобнаго той правой, которая во время революціи 1789 г. засѣдала въ первомъ французскомъ парламентѣ, боролась за старый порядокъ, шумѣла и тормазила работу Національнаго собранія. Въ нашей Думѣ за старый порядокъ не боролся рѣшительно никто, онъ какъ-то весь сразу рухнулъ въ общественномъ мнѣніи и не нашлось никого, чтобы даже прочесть ему сочувственную отходную. Тѣ, кто шелъ врозь съ думскимъ большинствомъ, старался тщательно оговорить, что онъ не поддерживаетъ правительства, единственныя замѣтныя силы вправо отъ кадетовъ были тѣ, кто составилъ партію Мирнаго Обновленія, которая теперь послѣ новаго опыта полугодового безотвѣтственнаго министерства возвращается въ новую Думу болѣе оппозиціонною, чѣмъ была въ первой Думѣ.

Сознаніе ли своего безсилія угнетало правую, или общій ходъ событій сбилъ ее, но она не проявила своей дѣятельности именно тѣмъ, чему сама придавала наибольшее значеніе: она не внесла въ Думу ни одного самостоятельнаго законопроэкта, и единственное, въ чемъ выражалась ея органическая работа, это — участіе въ обсужденіи выработанныхъ другими законопроэктовъ.

Однако правая конституціонная партія имѣла въ Думѣ одного союзника, на котораго слишкомъ поздно обратила вниманіе, потому что слишкомъ неожиданъ былъ такой союзъ,— это польская національная группа. Въ послѣднее историческое засѣданіе Думы 6 іюля обнаружилось сродство этихъ двухъ группъ, которыхъ казалось такъ глубоко разъединялъ вопросъ объ автономіи Польши: какъ разъ на этомъ вопросѣ произошелъ году тому назадъ расколъ на земскомъ съѣздѣ между правой и лѣвой (кадетской) половиной его.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности анализировать составъ польскаго кола и причины, объясняющія побѣду въ Польшѣ партіи народовцевъ, мы можемъ только отмѣтить, что въ нихъ обращала на себя вниманіе, во-первыхъ, рѣзкая національная обособленность, во-вторыхъ, «правость» направленія по крайней мѣрѣ въ области соціальныхъ вопросовъ. Изъ всѣхъ думскихъ партій за исключеніемъ К.-Д. польское коло представляло наиболѣе сплоченную дисциплинированную партію, заслужившую сомнительную честь комплиментовъ отъ «Новаго Времени» за свою культурность. Несомнѣнно, что партія дѣлала впечатлѣніе западноевропейской; національная программа до такой степени спаивала ее, что въ ней сидѣли рядомъ помѣщикъ и крестьянинъ къ великому негодованію и недоумѣнію трудовиковъ, не могшихъ понять, какъ можетъ національное чувство парализовать классовый антагонизмъ.

Но этотъ же націонализмъ былъ слабой стороной партіи. Мы не позволимъ себѣ бросить упрека представителямъ польскаго народа въ національной исключительности: цѣлое столѣтіе несчастій и угнетенія слишкомъ достаточно объясняютъ обостренное до крайности національное чувство, оправдываютъ отчужденіе и недовѣрчивость по отношенію къ господствующей народности. И однако это отчужденіе все-таки было ошибкой, ибо не соотвѣтствовало правильно понятымъ интересамъ самого польскаго народа. Исторія достаточно должна была показать ему, что его судьба зависитъ отъ судьбы русскаго народа, что польское дѣло погласщается и разрѣшается общерусскимъ дѣломъ. Стремленіе на каждомъ шагу подчеркивать свою обособленность, открытое выраженіе желанія служить своему польскому народу независимо отъ направленія, какое примутъ русскія дѣла, все это расхолаживало, отталкивало и—если позволено будетъ употребить нѣсколько рѣзкое слово—было не тактичнымъ въ тотъ трагическій моментъ, какой переживалъ русскій народъ съ своей Государственной Думой.

Консерватизмъ воззрѣній польскаго кола по сравненію съ кадетской партіей заставилъ обратить на него благосклонное вниманіе даже правительства и, проживись Дума дольше, можетъ быть мы были бы свидѣтелями поразитель-

наго явленія—попытки русскаго бюрократическаго министерства опереться на польское коло. Если во вторую Думу вернутся представители той же партіи, возможно, что мы еще увидимъ тамъ это зрѣлище,—и пусть тогда польскіе депутаты не забываютъ, что, предавая интересы своего обширнаго отечества—Россіи за временную выгоду своего мѣстнаго—Польскаго края, они рисковали бы погубить и то, и другое. Переговоры, которые затѣялъ съ представителями Польши г. Столыпинъ почти на другой день послѣ разгона Думы, неспособны внушить довѣрія, а система покупки частными уступками голосовъ отдѣльныхъ группъ достаточно извѣстна изъ опыта европейскихъ парламентовъ, чтобы оправдать подозрительность.

Польское коло прошло какъ-то незамѣтно въ жизни Думы за шумомъ борьбы съ министерствомъ; не то, чтобы поляки сторонились этой борьбы, но какъ-то не вошли въ общее теченіе, чувствовалось именно, что это сидятъ не свои, а чужіе.

Послѣ роспуска Думы депутаты встрѣтились съ своими товарищами отъ Польши еще разъ въ Выборгѣ и тамъ пути ихъ еще больше разошлись. Разсказывали потомъ, что поляки, вернувшись на родину, высказывали жалобы на невниманіе, съ какимъ отнеслись къ нимъ въ Думѣ, но не совсѣмъ понятно, чѣмъ они остались недовольны. Дума была поглощена борьбой съ бюрократіей, и кажется незачѣмъ было разъяснять, насколько Польша наравнѣ съ Россіей была заинтересована въ побѣдѣ народнаго представительства. Не заходило рѣчи объ автономіи Польши, это правда, но Дума не успѣла многаго: вѣдь нетронутыми остались даже такія вещи, какъ проэктъ закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ, о реформѣ мѣстнаго самоуправленія, отодвинутые на второй планъ законами о свободахъ, ибо безъ свободы печати, собраній, безъ неприкосновенности личности невозможны ни автономія, ни самоуправленіе, ни правильное дѣйствіе всеобщаго избирательнаго права.

Врядъ ли товарищамъ—полякамъ нужна была только отвлеченная резолюція въ пользу автономіи: въ сочувствіи принципу автономіи нельзя было сомнѣваться никому, кто зналъ составъ Думы, а практическаго значенія такая резолю-

ція не имѣла бы никакого. Если имъ нуженъ былъ конкретный законопроэктъ, то почему же они не внесли подобнаго, вѣдь кто же, кромѣ нихъ, могъ его выработать? Пусть бы даже онъ, какъ и нѣкоторые другіе законопроэкты, откладывался до того времени, когда разгонъ Думы пріостановилъ всѣ законодательныя работы. По крайней мѣрѣ остался бы матеріалъ для будущей Думы, изъ области общихъ фразъ вопросъ объ автономіи перешелъ бы на конкретную почву.

Такимъ образомъ вся тактика представителей польскаго народа была ошибочна, былъ пропущенъ первый драгоцѣнный случай, когда на равной ногѣ могли сойтись два народа, которые по велѣніямъ исторіи и своего правительства до сихъ поръ ненавидѣли другъ друга, почти не будучи знакомы. Будемъ надѣяться, что вторая Дума сослужитъ болѣе существенную службу дѣлу сближенія обоихъ братьевъ.

«Союзъ автономистовъ» былъ тѣмъ мостомъ, который могъ связать польское коло съ остальнымъ русскимъ представительствомъ, но партіей этотъ союзъ не былъ никогда. Онъ задался спеціальной цѣлью пропагандировать идею автономіи и широкаго самоуправленія съ федералистическимъ идеаломъ въ концѣ. Съ одной стороны онъ соединялъ въ себѣ представителей разныхъ партій, потому что трудовикъ и кадетъ могъ состоять въ союзѣ, не выходя изъ своей партіи, и могъ въ обѣихъ играть крупную роль, какъ напр. депутатъ Ледницкій. Но съ другой стороны союзъ ограничивался только одной задачей, привлекавшей къ нему сочувствующихъ не только изъ депутатовъ окраинъ, но и изъ центра. Когда группа людей обнимаетъ слишкомъ разнородные элементы, она обрекается на безсиліе, ибо не можетъ добиться дружнаго и энергичнаго дѣйствія. Въ союзѣ, правда, кромѣ вопроса объ автономіи, было и еще нѣчто, что объединяло членовъ союза,—отношеніе къ аграрному вопросу, ибо западный край былъ за принципъ частной собственности на землю, и западники боялись, что Дума, подчиняясь вліянію соціальныхъ теорій, начнетъ всю Россію перекраивать по шаблону восточно-русской общины. Напуганные суровыми мѣрами обрусенія, они боялись, что и государственный земельный фондъ можетъ когда-нибудь послужить для на-

саженія великорусскихъ поселеній на окраинахъ, и требовали себѣ распоряженія этимъ фондомъ. Въ населеніи окраинъ встрѣтили бы наибольшее сопротивленіе опыты аграрнаго переворота, если бы соціалистическія партіи когда-нибудь достигли власти. А двѣ пережитыя въ XIX вѣкѣ революціи дѣлали западниковъ болѣе осторожными и въ политической тактикѣ; при рѣшительномъ кризисѣ они могли сыграть сдерживающую роль, и потому въ Думѣ ихъ приходится помѣстить на правой, а не на лѣвой сторонѣ ея.

XII.

Заключеніе.

Краткая и бурная жизнь Государственной Думы завершилась неожиданной кончиной и теперь для нея наступилъ судъ исторіи. Въ первомъ опытѣ нашего народнаго представительства было можетъ быть много незрѣлаго, горячаго, лишняго. Вѣроятно, впослѣдствіи съ улыбкой снисхожденія будутъ говорить о дѣтскихъ иллюзіяхъ этого перваго представительства, но—какъ намъ кажется—никогда не будутъ оспаривать его основного качества,—искренняго служенія родинѣ. Какъ бы ни судили съ партійной точки зрѣнія о постановленіяхъ Думы, нельзя не признать, что въ каждомъ шагѣ своемъ она руководилась желаніемъ вывести страну изъ невыносимаго кризиса и вывести мирнымъ законодательнымъ путемъ. Что бы ни говорили про нее клеветники, она строго держалась тѣхъ законныхъ рамокъ, которыя были ей поставлены, но не по буквѣ, а по духу понимала и права, данныя ей манифестомъ 17 октября, и обязанность, возложенную на нее народомъ. По мѣрѣ разумѣнія она исполнила свой долгъ, и только напряженіе всѣхъ силъ реакціи не дало ей добиться свободы и правды, за которыми послала ее страна.

Добросовѣстные противники и справа, и слѣва теперь готовы признать заслуги Государственной Думы перваго созыва и чѣмъ дальше, тѣмъ безспорнѣе будетъ роль, какую она сыграла, тѣмъ яснѣе та борозда, какую она провела на нивѣ освободительнаго движенія.

Но таково сужденіе по общепринятой мѣркѣ. Къ Государственной Думѣ, родившейся среди революціи, ставшей въ бурю у кормила, призванной къ великому служенію, и

требованія могутъ быть предъявлены великія. Она исполнила свой долгъ, но она должна была, быть можетъ, сдѣлать больше, чѣмъ долгъ. Она пала жертвой обстоятельствъ, но не обязана ли она была покорить себѣ обстоятельства? Она сыграла извѣстную роль, но ей слѣдовало сыграть рѣшающую роль. Этой великой провиденціальной миссіи она не выполнила.

Долженъ ли человѣкъ оправдываться въ томъ, что онъ не великій, можетъ ли цѣлое собраніе удовлетворить столь высокимъ требованіямъ? Безъ ложнаго стыда и обиды, но съ горькимъ чувствомъ безсилія слѣдуетъ признать, что Думѣ дѣйствительно была не по росту та колоссальная задача, которая выпала ей на долю.

Всѣ отдѣльныя ошибки, большею частью второстепенныя, какія были сдѣланы Думою, могли быть исправлены, шероховатости сгладились бы, движеніе противъ безплодныхъ рѣчей и въ пользу энергичной практической политики становилось въ Думѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и у трудовиковъ, и у кадетовъ. На этой почвѣ возможно было сближеніе между этими партіями, новое сплоченіе оппозиціи. Можетъ быть дальнѣйшая сессія была бы непохожа на первую половину ея. Но несомнѣнно, что одинъ недостатокъ былъ неустранимъ и всегда пригнеталъ бы Думу, не далъ бы ей развернуть крыльевъ. Дума отличалась высокимъ среднимъ уровнемъ депутатовъ, но въ ней не было такой выдающейся личности, которая могла бы группировать вокругъ себя остальныхъ. Для историческаго момента нужна была широта и смѣлость, какая дается только геніямъ: генія не хватало Думѣ, и посреди потока умныхъ и благородныхъ рѣчей никто не нашелся сказать слово, которое зажгло бы сердца.

Съ перваго шага, съ составленія адреса,—этого обдуманнаго, корректнаго, но сухого протокола народныхъ нуждъ и требованій чуткимъ наблюдателямъ бросилась въ глаза эта особенность. При внесеніи въ Думу проэкта отвѣтнаго адреса деп. Жилкинъ далъ ему безпристрастную и точную оцѣнку: «Если представить себѣ всѣ страданія измученной страны, весь ужасъ положенія крестьянства и рабочихъ, то я не знаю, скоро ли бы мы нашли и найдется ли такое слово, чтобы описать эти страданія, эти мученія... Мы не сумѣли

сказать такое слово и мы его не скажемъ... Да, мы не сказали и не скажемъ этого, но пусть намъ вѣрятъ, что мы пробовали сказать, пусть рѣчи, которыя раздаются здѣсь будутъ дополненіемъ къ тому адресу... Если онъ мало говоритъ измученному изстрадавшемуся сердцу народа, повѣрьте, что тамъ, куда онъ направленъ, тамъ никогда такого слова не слышали, тамъ онъ дѣйствительно произведетъ глубокое потрясающее впечатлѣніе» (86). И до самаго конца, не смотря на всѣ рѣчи, это слово единое и могучее не было произнесено. А въ минуту разгона конца, когда, казалось, всѣ силы должны были напрячься до высшаго предѣла, въ послѣднемъ словѣ, какое пришлось сказать представителямъ народу, поражала та же сухость, блѣдность: силы, огня хотѣлось имъ придать ему, но и здѣсь не нашлось слова, которое выразило бы всѣ чувства, поднявшіяся въ эту минуту.

Не въ однихъ словахъ конечно было дѣло: ни въ послѣдовательной кадетской тактикѣ, ни въ порывахъ протеста трудовиковъ не было той искры геніальной идеи, которая сразу разрѣшаетъ запутанное положеніе.

Не вина Думы, что въ ней не нашлось генія и не случайность его отсутствіе. Дума была такою, какою ее породило освободительное движеніе, да еще въ минуту реакціи.

Нашему освободительному движенію не предшествовалъ глубокій переворотъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ англійской революціи XVII столѣтія, ни блестящій расцвѣтъ вѣка просвѣщенія, какъ во Франціи XVIII вѣка. Оно не было первой встрѣчей съ европейской культурой, какъ наше движеніе 60-хъ годовъ. Ни въ Россіи, ни въ Европѣ нѣтъ теперь ученія, которое раздѣлялось бы безусловно всѣмъ, что есть передоваго; наше движеніе не принесло съ собой новаго слова, въ которое увѣровали бы будущія поколѣнія. Родившееся въ страданіяхъ и позорѣ безславной войны, въ нищетѣ и невѣжествѣ народа, освободительное движеніе только на минуту сблизило всѣхъ честныхъ людей сознаніемъ невыносимости положенія, но скоро, очень скоро уже общество опять раздѣлилось на партіи, и страна стала исходить кровью въ тщетныхъ потугахъ справиться съ глубоко засѣвшимъ зломъ. А рядомъ съ этой борьбой росло разочарованіе,— отчаяніе или апатія. Въ мелочной и хуже того междуусобной

борьбѣ партіи не могли подняться до той высоты, на которой развертывается геній.

Имѣя передъ глазами идеализированные образцы великихъ историческихъ революцій, намъ можетъ казаться обиднымъ отсутствіе красоты, эффектности въ русской революціи, эта честная посредственность первой Думы, и легко приписать ея заурядность «буржуазному» составу кадетской партіи. Можетъ быть иная партія, иные люди, иные классы населенія оказались бы сильнѣе, можетъ быть они еще разыграютъ великую трагедію, которая считается предназначенною судьбой для нашего поколѣнія? Можетъ быть явятся еще могучіе борцы съ огненными словами и смѣлыми дѣйствіями? Можетъ быть...

Угадать появленіе на исторической аренѣ великихъ людей мы не въ состояніи, но если судить по всей прошлой исторіи освободительнаго движенія, по психологіи настоящей минуты, нѣтъ никакихъ основаній ожидать такого поворота событій. Великій подъемъ волны схлынулъ послѣ 17 октября и нескоро можетъ опять нарости столь же сильное общественное возбужденіе. Таланты и геніи имѣли время уже проявиться въ борьбѣ послѣднихъ лѣтъ; новая великая объединяющая идея могла бы уже родиться. До сихъ поръ ея нѣтъ. Дождемся ли мы ея? Или намъ придется вращаться въ кругѣ тѣхъ же идей и противорѣчій, въ которыхъ мы бьемся такъ безнадежно? Если не расчитывать на нсожиданное наитіе, на случайное событіе, которое можетъ перевернуть весь ходъ событій, словомъ, если не вѣрить въ историческое чудо, то мы должны быть готовы къ тому, что дальше освободительное движеніе все больше пойдетъ въ сторону будничной борьбы и практической работы, попытки сыграть великую историческую драму вмѣсто будничной прозы окончатся плачевнымъ проваломъ и только повредятъ освобожденію страны.

Чѣмъ дальше двигается исторія, тѣмъ крѣпче становится организація общества, тѣмъ сложнѣе условія, отъ которыхъ она зависитъ. Поэтому всякое позднѣйшее революціонное движеніе встрѣчаетъ передъ собой болѣе трудную задачу. Тамъ, гдѣ въ прошлыхъ столѣтіяхъ было достаточно дворцоваго заговора или однодневнаго движенія, вродѣ взятія Бастиліи, теперь требуется долгая планомѣрная борьба. Фак-

торы исторіи становятся сложнѣе и взаимно переплетаются, удаленныя силы начинаютъ дѣйствовать наравнѣ съ ближайшими: разговоръ въ кабинетѣ какого-нибудь банкира можетъ оказать не меньшее вліяніе на судьбу государства, чѣмъ широкое народное движеніе... Поэтому все меньше остается мѣста для случайныхъ факторовъ и геніальныхъ удачниковъ. Подъемъ народнаго движенія, смѣлый ударъ все меньше могутъ разсчитывать на прочный успѣхъ: пошатнувшаяся старая организація не распадается отъ одного удара, и даже если на минуту приливъ революціи одолѣваетъ, старый порядокъ быстро приходитъ въ себя. Если революція расчитываетъ на сознательность и организованность народа, то и старый порядокъ теперь тоже сознательнѣе и организованнѣе, чѣмъ прежде.

Какъ въ международной войнѣ, такъ въ борьбѣ за народныя права на первомъ мѣстѣ теперь должны стоять стратегія и дипломатія, а не открытыя военныя наступленія. «Красота» исчезла изъ революціи такъ же, какъ и изъ войны, личная храбрость отошла на задній планъ передъ научной подготовкой. Постоянные призывы къ организаціи народа со стороны лѣвыхъ составляютъ шагъ впередъ въ пониманіи дѣйствительныхъ условій борьбы, но здѣсь отдѣлываются пока фразой, не анализируя ея точнаго содержанія, рисуя себѣ очень поверхностно и легко эту организацію народа.

Разъ поставлена задача организаціи 150 милліоннаго народа, то этимъ самымъ уже рѣшается вопросъ о дальнѣйшей тактикѣ: она можетъ быть только очень медлительной, сложно задуманной и осторожно проведенной въ жизнь. Не стихійный порывъ, не смѣлость той или иной партіи, не взрывъ народныхъ чувствъ, вообще не революціонная романтика рѣшитъ тяжбу народа съ правительствомъ: умъ, знаніе, выдержка, вся сила культуры и политическаго воспитанія—вотъ въ чемъ сила оппозиціи, залогъ ея побѣды, полная негодность стараго режима, нравственное и финансовое банкротство бюрократіи—вотъ въ чемъ гарантія противъ возвращенія стараго безправія. Каждый лишній день истощаетъ старый режимъ, каждый шагъ его прибавляетъ ему новыхъ враговъ. Есть двѣ вещи, безъ которыхъ никакой режимъ жить не можетъ: безъ денегъ и безъ людей. И то, и дру-

гое непрерывно убываетъ у бюрократіи, потому что траты ея на поддержаніе своего существованія безумны, а платежныя силы народа исчерпаны, и потому, что у нея нѣтъ искреннихъ убѣжденныхъ защитниковъ, а только наемники.

Если вопросъ, поставленный передъ Россіей, можетъ быть рѣшенъ народнымъ представительствомъ, оно должно продолжать ту же политику, которую вела первая Государственная Дума, устранивъ ея недостатки. Если этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ представительствомъ, то движеніе пойдетъ вглубь на цѣлые годы, потому что организація народа, которая ставится какъ очередная достижимая немедленно задача, въ огромной странѣ потребуетъ долгой подготовки. Не дѣлая себѣ фетиша изъ народнаго представительства, мы должны признать, что это все-таки самый разумный легкій и безболѣзненный способъ разрѣшенія конфликта. Все, что могутъ предложить вмѣсто него, только съ виду доступнѣе народу: простота активныхъ пріемовъ борьбы вытекаетъ изъ устарѣлаго воззрѣнія на ходъ событій, но жизненный опытъ жестокими уроками учитъ, что время революціоннаго героическаго эпоса миновало.

Для нормальной государственной жизни мы уже всѣ признали превосходство гражданскихъ доблестей надъ военными, признаемъ же теперь преимущество парламентской тактики передъ активными дѣйствіями, и пожелаемъ второй Государственной Думѣ больше счастья и успѣха, чѣмъ выпало на долю первой.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прил. 1.

Тронная рѣчь Государя Императора Государственному Совѣту и Государственной Думѣ.

(Произнесена въ Зимнемъ Дворцѣ 27 апрѣля 1906 года.)

„Всевышнимъ Промысломъ врученное мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердою увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе Отечеству для выясненія нуждъ столь близко Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свабода, необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа.

Богъ въ помощь мнѣ и Вамъ“.

Прил. 2.
(239—241).

Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь.

(Принятъ Госуд. Думою 5 мая).

Ваше Императорское Величество!

Вашему Величеству благоугодно было въ рѣчи обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять непоколебимыми установленія, коими народъ призванъ осуществлять законодательную власть въ единеніи со своимъ Монархомъ. Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ обѣщаніи Монарха, данномъ народу, прочный залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ. Государственная Дума, съ своей стороны, приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ членовъ Государственной Думы. Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

Но Государственная Дума пріемлетъ долгъ указать, что условія, въ которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны.

Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа. И охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самаго народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ манифестѣ 17-го октября 1905 г. возвѣстить съ высоты престола твердую рѣшимость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія судебъ земли русской. И весь народъ единодушнымъ кликомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

Однако, уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая

народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго манифеста 17-го октября, покрылъ страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній.

И слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь именемъ Вашего Императорскаго Величества, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ, и сообразно съ этимъ не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы.

Государь! Только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на министерство можетъ укоренить въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы. Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ—усиленной и чрезвычайной охранъ и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

Рядомъ съ укорененіемъ начала отвѣтственности администраціи передъ избранниками народа, для плодотворной дѣятельности Государственной Думы необходимо опредѣленное проведеніе основного начала истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между верховною властью и народомъ должны быть устранены. Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ Монархомъ. Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, когда установленіе и взиманіе налоговъ и податей будетъ подчинено волѣ народнаго представительства и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства. Государственная Дума считаетъ также несовмѣстнымъ съ жизненными интересами народа, чтобы какой-либо законопроэктъ, налагающій денежныя тягости на населеніе, разъ онъ принятъ Думой, подлежалъ измѣненію со стороны учрежденія, не представляющаго собою массъ плательщиковъ налоговъ.

Въ области предстоящей законодательной дѣятельности Государственная Дума, исполняя долгъ, опредѣленно возложенный на нее народомъ, почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ—убѣжденная въ томъ, что безъ точнаго установленія и строгаго проведенія этихъ началъ, заложенныхъ уже въ манифестѣ 17 октября, никакая реформа общественныхъ отношеній неосуществима. Дума считаетъ также необходимымъ обезпечить за гражданами право обращаться съ петиціями къ народному представительству.

Государственная Дума исходитъ далѣе изъ непреклоннаго убѣжденія, что ни свобода, ни порядокъ, основанные на правѣ, не могутъ быть прочно укрѣплены безъ установленія общаго начала равенства всѣхъ безъ исключенія гражданъ передъ закономъ. И потому Государственная Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ всѣхъ гражданъ, съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привиллегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіею или поломъ. Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ.

Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны—трудовое крестьянство—съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности, путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

Государственная Дума считаетъ также необходимымъ выработать законы, утверждающіе равноправіе крестьянъ и снимающіе съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Государственная Дума признаетъ столь же неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ наемнаго труда. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно явиться обезпеченіе наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы орга-

низаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Государственная Дума сочтетъ также долгомъ употребить всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботится выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи.

Рядомъ съ этими мѣрами Дума обратитъ особое вниманіе на справедливое распредѣленіе налоговой тяготы, неправильно лежащей нынѣ на болѣе бѣдныхъ классахъ населенія, и на нѣлесообразное употребленіе государственныхъ средствъ.

Не менѣе существеннымъ законодательнымъ трудомъ явится коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія, съ привлеченіемъ къ равному участію въ послѣднемъ всего населенія на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Памятуя о тяжкомъ бремени, которое народъ несетъ въ арміи и флотѣ Вашего Величества, Государственная Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права.

Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ.

Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово—амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія.

Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь, Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ.

Прил. 3.
(321—324)

Декларація совѣта министровъ.

(Прочитана въ засѣданіи Г. Думы 13 мая).

Совѣтъ министровъ, разсмотрѣвъ переданный ему Его Величествомъ адресъ Государственной Думы на привѣтственное слово, принялъ во вниманіе, что высказанныя въ этомъ адресѣ пожеланія и предположенія касаются однѣ предметовъ законодательства, другія порядковъ государственнаго управленія. Полагая въ основу своей дѣятельности соблюденіе строгой законности и обсудивъ въ связи съ этимъ началомъ высказанныя Государственной Думой соображенія, правительство выражаетъ прежде всего готовность оказать полное содѣйствіе разработкѣ вопросовъ, возбужденныхъ Думой, которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина. Такое содѣйствіе, вполнѣ отвѣчающее обязанности правительства разъяснять Государственной Думѣ свои взгляды по существу этихъ вопросовъ и отстаивать свои предположенія по каждому изъ нихъ, оно окажетъ и въ вопросѣ объ измѣненіи избирательнаго права, хотя съ своей стороны не считаетъ этого вопроса подлежащимъ немедленному обсужденію, такъ какъ Государственная Дума только еще приступаетъ къ своей законодательной дѣятельности, а потому не успѣла выясниться еще потребность въ измѣненіи способа ея составленія. Съ особливымъ вниманіемъ относится совѣтъ министровъ къ возбужденнымъ Государственной Думой вопросамъ о незамедлительномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ сельскаго населенія и изданіи закона, утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, объ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса, о выработкѣ закона о всеобщемъ начальномъ образованіи, объ изысканіи возможныхъ способовъ къ вящему привлеченію къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія, о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ. Не меньше значенія придаетъ совѣтъ министровъ отмѣченному Думою вопросу объ изданіи новаго закона, обеспечивающаго неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова, печати, собраній и союзовъ вмѣсто дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ, замѣна коихъ правилами постоянными, выработанными во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ предусмотрѣна была при самомъ ихъ изданіи. При этомъ совѣтъ министровъ почитаетъ однако необходимымъ оговорить, что при выполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ, расчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, правительство могло предотвращать

злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству. Относительно разрѣшенія земельнаго и крестьянскаго вопроса путемъ указаннаго Думою обращенія на этотъ предметъ земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ, къ которымъ принадлежатъ и земли крестьянъ-собственниковъ, пріобрѣвшихъ ихъ покупкой, совѣтъ министровъ считаетъ обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ Думой началахъ безусловно недопустимо. Государственная власть не можетъ признавать права частной собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ; не можетъ государственная власть отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является во всемъ мірѣ, на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія, общественнаго развитія, коренным устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо самое существованіе государства. Не вызывается предположенная мѣра и существомъ дѣла. При обширныхъ и далеко неисчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ земельный вопросъ несомнѣнно можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самого основанія нашей государственной жизни и подтачиванія жизненныхъ силъ нашего отечества. Остальныя, включенныя въ адресъ Государственной Думы, предположенія законодательнаго свойства сводятся къ установленію отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ министровъ, пользующихся довѣріемъ большинства Думы, къ упраздненію Государственнаго Совѣта и устраненію установленныхъ особыми узаконеніями предѣловъ законодательной дѣятельности Государственной Думы.

На этихъ предположеніяхъ совѣтъ министровъ не считаетъ себя въ правѣ останавливаться, такъ какъ они касаются коренного измѣненія основныхъ государственныхъ законовъ, не подлежащихъ по силѣ оныхъ пересмотру по почину Государственной Думы. Наконецъ, что касается заботъ Государственной Думы объ укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права, то въ этомъ отношеніи правительство заявляетъ, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основаніяхъ. Нынѣ же заботы Державнаго Вождя вооруженныхъ силъ имперіи направлены, какъ это явствуетъ изъ послѣднихъ по сему предмету мѣропріятій, къ улучшенію матеріальнаго быта всѣхъ чиновъ арміи и флота. Изыскать средства, необходимыя для болѣе широкаго осуществленія этихъ мѣропріятій—составитъ одну изъ главныхъ задачъ государственной власти и вновь установленныхъ законодательныхъ учрежденій.

Обращаясь ко второй группѣ выраженныхъ Государственной Думой пожеланій,—объ устраненіи дѣйствія исключительныхъ законовъ и произвола отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, совѣтъ министровъ находитъ, что они относятся всецѣло къ области государственнаго управленія. Въ этой области полномочія Государственной Думы заключаются въ правѣ запроса министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, послѣдовавшихъ со стороны ихъ самихъ или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій. Независимо отъ сего водвореніе въ нашемъ отечествѣ строгой законности на началахъ порядка и права составляетъ особую заботу правительства, которое и не перестаетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ были постоянно проникнуты тѣмъ же стремленіемъ, которое отмѣчено Государственной Думой. Неудовлетворительность исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ обезпеченію порядка и спокойствія въ случаяхъ чрезвычайныхъ, сознается и самимъ правительствомъ и разработка взамѣнъ ихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ производится подлежащими вѣдомствами. Если не взирая на неудовлетворительность этихъ законовъ, дѣйствіе ихъ за послѣднее время было тѣмъ не менѣе распространяемо на многія мѣстности, то причина тому коренится исключительно въ непрекращающихся и по нынѣ повседневныхъ убійствахъ, грабежахъ и возмутительныхъ насиліяхъ. Основную обязанность государственной власти составляетъ охраненіе жизни и имущества мирныхъ обывателей. Совѣтъ министровъ въ сознаніи всей тяжести, лежащей на немъ во всѣхъ отношеніяхъ отвѣтственности передъ страной, заявляетъ, что доколѣ указанныя проявленія охватившей страну смуты не прекратятся и въ распоряженіе правительственной власти не будутъ предоставлены вновь изданные законы и дѣйствительныя средства борьбы съ беззаконіемъ и нарушеніемъ основныхъ началъ общественной и личной безопасности, правительство вынуждено будетъ и впредь ограждать ее всѣми существующими нынѣ законными способами. Общая политическая амнистія, ходатайство о коей заявлено Государственной Думой, заключающее въ себѣ помилованіе приговоренныхъ по суду, какого бы свойства ни были совершенныя ими преступныя дѣянія, составляетъ прерогативу верховной власти. Совѣтъ министровъ съ своей стороны находитъ, что общему благу не отвѣчало бы въ настоящее смутное время помилованіе участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ. Что же касается лицъ, лишенныхъ свободы въ порядкѣ административномъ, то совѣтомъ министровъ приняты мѣры къ самому тщательному пересмотру состоявшихся въ этомъ порядкѣ постановленій для освобожденія тѣхъ лицъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на нее посягательствами.

Независимо отъ приведенныхъ выше соображеній по содержанію адреса Государственной Думы, совѣтъ министровъ находитъ нужнымъ нынѣ же намѣтить въ общихъ чертахъ свои ближайшія предположенія въ области законодательства.

Сила русскаго государства зиждется прежде всего на силѣ его земледѣльческаго населенія; благосостояніе нашего отечества недостижимо, пока не обезпечены необходимыя условія успѣха и процвѣтанія земледѣльческаго труда, который составляетъ основу всей нашей экономической жизни. Почитая поэтому крестьянскій вопросъ, ввиду его всеобъемлющаго государственнаго значенія, наиболѣе важнымъ изъ подлежащихъ нынѣ разсмотрѣнію, требуются и особливая заботливость и осторожность въ изысканіи путей и способовъ для его разрѣшенія. Осторожность въ этомъ дѣлѣ необходима и во избѣжаніе рѣзкихъ потрясеній исторически своеобразно сложившагося крестьянскаго быта. Однако, по мнѣнію совѣта, послѣдовавшее преобразованіе нашего государственнаго строя, съ предоставленіемъ выборнымъ отъ крестьянскаго населенія участія въ законодательной дѣятельности, предопредѣляетъ и главныя основанія предстоящей крестьянской реформы. При этихъ условіяхъ сословная обособленность крестьянъ должна уступить мѣсто объединенію ихъ съ другими сословіями въ отношеніи гражданскаго правопорядка, управленія и суда; должны также отпасть всѣ тѣ ограниченія права собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченія исправнаго погашенія выкупного долга. Уравненіе крестьянъ въ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ прочими сословіями отнюдь не должно лишить государственную власть права и обязанности выказывать особую заботливость къ нуждамъ землевладѣльческаго крестьянства; мѣропріятія въ этой области должны быть направлены какъ къ улучшенію условій крестьянскаго земленользованія въ его существующихъ границахъ, такъ и къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельной части населенія за счетъ свободныхъ казенныхъ земель и пріобрѣтеніемъ частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка. Предстоящее въ семъ отношеніи для государства поле дѣятельности обширно и плодотворно. Подъемъ сельскохозяйственнаго промысла, находящагося нынѣ на весьма низкой ступени развитія увеличитъ размѣры производства страны и тѣмъ возвыситъ уровень общаго благосостоянія. Громадныя пространства, пригодныя для обработки земли, нынѣ пустуютъ въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи. Развитіе переселенческаго дѣла составитъ ввиду этого одну изъ первѣйшихъ заботъ совѣта министровъ. Сознавая неотложность поднятія умственнаго и нравственнаго уровня массъ населенія развитіемъ его просвѣщенія, правительство изготовляетъ, соотвѣтственно выраженнымъ по сему предмету Государственной Думой пожеланіямъ, предположенія о всеобщемъ начальномъ образованіи съ широкимъ привлеченіемъ къ дѣлу народнаго обученія общественныхъ силъ. Озабочиваясь, кромѣ того, правильной по-

становкой средняго и высшаго образованія, совѣтъ министровъ внесетъ въ ближайшемъ будущемъ на разсмотрѣніе Государственной Думы проэктъ преобразованія среднихъ школъ, открывающаго просторъ для общественнаго и частнаго въ этой области почина, а равно проэктъ реформы высшихъ учебныхъ заведеній, построенный на началахъ самоуправленія. Проникнутый убѣжденіемъ, что провозглашенныя Государемъ свободы немыслимы безъ водворенія въ странѣ истинныхъ началъ законности и порядка, совѣтъ министровъ выдвигаетъ на первую же очередь вопросъ о мѣстномъ судѣ и устройствѣ его на такихъ основаніяхъ, при коихъ достигалось бы приближеніе суда къ населенію, упрощеніе судебной организаціи, а также ускореніе и удешевленіе судебнаго производства. Одновременно съ выработаннымъ проэктомъ мѣстнаго судопроизводства совѣтъ министровъ внесетъ въ Государственную Думу проэкты измѣненія дѣйствующихъ правилъ относительно гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Проэкты эти исходятъ изъ той мысли, что сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укорениться въ населеніи только наряду съ увѣренностью въ невозможности беззаконнаго нарушенія закона не только со стороны обывателей, но и представителей власти. Стремясь за симъ къ достиженію возможно полной уравнительности въ дѣлѣ распредѣленія налоговаго бремени, совѣтъ министровъ предполагаетъ внести на уваженіе законодательной власти проэктъ о подоходномъ налогѣ, объ измѣненіи и пересмотрѣ нѣкоторыхъ видовъ косвенныхъ налоговъ. Наконецъ, въ ряду подготовленныхъ законопроэктовъ совѣтъ министровъ считаетъ нужнымъ упомянуть еще о проэктѣ преобразованія паспортнаго устава, предполагающаго отмѣну нынѣшнихъ паспортовъ и видовъ на жительство. Въ заключеніе совѣтъ министровъ считаетъ долгомъ заявить, что, сознавая первостепенное значеніе мѣръ, направленныхъ къ обновленію нашего законодательства на началахъ Высочайшаго манифеста 17 октября 1905 г., правительство вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуто убѣжденіемъ, что могущество Государства, его внѣшняя крѣпость и внутренняя сила неизмѣнно покоятся на закономѣрной, но твердой и дѣятельной исполнительной власти. Подобную власть правительство намѣрено неуклонно проявлять въ сознаніи лежащей на немъ отвѣтственности за сохраненіе общественнаго порядка передъ Монархомъ и русскимъ народомъ. Совѣтъ министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія.

Прил. 4.
(353).

Резолюція Государственной Думы

(*принята 13 мая*).

Усматривая въ выслушанномъ заявленіи предсѣдателя совѣта министровъ рѣшительное указаніе на то, что правительство совершенно не желаетъ удовлетворить народныя требованія и ожиданія земли, правъ и свободы, которыя были изложены Государственною Думою въ ея отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, и безъ удовлетворенія которыхъ невозможны спокойствіе страны и плодотворная работа народнаго представительства;

Находя, что своимъ отказомъ въ удовлетвореніи народныхъ требованій, правительство обнаруживаетъ явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа и явное нежеланіе избавить отъ новыхъ потрясеній страну, измученную нищетою, безправіемъ и продолжающимся господствомъ безнаказаннаго произвола властей, выражая передъ лицомъ страны полное недовѣріе къ безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству, и

признавая необходимѣйшимъ условіемъ умиротворенія государства и плодотворной работы народнаго представительства немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ, пользующимся довѣріемъ Государственной Думы,—

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

Прил. 5.

Правительственное сообщеніе.

Исполняя Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства, правительство внесло въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и объ измѣненіи порядка землепользованія крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ.

Сознавая, что потребности крестьянства велики и разнообразны, правительство полагаетъ, что наибольшую нужду испытываютъ малоземельные крестьяне, причемъ особенно недостаточны земельныя владѣнія тѣхъ крестьянъ, которые получили такъ называемые дарственные надѣлы. Вслѣдствіе сего, заботы государства должны быть, прежде всего, направлены къ увеличенію площади землепользованія этихъ крестьянъ.

Однако, заботы государства не должны быть обращены исключительно на малоземельныхъ крестьянъ. Крестьяне, въ достаточной мѣрѣ обезпеченные землей, вслѣдствіе малой урожайности своихъ земель, также нуждаются въ улучшеніи ихъ хозяйственнаго положенія. Неурожайность крестьянскихъ полей происходитъ по различнымъ причинамъ. Такъ, во многихъ селеніяхъ крестьянскому хозяйству наноситъ вредъ отдаленность части ихъ угодій отъ усадебной осѣдлости. Отдаленность эта порождаетъ безплодную трату времени въ переѣздахъ и переходахъ къ обрабатываемымъ полямъ и невозможность удобрять дальнія полосы, вслѣдствіе чего получаемый съ этихъ полосъ урожай совершенно ничтоженъ. Устранить этотъ существенный недостатокъ возможно посредствомъ разселенія и обмѣновъ земли. Внутренняя и внѣшняя чрезполосность надѣльныхъ земель и дробность полосъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ крестьянамъ, также чрезвычайно вредитъ крестьянскому хозяйству. Разверстать чрезполосныя земли, свести отдѣльныя полосы въ болѣе крупные участки по этому существенно важно. Наконецъ, въ обществахъ, въ которыхъ производятся передѣлы земли, наиболѣе предпріимчивые домохозяева не рѣшаются улучшать состоящіе въ ихъ пользованіи участки общинной земли, опасаясь, что при слѣдующемъ передѣлѣ участки эти будутъ отъ нихъ отобраны и переданы другимъ крестьянамъ. Для устраненія этого слѣдуетъ предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ возможность выдѣлить состоящіе въ ихъ пользованіи участки общинной земли въ свою неотъемлемую собственность.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ предположенныя правительствомъ и внесенныя имъ на разсмотрѣніе Государственной Думы мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Передать малоземельнымъ крестьянамъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ всѣ годныя для земледѣлія казенныя земли.

2) Вслѣдствіе недостаточности казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, купить для той же цѣли за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыя ими земли.

3) Продавать пріобрѣтенныя за счетъ государства земли нуждающимся въ ней малоземельнымъ крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы между цѣной, по которой земля пріобрѣтена отъ частныхъ владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ на счетъ общихъ государственныхъ средствъ.

4) Установить, что земли, передаваемыя государствомъ малоземельнымъ крестьянамъ, наравнѣ съ надѣльными землями, не могутъ быть продаваемы лицамъ другихъ сословій и что на нихъ не могутъ быть обращены взысканія частныхъ лицъ.

5) Увеличить помощь переселенцамъ какъ для переѣзда на новыя мѣста, такъ и для обзаведенія на нихъ.

6) Установить легкій порядокъ продажи крестьянами, желающими переселиться или заняться какимъ-либо не земледѣльческимъ промысломъ, принадлежащихъ имъ надѣловъ.

7) Улучшить способы землепользованія крестьянъ на принадлежащихъ имъ нынѣ земляхъ посредствомъ разселенія желающихъ устраненія чрезполосности надѣльныхъ земель и сведенія мелкихъ полосъ, находящихся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянъ, въ болѣе крупные земельные участки.

8) Признать, что въ обществахъ, которыя не производили общихъ передѣловъ земли въ теченіе 24 лѣтъ земельные участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и что слѣдовательно, передѣлы земли въ такихъ обществахъ впредь производимы быть не могутъ.

9) Въ обществахъ, производящихъ передѣлы земли, предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ право выйти изъ общества и укрѣпить за собою въ свою частную собственность участки общинной земли, сохранивъ за общиной право выкупать земельные участки выходящихъ изъ ея состава членовъ, уплативъ имъ ихъ стоимость деньгами.

10) Предоставить земельнымъ обществамъ право вполнѣ самостоятельно распоряжаться принадлежащими имъ землями, ограничивъ правительственный надзоръ наблюденіемъ за тѣмъ, что бы общества не нарушали требованій закона.

Изложенныя предположенія, подлежащія разсмотрѣнію Государственной Думы, имѣютъ въ виду земельное устройство крестьянъ на мѣстѣ ихъ родины. Кромѣ того, правительство принимаетъ мѣры и для облегченія переселенія крестьянъ въ Сибирь и степныя области Средней Азіи, гдѣ въ распоряженіи государства имѣются обширныя площади плодородной земли. Мѣры эти состоятъ

въ хозяйственномъ изслѣдованіи этихъ площадей, разбивкѣ ихъ на отдѣльные участки для отвода переселенцамъ, а также въ устройствѣ дорогъ къ такимъ участкамъ, которые нынѣ только вслѣдствіе бездорожья непригодны для заселенія.

Наконецъ, для того, чтобы не теряя времени, немедленно облегчить положеніе наиболѣе нуждающейся части крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская нужда особенно настоятельно требуетъ удовлетворенія, одновременно съ симъ учреждены особыя комиссіи изъ мѣстныхъ людей, въ составъ которыхъ войдутъ и крестьяне, выбранные на волостныхъ сходахъ. Комиссіи эти обязаны, прежде всего, выяснить, какіе именно изъ мѣстныхъ крестьянъ находятся въ наиболѣе тяжеломъ положеніи, и указать способы помочь имъ. Тѣ же комиссіи должны помогать крестьянамъ покупать черезъ крестьянскій земельный банкъ продаваемыя частными владѣльцами земли.

Вотъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ несомнѣнно можетъ быть достигнуто прочное улучшеніе благосостоянія крестьянъ.

Распространяемое среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужденіе всѣхъ частновладѣльческихъ земель, правительство признаетъ совершенно неправильнымъ.

Отчужденіе частновладѣльческихъ земель не увеличитъ крестьянскіе достатки, а, наоборотъ, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету, и даже голодъ.

Бѣдствіе это произойдетъ по слѣдующимъ причинамъ:

Всей удобной земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи имѣется 318 милліоновъ десятинъ. Изъ этого числа 109 милліоновъ десятинъ находятся въ 5 сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской и Пермской, въ которыхъ земледѣліе не прокормитъ пахаря. Вслѣдствіе долгой зимы, очень короткаго лѣта, а также неплодородія почвы, занятіе земледѣліемъ въ значительной части этихъ губерній невыгодно. Такимъ образомъ, удобныхъ земель въ Европейской Россіи надо считать 209 милліоновъ десятинъ.

Но и эта площадь не можетъ быть сполна обращена подъ земледѣліе, такъ какъ около четвертой части ея, а именно 56 милліоновъ десятинъ покрыты лѣсомъ.

Свести лѣса было бы безразсудно. Уже теперь многіе мѣстности страдаютъ у насъ отъ недостатка лѣсовъ. Лѣсъ охраняетъ источники всѣхъ русскихъ рѣкъ, лѣсъ сохраняя влагу въ почвѣ, противодѣйствуетъ засухѣ, лѣсъ предотвращаетъ образованіе овраговъ. Вырубка лѣсовъ превратила бы наше отечество въ безводную пустыню. Лѣса въ Россіи нужны и для обезпеченія насе-

ленія строительнымъ матеріаломъ и топливомъ. Наконецъ, лѣса доставляютъ населенію самые прочные заработки и притомъ преимущественно зимой, т. е. въ такое время, когда никакихъ другихъ заработковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ не существуетъ.

Такимъ образомъ земель, пригодныхъ для земледѣлія въ Европейской Россіи находится 153 милліона десятинъ. Изъ нихъ 110 милліоновъ десятинъ уже принадлежатъ крестьянамъ, а именно 91 милліонъ десятинъ надѣловъ и 19 милліоновъ, принадлежащихъ крестьянамъ на правѣ частной собственности, и только 43 милліона принадлежатъ казнѣ, удѣламъ, церквамъ, монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ некрестьянскаго сословія.

Слѣдовательно, земли, годной для земледѣлія и не состоящей нынѣ во владѣніи крестьянъ всего сорокъ три милліона десятинъ. Количество это само по себѣ громадно, но для столь же громаднаго населенія Россіи оно незначительно.

Въ самомъ дѣлѣ, крестьянъ, занимающихся земледѣліемъ, числится въ Европейской Россіи исключивъ изъ нея перечисленныя выше 5 сѣверныхъ губерній—40 милліоновъ душъ мужскаго пола. Такимъ образомъ если раздѣлить между крестьянами всѣ не находящіяся въ ихъ пользованіи земли до послѣдней десятины, что очевидно, невозможно, то и въ такомъ случаѣ на каждую душу мужскаго пола придется всего около одной добавочной десятины земли. Если же право на землю признать и за безземельными крестьянами, которые нынѣ проживаютъ въ городахъ и пожелаютъ возвратиться къ землѣ, то на душу мужскаго пола придется менѣе одной десятины земли.

Такая ничтожная прибавка, очевидно, не улучшитъ положенія крестьянъ. Придется обратиться къ тѣмъ 19 милліонамъ десятинъ, которыя куплены крестьянами въ собственность, для предоставленія ихъ другимъ земледѣльцамъ, обладающимъ меньшимъ количествомъ земли.

Но раздѣлъ земли, если бы онъ начался, не остановится на этомъ. Въ дѣлежъ, для соблюденія справедливости, поступятъ, наконецъ, и надѣльныя земли, дабы всѣ трудящіеся получили поровну, послѣдствіемъ же раздѣла всѣхъ земель между земледѣльцами по ровной части будетъ то, что ни одинъ землевладѣлецъ не будетъ имѣть права пользоваться полными четырьми десятинами земли на душу мужскаго пола. Какъ указано выше, всей земли, пригодной для земледѣлія, 153 милліона десятинъ, крестьянъ же мужскаго пола свыше 40 милліоновъ, а слѣдовательно на каждую душу мужскаго пола приходится менѣе 4-хъ десятинъ земли. Вслѣдствіе этого у всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ большимъ количествомъ земли нежели 4 десятины на мужскую душу, излишекъ придется отобрать и предоставить имѣющимъ меньшее количество земли. Одновременно все населеніе окончательно лишится возможности какимъ бы то ни было образомъ увеличить размѣры своего землевладѣнія, такъ какъ не останется ни одной десятины про-

дажной земли, ни одной десятины, сдаваемой въ аренду. По мѣрѣ же прироста населенія, размѣръ душевого надѣла будетъ все больше уменьшаться и все менѣе удовлетворять насущныя потребности земледѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ сократятся до ничтожныхъ размѣровъ сельско хозяйственные заработки крестьянъ вслѣдствіе исчезновенія всѣхъ владѣльческихъ экономій. Заработки эти составляютъ нынѣ весьма значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Особенное значеніе имѣютъ заработки въ годы неурожаевъ. Въ такіе годы не весь крестьянскій трудъ пропадаетъ даромъ. Работа крестьянъ, произведенная ими у помѣщиковъ, оплачивается независимо отъ того, получилъ ли помѣщикъ доходъ отъ земли или не получилъ.

Если вся земля будетъ принадлежать земледѣльцу, то весь его трудъ по обработкѣ пашни при неурожаѣ останется неоплаченнымъ. Въ такія годы онъ не будетъ имѣть ни хлѣба, ни возможности заработать деньги. Само государство будетъ лишено возможности придти на помощь народу во время голода: хлѣба, покупаемаго нынѣ государствомъ для пострадавшихъ отъ неурожая, негдѣ будетъ взять, такъ какъ главная часть продаваемаго на рынкѣ хлѣба поступаетъ изъ владѣльческихъ экономій.

Уничтоженіе частной земельной собственности, въ томъ числѣ и крестьянской, противно прежде всего выгодамъ самаго крестьянства. Изъ независимыхъ владѣльцевъ-собственниковъ крестьяне надѣлѣ обратились бы во временныхъ арендаторовъ земли и жили бы подъ постояннымъ опасеніемъ уменьшенія земельной площади, состоящей въ ихъ пользованіи. При такихъ порядкахъ крестьянамъ пришлось бы являться постоянными просителями передъ тѣми властями, которые распоряжались бы землей. Сколько при этомъ произошло бы замѣшательствъ, споровъ и даже злоупотребленій. Возможно ли ожидать, чтобы въ такомъ положеніи кто-либо сталъ добросовѣстно работать на землѣ, вкладывать въ нее тотъ трудъ и тѣ средства, которые необходимы, чтобы извлечь изъ нея должную пользу.

Въ народѣ распространяются слухи будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ. Это не вѣрно. Правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и каждаго, но въ данномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получатъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т. е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится заработковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и слѣдовательно лишится

значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы его на вѣрный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями.

Русскому крестьянству хорошо извѣстно, какъ во всѣ времена Русскіе Государи заботились о его благостояніи.

По Царскому слову освобождено было все крестьянство отъ крѣпостной зависимости. Когда это допускала государственная польза, крестьянство, по повелѣнію Царя, было надѣлено землей изъ казенныхъ и помѣщичьихъ земель, чего не было сдѣлано ни въ одной странѣ міра. Въ заботахъ объ удовлетвореніи нуждъ крестьянства былъ учрежденъ особый крестьянскій земельный банкъ. Дабы охранять крестьянъ отъ обезземеленія, былъ установленъ законъ, по которому крестьянскія земли не могутъ быть отчуждаемы во владѣніе лицъ другихъ сословій. Наконецъ, въ самое послѣднее время Государь Императоръ повелѣлъ сложить выкупные платежи за земли, предоставленныя крестьянамъ въ надѣлъ, сохранивъ ихъ въ половинномъ окладѣ лишь на одинъ 1906 годъ. Мѣрою этою взимаемые съ земельнаго крестьянства платежи уменьшаться съ 1-го января 1907 года на 90 милліоновъ рублей. Всѣ прошлыя заботы Русскихъ Государей о земельной нуждѣ крестьянства неопровержимо свидѣтельствуютъ, что и въ будущемъ всякія мѣры, направленныя къ этой цѣли и отвѣчающія народной пользѣ, будутъ неуклонно осуществляться исполняющимъ Царскую волю правительствомъ.

Сообщая нынѣ во всеобщее свѣдѣніе предположенныя имъ мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ, правительство подтверждаетъ, что оно будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и каждаго, причемъ полагаетъ, что сохраненіемъ права собственности частныхъ владѣльцевъ на принадлежащія имъ земли земельное крестьянство должно дорожить, ибо если сегодня будутъ нарушены права землевладѣльцевъ прочихъ сословій, завтра могутъ быть нарушены и права крестьянъ. Только владѣя землей на неотъемлемомъ правѣ собственности можетъ трудовое крестьянство обезпечить плоды своего труда и быть ограждено отъ притязаній тѣхъ, которые землей не владѣютъ и ничего общаго съ нею не имѣютъ.

Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилій оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора.

Прил. 6.

Контръ-сообщеніе Г. Думы.

20-го іюня министерство опубликовало правительственное сообщеніе, въ которомъ объявляетъ свои предположенія о земельномъ законѣ. Это сообщеніе подрываетъ въ населеніи вѣру въ правильное разрѣшеніе земельнаго вопроса законодательнымъ путемъ. Государственная Дума стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ и надѣется, что разъясненіе истиннаго положенія вопроса о земельномъ законѣ дастъ возможность населенію спокойно и мирно ждать окончанія работъ по изданію земельнаго закона. Поэтому Государственная Дума считаетъ необходимымъ прежде всего напомнить, что по манифесту 17-го октября 1905 года никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы. Еще 5-го мая въ отвѣтъ на рѣчь Государя Императора Дума слѣдующими словами высказалась о земельномъ вопросѣ: „Наиболѣе многочисленная часть страны, трудовое крестьянство, съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ". Но уже 13-го мая министры отвѣтили на это выраженіе воли народныхъ представителей отказомъ признать необходимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Государственная Дума выразила министрамъ свое недовѣріе и немедленно приступила сама къ выработкѣ новаго земельнаго закона. Особая комиссія, состоящая изъ 100 членовъ Думы, составляетъ теперь этотъ законъ. Въ основу его положены основанія, указанныя Государственной Думой въ отвѣтѣ Государю Императору, причемъ подъ принудительнымъ отчужденіемъ разумѣется надѣленіе трудящагося крестьянства на основаніи закона землей. Обсуждая вопросъ о томъ, какія земли отчуждаться не должны, комиссія предположила, что принудительному отчужденію не подлежатъ надѣльныя земли всѣхъ наименованій, а затѣмъ также и мелкія владѣнія. Въ этой же комиссіи вырабатывается законъ объ особыхъ мѣстныхъ земельныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ населеніе черезъ своихъ выборныхъ приметъ участіе въ правильномъ и справедливомъ устройствѣ земельныхъ дѣлъ. Отъ сихъ основаній новаго земельнаго закона Государственная Дума не отступитъ, и всѣ предположенія, съ ними не согласованныя, ею будутъ отклоняться.

Прил. 7.

Высочайшій Манифестъ.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и самодержецъ всероссійскій, царь польскій, великій князь финляндскій, и прочая и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Волею Нашею призваны были къ строительству законодательному люди, избранные отъ населенія.

Твердо уповая на милость Божію, вѣря въ свѣтлое и великое будущее Нашего народа, Мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Нами крупныя преобразованія, и на первомъ мѣстѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельнаго труда. Ожиданіямъ Нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ Намъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

Но пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ нашемъ дорогомъ отечествѣ.

Да возстановится же спокойствіе въ землѣ русской, и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ царственныхъ трудовъ Нашихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложатъ, по призыву Нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу Думы.

Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ, указомъ Нашимъ Правительствующему Сенату, 8-го сего іюля даннымъ, назначили время ея новаго созыва на 20-е февраля 1907 года.

Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданій Нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

Вѣрные сыны Россіи!

Царь Вашъ призываетъ васъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ Нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой Родины.

Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли русской.

Данъ въ Петергофѣ, въ 9-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестое, царствованія же Нашего въ двѣнадцатое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Прил. 8.

Матеріалы по аграрному вопросу.

ЗАЯВЛЕНІЕ

42 членовъ Г. Думы

партіи народной свободы

(*внесено въ Думу 8 мая*).

Государственная Дума въ своемъ послѣднемъ засѣданіи признала, что она „не исполнила бы своего долга, если бы не выработала закона“ для удовлетворенія острой земельной нужды трудового крестьянства „путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ“.

Считая неотложно необходимымъ приступить теперь же къ рѣшенію земельнаго вопроса, мы, нижеподписавшіеся, принадлежа къ партіи народной свободы, находимъ, что будущій законопроэктъ долженъ взять за основу слѣдующія положенія:

1. Увеличеніе площади земленользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ то безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и другихъ разрядовъ земледѣльцевъ,—государственными, удѣльными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путемъ обязательнаго отчужденія для той же цѣли, за счетъ государства, въ потребныхъ размѣрахъ, частновладѣльческихъ земель, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ, т. е. сообразно съ нормальной для данной мѣстности доходностью, при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельной нуждой.

2. Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный запасъ. Начала, на которыхъ земли этого запаса подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію, должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и земленользованія въ различныхъ областяхъ Россіи.

Признавая руководящимъ началомъ земельной политики—передачу земли въ руки трудящихся, мы считаемъ, что приведенныя положенія могутъ быть развиты слѣдующимъ образомъ:

1. Право на расширеніе землепользованія надлежитъ признать за малоземельными и безземельными земледѣльческими семьями, ведущими хозяйство на земляхъ какъ надѣльныхъ, такъ и на принадлежащихъ имъ на правѣ частной собственности или арендованныхъ. Тамъ, гдѣ существуетъ особый классъ безземельныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, послѣдніе подлежатъ обезпеченію землей на тѣхъ же основаніяхъ. Особыми правилами также долженъ быть опредѣленъ отводъ земли семьямъ, прекратившимъ хозяйство вслѣдствіе малоземелья, если онѣ пожелаютъ возстановить собственное хозяйство. Мѣстнымъ землеустроительнымъ учрежденіямъ должно быть предоставлено возбужденіе вопросовъ объ измѣненіи круга лицъ, подлежащихъ, сообразно съ мѣстными условіями, земельному обезпеченію.

2. Для каждой мѣстности (губерніи, района, уѣзда или части его) долженъ быть установленъ нормальный размѣръ земельнаго обезпеченія, до котораго,—при имѣющемся запасѣ земли и принимая въ разсчетъ возможныя добровольныя выселенія,—должно быть доводимо количество земли у земледѣльческаго населенія. При этомъ является желательнымъ доведеніе размѣровъ обезпеченія до потребительной нормы, т. е. до такого количества земли, которое,—по мѣстнымъ условіямъ и принимая въ разсчетъ прочные промысловые доходы, гдѣ таковые существуютъ,—было бы достаточно для покрытія среднихъ потребностей въ продовольствіи, жилищѣ, одеждѣ и для несенія повинностей. Разсчетъ земельной нормы ведется на ѣдока.

3. Обезпеченію землею въ указанныхъ размѣрахъ должны подлежать поэтому тѣ земледѣльцы, которые или вовсе не имѣютъ надѣльной или собственной земли, или имѣютъ ея меньше установленной для данной мѣстности общей нормы.

4. Для образованія государственнаго запаса, какъ уже сказано, кромѣ земель государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ и монастырскихъ, должны поступить и земли, обязательно отчуждаемыя изъ частнаго владѣнія отдѣльныхъ лицъ и учрежденій.

5. При отчужденіи частно-владѣльческихъ земель подлежитъ установить слѣдующія правила:

а) безъ всякихъ ограниченій подлежатъ отчужденію всѣ земли, обычно сдававшія я до 1-го января 1906 года въ аренду за деньги, изъ доли или за отработки, а также земли, обрабатывавшіяся преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ, и земли впустѣлежащія, но признанныя годными для обработки. Кромѣ того, для каждой мѣстности законъ долженъ опредѣлить высшій размѣръ землевладѣнія при условіи веденія собственнаго хозяйства (своимъ скотомъ и орудіями), т. е. опредѣлить, больше чего никто не можетъ владѣть землей, и все, что окажется больше этого размѣра, также подлежитъ отчужденію безъ какихъ-либо ограниченій;

б) земля, не превышающая по площади установленнаго закономъ высшаго размѣра на одного владѣльца и обрабатываемая его инвентаремъ, также должна подлежать обязательному отчужденію, если мѣстное земледѣльческое населеніе не можетъ получить достаточнаго обезпеченія изъ другихъ земель той же мѣстности или если отчужденіе является необходимымъ для устраненія вредной чрезполосицы и другихъ существенныхъ недостатковъ въ расположеніи надѣловъ и въ составѣ ихъ по угодіямъ;

в) не подлежатъ отчужденію:

I) небольшіе участки, не превышающіе трудовой нормы, опредѣляемой по мѣстнымъ условіямъ.

II) городскія выгонныя земли, а равно земли, принадлежащія городамъ, мѣстечкамъ, земствамъ, учебнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, поскольку онѣ непосредственно служатъ для общественно-санитарныхъ, учебныхъ и т. п. цѣлей.

III) земли подъ усадьбами, садами, огородами (кромѣ отдаваемыхъ въ аренду), искусственными лѣсонасажденіями, виноградниками, хмѣльниками, питомниками и т. п., за исключеніемъ, однако, случаевъ, когда отчужденіе этихъ земель необходимо для устраненія вредной чрезполосности.

IV) Земли, на которыхъ расположены фабрично-заводскія или сельско-хозяйственныя промышленныя заведенія, т. е. земли, для нихъ технически необходимыя, находящіяся подъ строеніями, складами, сооруженіями и пр. Но земельныя угодья, обслуживающія хозяйственныя потребности этихъ предпріятій, должны подлежать отчужденію наравнѣ съ другими землями, лишь съ установленіемъ извѣстнаго порядка и послѣдовательности перехода ихъ въ государственный земельный запасъ.

V) участки, которые центральнымъ землеустроительнымъ учрежденіемъ признано будетъ необходимымъ сохранить въ виду ихъ исключительнаго характера и общеполезнаго значенія.

6) Земли изъ государственнаго земельнаго запаса передаются въ долгосрочное пользованіе на срокъ, установленный подлежащими учрежденіями, безъ права переуступки. За всѣ земли, отводимыя изъ государственнаго запаса, взимается плата, размѣръ которой опредѣляется соотвѣтственно доходности земель и сообразно съ общимъ планомъ земельнаго обложенія.

7) Изъ государственнаго земельнаго запаса отводятся земли сначала мѣстному малоземельному и безземельному населенію, причемъ законъ опредѣляетъ, что разумѣется подъ мѣстнымъ населеніемъ. За удовлетвореніемъ потребности мѣстнаго населенія, остающіяся свободными земли государственнаго земельнаго запаса предназначаются для переселенцевъ, не получившихъ земельнаго обезпеченія по мѣсту прежняго жительства.

8) Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ лѣсами, подъ земельное обезпеченіе земледѣльцевъ могутъ быть обращаемы лѣса, не имѣющіе защитнаго и водоохраннаго значенія. Лѣса въ прочихъ мѣ-

стностяхъ подлежатъ отчужденію и остаются въ распоряженіи государства въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это требуется нуждою населенія въ лѣсныхъ матеріалахъ. Порядокъ снабженія населенія лѣсными матеріалами изъ этихъ лѣсовъ опредѣляется особыми правилами.

9) Законъ, установивъ общія основы земельной реформы, долженъ допускать со стороны мѣстныхъ учрежденій представленія о нѣкоторомъ видоизмѣненіи этихъ нормъ согласно съ мѣстными условіями, но съ непремѣннымъ сохраненіемъ самой основы реформы—прочнаго обезпеченія землею земледѣльческаго населенія путемъ обязательнаго отчужденія.

10) Законъ долженъ установить систему и порядокъ учрежденій—центральныхъ и мѣстныхъ—для подготовки и проведенія земельной реформы. Учрежденія эти должны немедленно приступить къ собиранію и разработкѣ необходимыхъ матеріаловъ, имѣя въ виду положенія и нормы, установленныя закономъ и стоя въ тѣсной связи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Мы предлагаемъ избраніе комиссіи изъ 33 членовъ для разработки и внесенія въ Думу законопроекта по земельному дѣлу и просимъ передать въ эту комиссію, какъ матеріалъ, настоящую записку нашу.

Подписали члены Государственной Думы: 1. В. Якушкинъ, 2. А. Медвѣдевъ, 3. В. Яновскій, 4. М. Коммиссаровъ, 5. Г. Костромитиновъ, 6. Кн. П. Долгоруковъ, 7. П. Ростовцевъ, 8. Миклашевскій, 9. Л. Новосильцевъ, 10. А. Вязловъ, 11. А. Садыринъ, 12. Микѣшинъ, 13 Имшенецкій, 14. Е. Щепкинъ, 15. А. Хартахай, 16. Балахонцевъ, 17. И. Овчинниковъ, 18. П. Сафоновъ, 19. А. Токарскій, 20. А. Савельевъ, 21. Г. Шельгорнъ, 22. М. Герценштейнъ, 23. П. Крыловъ, 24. И. Присецкій, 25. М. Лебедевъ, 26. А. Поповъ, 27. П. Толстой, 28. В. Балясниковъ, 29. Н. Ширковъ, 30. Л. Сицинскій, 31. П. Курпленковъ, 32. И. Замысловъ, 33. Зах. Френкель, 34. Ѳ. Штейнгель, 35. А. Свѣчинъ, 36. Н. Метальниковъ, 37. Д. Протопоповъ, 38. В. Долженковъ, 39, Г. Іоллосъ, 40. Мих. Петрункевичъ, 41. Шаховской, 42. Масленниковъ.

Заявленіе 104 членовъ Г. Думы

Трудовой группы

(*внесено 23 мая*).

Мы, нижеподписавшіеся члены Государственной Думы, присоединяясь къ предложенію о выборѣ коммиссіи, представляемъ на ея разсмотрѣніе также въ видѣ матеріала нижеслѣдующій проэктъ „Основныхъ положеній земельнаго закона".

Проэктъ основныхъ положеній.

§ 1. Земельное законодательство должно стремиться къ тому чтобы установить такіе порядки, при которыхъ вся земля съ ея нѣдрами и водами принадлежала бы всему народу, при чемъ нужная земля для сельскаго хозяйства могла бы отдаваться въ пользованіе только тѣмъ, кто будетъ ее обрабатывать своимъ трудомъ. Всѣ граждане должны имѣть равное право на такое пользованіе ею.

§ 2. Съ этой цѣлью долженъ быть образованъ общенародный земельный фондъ, въ который должны войти всѣ казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія и церковныя земли; въ тотъ же фондъ должны быть принудительно отчуждены помѣщичьи и проч. частновладѣльческія земли, поскольку размѣры отдѣльныхъ владѣній превышаютъ установленную для данной мѣстности трудовую норму.

§ 3. Надѣльныя земли и тѣ изъ частновладѣльческихъ, которыя не превышаютъ трудовой нормы, остаются за теперешними ихъ владѣльцами, но должны быть приняты законодательныя мѣры, чтобы предотвратить скопленіе земель выше трудовой нормы въ однѣхъ рукахъ и обезпечить постепенный переходъ ихъ въ общенародную собственность.

§ 4. Вознагражденіе за принудительно отчуждаемыя и добровольно уступаемыя въ общенародный фондъ земли частнаго владѣнія должно производиться за счетъ государства. Размѣръ этого вознагражденія и условія его уплаты, а также тѣ случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могутъ быть опредѣлены не прежде, чѣмъ этотъ вопросъ и вся аграрная реформа будутъ обсуждены народомъ на мѣстахъ (см. § 18).

§ 5. Продажныя залоговыя и дарственныя сдѣлки на землю (кромѣ поименованныхъ въ § 7) должны быть немедленно пріостановлены.

§ 6. Земныя нѣдра и воды, если таковыя не эксплоатируются въ настоящее время ихъ владѣльцами, должны быть объявлены общенародной собственностью. Порядокъ отдачи ихъ въ эксплоатацію общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ долженъ быть опредѣленъ особымъ закономъ.

§ 7. Порядокъ перехода въ общенародную собственность тѣхъ земельныхъ нѣдръ и водъ частнаго владѣнія, которыя уже находятся въ эксплоатаціи, а также земель, находящихся подъ промышленными заведеніями и городскими поселеніями, долженъ быть опредѣленъ особымъ закономъ. До перехода же этихъ имуществъ въ общенародную собственность, права владѣльцевъ на приростъ цѣнности, поскольку онъ зависитъ не отъ ихъ труда и капитала, а отъ общественныхъ условій, должны быть ограничены.

§ 8. Изъ общенароднаго фонда выдѣляются прежде всего земли, необходимыя для государственныхъ и общественныхъ надобностей, каковыя поступаютъ въ вѣдѣніе надлежащихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій.

§ 9. Остальная земля, поскольку таковая можетъ служить для сельскаго хозяйства, отдается въ пользованіе всѣмъ желающимъ обрабатывать ее своимъ трудомъ, причемъ въ очереди мѣстному населенію отдается преимущество передъ пришлымъ и земледѣльческому передъ неземледѣльческимъ. Во всякомъ случаѣ каждый трудящійся имѣетъ право на усадебную осѣдлость въ той мѣстности, въ которой онъ живетъ, и право на надѣлъ въ той мѣстности, гдѣ имѣется свободная земля.

§ 10. Надѣленіе землей изъ общенароднаго фонда производится въ предѣлахъ трудовой нормы, причемъ, если за надѣленіемъ окажется избытокъ, то таковой остается въ вѣдѣніе государства и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, въ качествѣ запаса для общественныхъ надобностей или на случай прироста мѣстнаго населенія, а также для надѣленія переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей.

§ 11. Если земли для надѣленія всего земледѣльческаго населенія данной мѣстности не хватитъ, то всѣ, имѣющіе менѣе продовольственной нормы, получаютъ право на переселеніе за счетъ государства въ тѣ мѣстности имперіи, гдѣ въ землѣ имѣется избытокъ.

§ 12. Въ случаѣ измѣненія хозяйственныхъ условій мѣстности установленная для нея трудовая норма можетъ быть пересмотрѣна и измѣнена, послѣ чего оказавшіеся у отдѣльныхъ домохозяевъ излишки подлежатъ отчужденію. Равнымъ образомъ при измѣнившихся условіяхъ подлежитъ пересмотру и продовольственная норма, въ зависимости отъ которой будетъ находиться право на переселеніе за счетъ государства.

§ 13. Полученная изъ народнаго фонда земля, въ случаѣ прекращенія хозяйства, а также при желаніи уменьшить его размѣры, подлежитъ возвращенію въ фондъ, причемъ за всѣ произведенныя на ней и не использованныя улучшенія выплачивается вознагражденіе за счетъ государства. Перуступка общенародной земли частнымъ путемъ вовсе не должна быть допускаема.

§ 14. Поступившія въ надѣлъ изъ общенароднаго фонда земли подлежатъ особому земельному налогу, который долженъ устанавливаться въ соотвѣтствіи съ ихъ качествомъ и мѣстонахожденіемъ и при равныхъ условіяхъ долженъ быть тѣмъ выше, чѣмъ больше размѣръ надѣла.

§ 15. Лицамъ, получившимъ землю изъ общенароднаго фонда и не имѣющимъ достаточныхъ средствъ для обзаведенія всѣмъ необходимымъ для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счетъ государства въ формѣ ссудъ и пособій.

§ 16. Завѣдываніе общенароднымъ земельнымъ фондомъ за исключеніемъ земель, имѣющихъ общенародное значеніе, должно быть возложено на мѣстныя самоуправленія, избранныя всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, которыя въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, дѣйствуютъ самостоятельно.

§ 17. Для подготовительныхъ дѣйствій къ земельной реформѣ и для упорядоченія экономическихъ отношеній въ теченіе переходнаго времени должны быть учреждены мѣстные комитеты: губернскіе, уѣздные и волостные (или другіе, соотвѣтствующіе имъ по мѣстнымъ условіямъ). Комитеты должны быть избраны посредствомъ всеобщаго, прямаго, равнаго и тайнаго голосованія.

§ 18. На комитеты должно быть возложено:

а) организовать свободное и широкое, при участіи всего населенія, обсужденіе общихъ основаній и всѣхъ подробностей аграрной реформы;

б) привести въ извѣстность количество и распредѣленіе земли, а также численность и составъ нуждающагося въ землѣ населенія; проектировать соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ трудовыя и продовольственныя нормы и выработать, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, планъ проведенія реформы;

в) устанавливать, впредь до осуществленія реформы, арендныя цѣны, заработную плату, продолжительность рабочаго дня и другія отношенія между землевладѣльцами и трудящимися въ случаѣ споровъ и недоразумѣній между ними.

§ 19. Организація мѣстныхъ комитетовъ и планъ ихъ дѣйствій должны быть опредѣлены закономъ.

§ 20.—Выборы въ мѣстные комитеты, а также обсужденіе аграрной реформы на мѣстахъ должны происходить при непремѣнномъ условіи полной свободы и личной неприкосновенности. *)

Проэктъ основного земельнаго закона

(внесенъ въ Думу 6 іюня).

Заявленіе.

Въ Государственную Думу представлены, въ видѣ матеріала для выработки новаго земельнаго закона, два проекта *основныхъ положеній* такого закона. Мы, нижеподписавшіеся члены Государственной Думы, предлагаемъ въ дополненіе къ этимъ матеріаламъ нижеслѣдующій проэктъ основного земельнаго закона. При этомъ мы руководимся слѣдующими соображеніями: 1) законъ о землѣ можетъ быть изданъ только полноправной Народной Думой, избранной всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ при свободѣ выборовъ и послѣ обсужденія земельной реформы на мѣстахъ при такихъ же условіяхъ; 2) для ускоренія и облегченія рѣшенія вопроса представленныя въ Государственной Думѣ партіи должны немедленно же представить на судъ страны всѣ принимаемые ими способы его рѣшенія; 3) Присоединяясь къ „основнымъ положеніямъ“, представленнымъ въ Государственную Думу 104 де-

*) Подписи въ стенографическомъ отчетѣ отсутствуютъ.

путатами, и разсматривая § 1 этихъ положеній, какъ цѣль желательнаго земельнаго закона, а слѣдующіе параграфы, какъ переходныя мѣры къ ея осуществленію, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ полезнымъ немедленно же развить кратко выраженныя въ § 1 начала въ видѣ болѣе подробнаго и опредѣленнаго „*Проекта основного земельнаго закона*“.

Проэктъ основного земельнаго закона.

Отдѣлъ I.

Основы закона о землѣ.

§ 1. Всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго Государства отнынѣ совершенно уничтожается.

§ 2. Вся земля съ ея нѣдрами и водами объявляется общей собственностью всего населенія Россійскаго Государства.

§ 3. Всѣ россійскіе граждане и гражданки имѣютъ равное право на пользованіе:

а) землею для занятія сельскимъ хозяйствомъ;

б) участками для постройки жилыхъ домовъ, хозяйственныхъ построекъ, а также фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и т. д.;

в) всѣмъ матеріаломъ, необходимымъ для постройки и отопленія.

Примѣчаніе. Всѣ граждане и гражданки имѣютъ одинаковое, равное право принимать участіе въ рѣшеніи, какъ добывать и распредѣлять между гражданами и всѣ другія богатства земли.

§ 4. а) Народная власть, избранная всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ безъ различія пола, вѣры и народности, устанавливаетъ подробный законъ о пользованіи землею и всѣми ея благами;

б) Народная власть наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы установленные ею земельные порядки не нарушались.

За этимъ же наблюдаютъ мѣстныя самоуправленія, выбранныя всѣмъ населеніемъ области, округа и уѣзда безъ различія пола, вѣры и народности, посредствомъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія;

в) Они же охраняютъ богатства земли отъ напрасной траты и заботятся о пріумноженіи богатствъ земли.

§ 5. Народное правленіе и мѣстныя земства распоряжаются по слѣдующимъ основнымъ правиламъ:

а) никакая власть не имѣетъ права мѣшать отдѣльнымъ гражданамъ, общинамъ и товариществамъ устраивать для себя такіе порядки пользованія землею, которые они считаютъ лучшими, если только эти порядки не нарушаютъ общаго закона и не вредятъ другимъ;

б) для избѣжанія безполезной чиновничьей волокиты, всѣ дѣла, важныя только для одного уѣзда, округа или области, рѣшаются на мѣстахъ;

в) только тѣ дѣла, которыя важны для всего государства, а также и тѣ, которыя не могутъ быть справедливо рѣшены на мѣстахъ, рѣшаются народнымъ правленіемъ.

Отдѣлъ II.

Земельныя права Россійскихъ гражданъ.

Часть 1. Пользованіе землей для сельскохозяйственныхъ промысловъ.

§ 1. Всѣ граждане и гражданки могутъ, по желанію, получать въ пользованіе землю или на срокъ, или безсрочно.

Примѣчаніе. Въ послѣднемъ случаѣ надѣлы могутъ передаваться по наслѣдству до тѣхъ поръ, пока земство или народное правленіе не найдутъ нужнымъ ограничить таковое для пользы всего народа или на пользу болѣе нуждающихся.

§ 2. Каждый имѣетъ право получить въ пользованіе столько земли, чтобы за уплатой поземельнаго налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи (потребительная норма надѣла).

Примѣчаніе. Если кто-либо изъ гражданъ имѣетъ постоянный заработокъ на сторонѣ, то ему прирѣзывается земли приблизительно столько, чтобы дохода отъ нея вмѣстѣ съ заработкомъ на сторонѣ хватило для уплаты земельнаго налога и здоровой жизни его семьи. Если кто-нибудь теряетъ подсобный заработокъ или захочетъ кормиться съ одной земли, то ему прирѣзывается земля до полнаго потребительнаго надѣла.

§ 3. Никто не имѣетъ права имѣть въ пользованіи земли больше, чѣмъ онъ можетъ обработать вмѣстѣ съ своей семьей безъ наемныхъ рабочихъ (трудовая норма надѣла).

Примѣчаніе. Тѣ семьи, которыя временно по какому-нибудь случаю не смогутъ вести самостоятельно хозяйства (напримѣръ, если работникъ уйдетъ въ солдаты, заболѣетъ, умретъ или міръ назначитъ его на какую-нибудь службу и т. п.), сохраняютъ за собой право на надѣлъ.

§ 4. Землю нарѣзываютъ всякому, кто пожелаетъ, по возможности сообразно съ тѣмъ, сколько земли и какая земля требуется для его промысла: земледѣлія, садоводства, скотоводства и т. п.

§ 5. Пользованіе землей устраивается на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Земельныя общества, которыя владѣли землей совмѣстно и пожелаютъ оставить землю въ общемъ пользованіи, получаютъ общій надѣлъ и сами передѣляютъ землю, какъ рѣшатъ, между отдѣльными хозяевами. Общины, получившія общій надѣлъ, обязаны производить поравненія, чтобы не было у какихъ-нибудь хозяевъ земли меньше, чѣмъ нужно для здоровой жизни, или чтобы кто-нибудь не имѣлъ больше, чѣмъ можетъ обработать самъ безъ

наемныхъ рабочихъ. Если въ общинѣ не выйдетъ соглашенія объ уравнительномъ передѣлѣ, то уравненіе дѣлаетъ низшее земство (мелкая земская единица).

б) По такимъ же правиламъ получаютъ общій надѣлъ и тѣ отдѣльные граждане, которые пожелаютъ получить землю для пользованія въ общій надѣлъ.

в) Общій надѣлъ нарѣзается и тѣмъ гражданамъ, которые пожелаютъ совмѣстно обрабатывать землю и вести общее хозяйство артелями съ уравнительнымъ дѣлежемъ всего того, что получаютъ отъ земли.

г) Всякій, кто владѣлъ отдѣльнымъ участкомъ земли (надѣльной, выкупленной и купчей), если пожелаетъ, надѣляется особо, въ личное пользованіе.

д) Также отдѣльно, если пожелаютъ, могутъ надѣляться и безземельные.

е) Если кто-либо выходитъ изъ общины, то съ ея согласія можетъ получить въ пользованіе особый участокъ изъ общинной земли. Въ случаѣ несогласія на то общины, ему отводится отдѣльный участокъ въ другомъ мѣстѣ. Если же въ общинѣ часть гражданъ (примѣрно четверть, а въ большихъ общинахъ, примѣрно, не менѣе двадцати) пожелаетъ выйти изъ общины, то община обязана выдѣлить имъ при передѣлѣ столько земли, сколько на нихъ приходится, причемъ землю обязаны выдѣлять такъ, чтобы никто не былъ обиженъ. Если выдѣленіе не устраивается полюбовно, то дѣло рѣшаетъ уѣздное земство

§ 6. Никто не можетъ сдавать землю въ аренду. Тѣ семьи, которыя по какому-нибудь случаю не смогутъ вести самостоятельно хозяйства, могутъ, по желанію, передавать надѣлъ въ общества, артельныя товарищества или земства за плату, которую устанавливаетъ общество, артельное товарищество или земство. Когда впослѣдствіи семья сможетъ сама вести хозяйство, то надѣлъ ей возвращается обратно. Если же какая-нибудь семья не будетъ пользоваться своимъ надѣломъ долго (примѣрно болѣе двѣнадцати лѣтъ), то ей могутъ дать вмѣсто прежняго и другой надѣлъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ обществу удобнѣе.

§ 7. Каждый, кто пользуется надѣломъ, обязанъ платить за него налогъ, устанавливаемый народной властью и земствами. Налогъ устанавливаютъ смотря по тому чистому доходу, который приноситъ земля.

Примѣчаніе. Граждане, живущіе отъ земли, не должны платить другого налога, какъ съ земли. Процентъ обложенія не долженъ быть высокимъ. Кромѣ этого налога не можетъ быть никакого другого налога съ земли. Народное правительство можетъ повышать налогъ, если доходъ съ земли становится больше, съ такимъ, однако, расчетомъ, чтобы успѣлъ окупиться расходъ на улучшеніе земли и хозяйства. Если же временно доходъ съ земли уменьшается, то уменьшается и налогъ.

§ 8. Чтобы каждый желающій трудиться на землѣ дѣйствительно могъ пользоваться землей, народнымъ правленіемъ и земствами выдаются за дешевый процентъ деньги въ заемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ безплатную ссуду для нуждъ хозяйства и устраивается всеобщее страхованіе хозяйствъ отъ всякихъ несчастныхъ въ нихъ случаевъ (пожаровъ, падежей скота, неурожаевъ, болѣзней и смерти работниковъ и т. д.). Эту помощь могутъ получать всѣ, кто пользуется земельнымъ надѣломъ.

Часть II. Пользованіе усадебными участками, матеріалами для построекъ и топлива, рыболовными и охотничьими угодьями и т. п. и нѣдрами земли.

§ 1. Всѣ граждане и гражданки могутъ получать въ безсрочное пользованіе усадебные участки извѣстнаго размѣра для всякаго рода жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ.

Примѣчаніе. Усадебные участки по общей нормѣ и съ обложеніемъ общимъ налогомъ отводятся внѣ поселеній и при мелкихъ поселеніяхъ. Въ селеніяхъ же крупнаго размѣра, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ почему-либо земля особенно дорога, усадебные участки могутъ отводиться въ уменьшенномъ размѣрѣ, за увеличенную плату и вообще на особыхъ условіяхъ, устанавливаемыхъ земствами и городами.

§ 2. Всѣ граждане и гражданки имѣютъ право на полученіе матеріаловъ для построекъ и отопленія въ размѣрахъ своихъ нуждъ на условіяхъ, опредѣляемыхъ народнымъ правленіемъ и земствами.

Примѣчаніе. Эти матеріалы или добываются самими гражданами съ отведенныхъ имъ надѣловъ, или доставляются народнымъ правленіемъ и земствами, завѣдующими наиболѣе важными и крупными изъ нихъ (каковы: большіе лѣса, крупныя залежи угля, цѣнныя каменноломни и т. п.).

§ 3. Всѣ граждане и гражданки имѣютъ право на рыбную ловлю и охоту, а также на сборъ дикихъ плодовъ и т. п. по правиламъ и на условіяхъ, устанавливаемыхъ народнымъ правленіемъ и земствами.

Примѣчаніе. Народное правленіе и земства опредѣляютъ тѣ изъ этихъ промысловъ, которыми, въ виду ихъ важности и цѣнности, они завѣдуютъ непосредственно, и устанавливаютъ правила для сбереженія и пріумноженія рыбы, дичи, дикихъ плодовъ и т. п. и правила для уравнительнаго ими пользованія.

§ 4. Всѣ граждане и гражданки имѣютъ равныя права въ дѣлѣ распоряженія и пользованія всѣми богатствами, добываемыми изъ нѣдръ земли.

Примѣчаніе. Народное правленіе и земства непосредственно завѣдуютъ важнѣйшими промыслами добывающей промышленности (каковы: угольныя копи, руды, нефть, соль и т. п.). Менѣе значительные промыслы оставляются въ пользованіе отдѣльнымъ гражданамъ, общинамъ и товариществамъ на условіяхъ, устанавливаемыхъ народнымъ правленіемъ и земствами.

Члены Государственной Думы:

1) С. Бондаревъ, 2) Г. Ульяновъ, 3) А. Тесля, 4) М. Меркуловъ, 5) И. Соломко, 6) И. Лаврентьевъ, 7) Я. Абрамовъ, 8) Бадамшинъ, 9) В. Вихревъ, 10) С. Корнильевъ, 11) Кузнецовъ, 12) А. Аладьинъ, 13) В. Недоносковъ, 14) А. Смирновъ, 15) В. А. Ильинъ, 16) Цѣлоусовъ, 17) С. Тумбусовъ, 18) С. Ложкинъ, 19) И. Савельевъ, 20) Н. Бирюковъ, 21) И. Кириленко, 22) М. Кутомановъ, 23) В. Чурюковъ, 24) подпись неразборчива, 25) Матыкинъ, 26) М. Михайловъ, 27) Б. Диденко, 28) В. Лебедевъ, 29) М. Мокруновъ, 30) Я. Дитцъ, 31) А. Масловъ, 32) Эльдархановъ, 33) А. Возовикъ, 34) Г. Зубченко.

Прил. 9.

Законопроэкты, принятые Государственною Думою.

Объ отмѣнѣ смертной казни

(принятъ Гос. Думою 19 іюня).

Ст. 1. Смертная казнь отмѣняется.

Ст. 2. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами (уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ.

Объ ассигнованіи 15 милліоновъ рублей на продовольственную помощь голодающему населенію

(принятъ Думою 23 іюня).

1) Ассигновать чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ по росписи 1906 г. 15.000.000 р. на расходы въ теченіе іюля мѣсяца сего года по удовлетворенію сѣменной и продовольственной нужды населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній, предоставивъ Министру Финансовъ подкрѣплять заимообразно, по мѣрѣ надобности, за счетъ означеннаго кредита общій по Имперіи продовольственный капиталъ.

II. Потребную сумму отнести на счетъ сбереженій по росписи 1906 г.

III. Возложить на обязанность Министра Финансовъ, по соглашенію съ подлежащими Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями, пересмотрѣть расходную смѣту 1906 г. въ видахъ ея сокращенія съ тѣмъ, чтобы относящіеся къ сему законопроэкты были внесены въ Государственную Думу не позднѣе 23 іюля сего 1906 года.

IV. Предоставить Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ вносить въ Государственную Думу представленія о дальнѣйшихъ ассигнованіяхъ на продовольственныя нужды по мѣрѣ надобности.

V. Подробные отчеты о расходованіи суммъ на удовлетвореніе сѣменной и продовольственной нужды населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ публикуетъ ежемѣсячно во всеобщее свѣдѣніе.

Прил. 10.

Законопроэкты, внесенные въ Государственную Думу.

Проектъ правилъ въ огражденіе неприкосновенности личности, жилища и частной корреспонденціи.

§ 1. Никто не можетъ быть судимъ и наказанъ иначе, какъ за преступленія и проступки, предусмотрѣнные дѣйствующими во время совершенія сихъ дѣяній уголовными законами.

§ 2. Никакія изъятія изъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ, подвѣдомственныхъ судебной власти по общимъ правиламъ уставовъ угол. и гражд. судопр., не могутъ быть допускаемы.

§ 3. На органы судебной власти возлагается, подъ страхомъ отвѣтственности за преступное бездѣйствіе власти, непремѣнная обязанность охраны неприкосновенности личности, жилища и частной кореспонденціи отъ нарушеній, совершаемыхъ частными и должностными лицами, на точномъ основаніи нижеизложенныхъ постановленій и во всѣхъ случаяхъ, когда такая защита является необходимой.

§ 4. Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу или подвергнутъ особому полицейскому надзору иначе, какъ въ случаяхъ, правилами устава угол. суд. предусмотрѣнныхъ, и въ силу законнаго приказа компетентной судебной власти, отданнаго въ порядкѣ судебнаго преслѣдованія и содержащаго какъ изложеніе обстоятельствъ дѣла, такъ и ссылку на соотвѣтственныя правила сего устава.

§ 5. Личное задержаніе въ качествѣ законной мѣры для предупрежденія преступленій, преданія суду совершившихъ сіи преступленія, а также въ интересахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, допускается лишь съ соблюденіемъ установленныхъ настоящимъ закономъ условій.

§ 6. Органы власти полицейской имѣютъ право и обязанность задерживать:

а) лицъ, нуждающихся въ особомъ попеченіи или защитѣ;

б) лицъ, пребываніе которыхъ на свободѣ грозитъ безопасности и порядку въ общественномъ мѣстѣ, и

в) тѣхъ, удостовѣреніе въ личности которыхъ необходимо по требованіямъ закона и безъ задержанія ихъ произведено быть не можетъ.

§ 7. Изъ задержанныхъ на основаніи предыдущей статьи лицъ должны быть:

а) больные и безпомощные, если они не могутъ быть немедленно доставлены по мѣсту ихъ жительства, препровождены въ соотвѣтствующія лечебныя или благотворительныя учрежденія и

б) безчувственно-пьяные немедленно по вытрезвленіи отпущены на свободу съ возбужденіемъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ противъ нихъ судебнаго преслѣдованія.

Всѣ остальныя задержанныя лица, по выясненіи безъ всякаго замедленія обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ задержанію, и фактовъ, необходимыхъ для соотвѣтствующаго дальнѣйшаго направленія дѣла, должны быть или немедленно освобождены, или же препровождены къ ближайшему судебному слѣдователю, участковому мировому судьѣ, либо уѣздному члену окружнаго суда въ теченіе 24 часовъ, если задержаніе состоялось въ мѣстѣ постояннаго пребыванія сихъ органовъ судебной власти, и въ срокъ, необходимый по мѣстнымъ условіямъ сообщенія для немедленнаго доставленія ихъ къ упомянутымъ органамъ власти, если таковое не имѣетъ мѣстопребыванія въ мѣстности, гдѣ задержаніе произведено.

Всѣ задержанныя полицейскими властями лица имѣютъ право требовать составленія протокола или выдачи удостовѣренія въ состоявшемся задержаніи, съ указаніемъ причинъ его.

§ 8. По доставленіи задержаннаго лица къ одному изъ указанныхъ въ § 7 органовъ судебной власти, послѣдній обязывается безъ замедленія сіе лицо допросить и въ тотъ же день издать приказъ о взятіи его подъ стражу, если того требуетъ дальнѣйшее направленіе дѣла, или въ противномъ случаѣ освободить.

§ 9. Упомянутые выше органы судебной власти въ случаѣ дошедшихъ до нихъ свѣдѣній о задержаніи какого-либо лица безъ соблюденія установленныхъ сими правилами условій обязываются, подъ страхомъ отвѣтственности за преступное бездѣйствіе власти, произвести немедленно разслѣдованіе о таковомъ задержаніи, освободить незаконно задержаннаго и направить дѣло о судебномъ преслѣдованіи виновныхъ въ незаконномъ задержаніи соотвѣтственно правиламъ о подсудности. Право на принесеніе въ общемъ порядкѣ жалобъ на дѣйствія означенныхъ органовъ судебной власти, нарушающія изложенныя въ сей статьѣ постановленія, принадлежитъ какъ самому задержанному, такъ и всякому лицу, принимающему участіе въ судьбѣ задержаннаго.

§ 10. Каждый судья обязывается, согласно ст. 10 уст. уг. суд., имѣть постоянное и неуклонное попеченіе о томъ, чтобы никто не содержался въ заключеніи безъ законнаго о томъ постановленія компетентныхъ органовъ судебной власти или въ мѣстѣ

заключенія, не предназначенномъ заключенному состоявшимся постановленіемъ судебной власти о взятіи его подъ стражу.

Неправильно лишенныя свободы лица по требованію обнаружившаго ихъ пребываніе въ мѣстѣ заключенія органа судебной власти, должны быть немедленно освобождены, а по отношенію къ содержащимся не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія приняты мѣры къ содержанію ихъ въ установленномъ порядкѣ.

Мировые съѣзды и окружные суды по принадлежности опредѣляютъ порядокъ и очередь въ распредѣленіи обязанности участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей и уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ посѣщенія мѣстъ заключенія.

§ 11. Никто не можетъ быть принуждаемъ къ пребыванію въ какомъ-либо пунктѣ страны или мѣстности или высылаемъ изъ какого-либо пункта страны или мѣстности иначе, какъ по вошедшему въ законную силу судебному приговору.

§ 12. Жилище каждаго неприкосновенно. Никакіе обыски и выемки въ домахъ и частныхъ квартирахъ не допускаются, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 357—367 уст. угол. суд., и съ соблюденіемъ условій, въ сихъ статьяхъ изложенныхъ. Безъ согласія хозяина жилища входъ въ него, какъ для постороннихъ частныхъ лицъ, такъ и для органовъ власти, допускается лишь по призыву изнутри жилища или для оказанія помощи находящимся въ немъ людямъ при несчастныхъ случаяхъ.

§ 13. Почтовая и телеграфная корреспонденція составляетъ безусловную тайну для всѣхъ и каждаго, кромѣ лицъ, въ ней участвующихъ, и не подлежитъ никакому просмотру со стороны какого-либо органа публичной власти.

Осмотръ и выемка почтовой и телеграфной корреспонденціи въ интересахъ уголовнаго правосудія, производится на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 368[1] уст. угол. суд.

§ 14. Должностныя лица, виновныя въ дѣяніяхъ, нарушающихъ постановленія сихъ правилъ, если противъ нихъ возбуждено судебное преслѣдованіе по постановленіямъ и сообщеніямъ упомянутыхъ § 7 сихъ правилъ или иныхъ органовъ судебной власти, а также по жалобамъ потерпѣвшихъ, подлежатъ отвѣтственности по ст. 341, 342, 345, 348, 349, 1540—1544 улож. о нак. (ст. 498—500, 636, 649, 650 угол. улож.).

Ст. 340 улож. о нак. (636 угол. улож.) къ дѣламъ о нарушеніи неприкосновенности личности примѣненія не имѣютъ.

§ 15. Потерпѣвшіе отъ неправильныхъ дѣйствій органовъ административной власти имѣютъ право вмѣстѣ съ уголовнымъ преслѣдованіемъ, или независимо отъ него, на возмѣщеніе, согласно ст. 677 т. X. ч. I. зак. гражд., понесенныхъ убытковъ.

§ 16. Наравнѣ съ упомянутыми въ ст. 14 должностными лицами и согласно приведеннымъ въ ст. 14 и 15 сего закона правиламъ подлежатъ также отвѣтственности начальники мѣстъ заключенія, принявшіе лицъ, арестованныхъ какимъ-либо органомъ

власти, безъ судебнаго приговора и не освободившіе ихъ по истеченіи 24 часовъ, если не послѣдовало приказа судьи на дальнѣйшее ихъ задержаніе.

Объяснительная записка.

Предлагая на сужденіе Государственной Думы законопроэктъ о неприкосновенности личности, мы включили въ него, во-первыхъ, перечисленіе тѣхъ изъ существующихъ законовъ, которые стоятъ въ противорѣчіи съ правомъ неприкосновенности личности и потому подлежатъ отмѣнѣ, во-вторыхъ—указаніе тѣхъ необходимыхъ новыхъ законовъ, на которыхъ это право можетъ быть утверждено въ жизни. А такъ какъ это право сводится къ неприкосновенности личности во всѣхъ ея проявленіяхъ и дѣйствіяхъ, не противныхъ закону, то цѣлью предлагаемыхъ нами узаконеній является оградить личность отъ посягательствъ на нее со стороны власти, какъ-то: отъ произвольнаго задержанія, отъ надзора за поведеніемъ и стѣсненія въ выборѣ мѣстожительства, отъ вторженія въ жилище для производства обысковъ, отъ вскрытія писемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаемый законопроэктъ, въ тѣхъ же цѣляхъ охраны личности, устанавливаетъ право гражданъ быть судимыми лишь въ общихъ судахъ, а не исключительныхъ, отступающихъ отъ строгихъ гарантій нормальнаго правосудія.

Особенную важность во всякомъ законопроэктѣ о неприкосновенности личности имѣютъ тѣ статьи, которыя предусматриваютъ случаи личнаго задержанія гражданъ со стороны полицейскихъ властей. Нечего и говорить о томъ, насколько существеннымъ представляется этотъ вопросъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обойтись безъ такого задержанія, въ интересахъ общественнаго спокойствія и порядка, невозможно, но съ другой стороны число этихъ случаевъ и самое опредѣленіе ихъ должны быть установлены съ величайшею точностью и осторожностью.

Проэктъ старается разрѣшить эту задачу, предоставляя полиціи требующіяся ей для этого полномочія и въ то же время ставя осуществленіе этихъ полномочій подъ строгій и бдительный контроль суда.

Согласно проэкту, полицейская власть, задержавъ гражданина, обязана привести его къ судьѣ, разъ она полагаетъ, что задержаніе должно быть продолжено, или должна немедленно освободить гражданина, если оказалось, что задержаніе произошло безъ достаточныхъ основаній или когда оно не требуется цѣлями правосудія.

Постановленіе объ обязательномъ приводѣ задержаннаго къ судьѣ въ самый краткій срокъ представляетъ собою центральный пунктъ всякаго закона о неприкосновенности личности. Это самая лучшая гарантія защиты личности отъ незаконныхъ на нее посягательствъ, и, что весьма важно, она дѣйствуетъ не только послѣ

совершившагося факта, но и предупредительно. Агенты полицейской власти, считаясь съ ней, при ея наличности, дѣлаются крайне осторожными въ самомъ примѣненіи на практикѣ своихъ полномочій по личному задержанію гражданъ.

Въ противуположность этой системѣ обезпеченія правъ личности на неприкосновенность, система простого извѣщенія полиціей судебныхъ властей о послѣдовавшемъ задержаніи какого-либо гражданина должна быть признана совершенно недостаточной и не достигающей цѣли.

Введеніе въ наше законодательство гарантій дѣйствительной неприкосновенности личности должно сопровождаться отмѣной всѣхъ тѣхъ законовъ, которые по самому своему существу противорѣчатъ началу неприкосновенности личности.

Сюда относятся дѣйствующія узаконенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ достаточно показалъ, сколь мало эти мѣры достигаютъ своей цѣли и сколь опасны онѣ въ смыслѣ разрушенія въ народѣ довѣрія къ самой идеѣ права и къ возможности ея проведенія въ жизни.

Настоящій законопроэктъ устанавливаетъ и необходимую отвѣтственность должностныхъ лицъ за нарушеніе правилъ о неприкосновенности личности.

Основныя положенія законовъ о гражданскомъ равенствѣ.

(378—379).

Мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ Государственной Думѣ приступить къ выработкѣ ряда законопроектовъ, покоющихся на слѣдующемъ основномъ положеніи:

Всѣ граждане обоего пола равны передъ закономъ.

Гражданское неравноправіе такъ глубоко проникло во всѣ части нашего законодательства и охватило въ такой мѣрѣ всѣ сферы жизни, что устраненіе его путемъ единаго законодательнаго акта предсгавляется невозможнымъ. Гражданское неравноправіе выражается какъ въ предоставленіи отдѣльнымъ разрядамъ лицъ привилегій, такъ и въ особенности въ ограниченіяхъ, направленныхъ противъ отдѣльныхъ сословій, національностей и вѣроисповѣданій; неравноправіе выражается наконецъ въ устраненіи лицъ женскаго пола отъ пользованія во всей полнотѣ правами, предоставленными лицамъ мужского пола. Многочисленности тѣхъ областей, на которыя распространяется нынѣ гражданское неравенство, соотвѣтствуетъ и сложность способовъ его устраненія. Въ одной области—въ области ограниченій, обусловленныхъ національностью

и религіею,—достаточна простая отмѣна соотвѣтственныхъ ограничительныхъ законовъ: въ другихъ областяхъ отмѣна ограниченій и привилегій связана неразрывно съ созидательной работой и, слѣдовательно, съ замѣною дѣйствующихъ законовъ новыми. Особенно неотложная отмѣна сословныхъ ограниченій, тяготѣющихъ надъ крестьянскимъ населеніемъ, требуетъ замѣны особыхъ крестьянскихъ учрежденій и особыхъ крестьянскихъ судовъ новыми органами. Привилегіи, предоставленныя дворянству, распространяются не только на личныя права дворянъ, гражданскія и политическія, но отражаются и на строѣ мѣстнаго самоуправленія, и потому отмѣна привилегій дворянства связана съ болѣе или менѣе крупною реформою мѣстнаго самоуправленія. Отмѣна ограниченій женщинъ связана съ частичнымъ пересмотромъ гражданскихъ законовъ и т. д. Въ виду сего мы предлагаемъ раздѣлить законодательную работу, направленную къ установленію въ странѣ на прочныхъ началахъ гражданскаго равенства, на слѣдующіе четыре разряда:

I разрядъ законовъ относится къ ограниченіямъ крестьянъ, какъ сословія.

Въ основу этого разряда законовъ должно быть положено начало, согласно коему

> всѣ ограниченія лицъ крестьянскаго сословія—какъ-то: подвѣдомственность особымъ крестьянскимъ учрежденіямъ и особой юрисдикціи, ограниченія въ распоряженіи имуществомъ и въ свободѣ передвиженія, ограниченія по образованію и по поступленію на государственную службу—подлежатъ отмѣнѣ.

II разрядъ законовъ относится къ ограниченіямъ, обусловленнымъ національностью и религіею.

Основное положеніе въ области этого разряда законовъ гласитъ:

> всѣ установленныя дѣйствующимъ закономъ и административными распоряженіями ограниченія въ правахъ, обусловленныя принадлежностью къ той или иной національности или вѣроисповѣданію, подлежатъ отмѣнѣ.

Въ основу **III разряда** законовъ должно быть положено начало, согласно коему

> всѣ привилегіи дворянства по образованію, по государственной службѣ, по владѣнію недвижимымъ имуществомъ и по участію въ мѣстномъ самоуправленіи подлежатъ отмѣнѣ.

Въ основу **IV разряда** должно быть положено начало, согласно коему

> ограниченія, установленныя для лицъ женскаго пола гражданскими законами, ограниченія въ правѣ получать образованіе на всѣхъ ступеняхъ, ограниченія въ активномъ и пассивномъ избирательномъ правѣ и всѣ

вообще ограниченія въ публичныхъ правахъ, поскольку этому не препятствуетъ существо обязанностей, связанныхъ съ этими правами, подлежатъ отмѣнѣ.

Для разсмотрѣнія настоящаго предложенія мы предлагаемъ Государственной Думѣ избрать комиссію въ составѣ 33 членовъ Думы. Просимъ настоящее предложеніе признать *спѣшнымъ*.

П. Новгородцевъ, О. Кокошкинъ, М. Винаверъ, С. Котляревскій, Г. Костромитиновъ, Кн. В. Оболенскій, Ѳ. Татариновъ, Г. Твердый, С. Максютовъ, Зах. Френкель, Е. Щепкинъ, Л. Сицинскій, А. Свѣчинъ, А. Волковичъ, П. Куриленко, А. Сипягинъ, А. Хоментовскій, М. Петрункевичъ, А. Токарскій, А. Васильевъ, Н. Ширковъ, Г. Линтваревъ, В. Харламовъ, Св. К. Афанасьевъ, Н. Каценельсонъ, К. Черносвитовъ, М. Лебедевъ, В. Баляснивовъ, Н. Ромашовъ, А. Масленниковъ, Н. Ковалевскій, А. Садыринъ, И. Овчинниковъ, С. Таранъ, А. Фонъ Рутценъ, Л. Петражицкій, А. Медвѣдевъ, И. В. Долженковъ, Г. Шершеневичъ, М. Квасковъ, И. Шрагъ, П. Чижевскій, П. Алексинскій, Ев. Шольцъ, Ив. Присецкій, П. Крыловъ, С. Крымъ, И. Замысловъ, Строгановъ, К. Некрасовъ, А. Хрущовъ, М. Червоненкисъ, С. Френкель, Ѳ. Бусловъ, И. Жилкинъ, С. Бондаревъ, М. Литвиновъ, С. Розенбаумъ, П. Кальяновъ, Г. Брукъ, Г. Филипповъ, Ив. Заболотный, Гавріилъ Зубченко, Александръ Андреевъ, Ѳедоръ Зиновьевъ, Як. Дитцъ, Д. Скульскій, М. Ф. Куликовъ, Ник. Гредескулъ, В. Окуневъ, Василій Федоровъ Лебедевъ, А. Костровъ, Грабовецкій, Л. Литвинъ, Ф. Смыченко, Н. Жигиль, Ѳ. Штейнгель, М. Острогорскій, В. Якубсонъ, І. Друцкій-Любецкій, Р. А. Скирмунтъ, Ксендзъ Ф. Трасунъ, Ксендзъ Ярулайтисъ, Л. Лопасъ, Л. Брамсонъ, І. Сабалисъ, І. Кубилисъ, Г. Іоллосъ, Свящ. Ал. Поярковъ, М. Герценштейнъ, И. Чаксте, Я. Крейцбергъ, Ксендзъ Я. Гралевскій, А. Христовскій, М. Фульманъ, М. Шефтель, Г. Шельгорнъ, Ив. Минхъ, А. Видмеръ, Ксендзъ Антонъ Сонгайло, Миклашевскій, Б. Яловецкій, Чеславъ Янковскій, Баронъ Роппъ, Влад. Набоковъ, Назаренко, Яновскій, Кн. П. Долгоруковъ, В. Якушкинъ, А. Савельевъ, Д. Протопоповъ, В. Племянниковъ, А. Ломшаковъ, Быстровъ, Кедринъ, И. Шелихинъ, А. Ледницкій, А. Тесля, П. Сафоновъ, В. Карандашевъ, Н. Метальниковъ, Б. Лиденко, И. Пустошкинъ, И. Антоновъ, І. Оранскій, Сыртлановъ, А. Исуповъ, Н. Карѣевъ, Я. Тенисонъ, К. Нечипоренко, Новосильцовъ, Обнинскій, А. Новиковъ, Т. Волковъ, А. Сурновъ, В. Роговъ, В. Лебедевъ, Е. Поповъ, Ив. Лаврентьевъ, Г. Шапошниковъ, А. Вязловъ, А. Остафьевъ, П. Щипинъ, А. Смирновъ, Ѳ. Зиновьевъ, И. Шуваловъ, В. Шеметъ, Г. Здановскій, М. Кутомановъ, Кн. С. Баратаевъ, Кондрашукъ.

Объ измѣненіи статей 55—57 учрежденія Государственной Думы.

Кратковременное дѣйствіе ст. 55—57 учр. Государственной Думы успѣло уже доказать, въ какой мѣрѣ правила указанныхъ статей затрудняютъ правильную законодательную дѣятельность Государственной Думы. Законъ устанавливаетъ, независимо отъ обсужденія законопроэкта по существу, еще особое предварительное сужденіе по вопросу о „желательности“ закона. И даже это предварительное сужденіе по вопросу о „желательности“ закона допустимо не ранѣе истеченія мѣсячнаго срока со дня сообщенія подлежащему министру копіи заявленія объ изданіи новаго или отмѣнѣ или измѣненіи стараго закона. Такая чрезвычайная отсрочка въ разсмотрѣніи законопроэктовъ, большинство коихъ является крайне неотложными, вызвала на практикѣ обсужденіе по существу вносимыхъ въ Думу заявленій при обсужденіи вопросовъ о назначеніи коммиссіи. Это обсужденіе, устраненіе котораго чрезвычайно затруднительно при дѣйствіи законовъ, отдѣляющихъ моментъ разсмотрѣнія законопроекта по существу, отнимаетъ у Государственной Думы очень много времени, не освобождая нисколько Думу отъ необходимости вторичнаго обсужденія законопроекта въ томъ же объемѣ, по возвращеніи его изъ коммиссіи.

Въ виду сего, представляется необходимымъ: 1) устранить вовсе дѣленіе сужденій на двѣ стадіи (сужденіе о „желательности“ и сужденіе о самомъ существѣ законопроектовъ); 2) принять за общее правило, что по поступленіи законопроекта Государственная Дума избираетъ коммиссію для разсмотрѣнія вносимаго законопроекта; изъ этого правила, конечно, допускаются исключенія для случаевъ чрезвычайно простыхъ, гдѣ предварительнаго разсмотрѣнія въ коммиссіи не требуется, а также для случаевъ, въ которыхъ Дума признаетъ заявленіе вообще не заслуживающимъ разсмотрѣнія въ коммиссіи; 3) сократить срокъ, установленный ст. 56 съ мѣсячнаго до недѣльнаго.

Настоящее заявленіе просимъ признать спѣшнымъ и для разсмотрѣнія его немедленно избрать коммиссію, на которую возложить обязанность въ теченіе трехъ дней *).

Проэктъ закона въ замѣнъ ст. 55—57 учрежденія Государственной Думы.

§ 55.

Объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе ея предсѣдателю. Если заявленіе это подписано не менѣе

*) Въ стенографическомъ отчетѣ очевидный пропускъ словъ.

чѣмъ 30-ю членами, то предсѣдатель доводитъ о немъ до свѣдѣнія Думы и сообщаетъ копію его, съ относящимися къ нему приложеніями, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится.

§ 56.

Государственная Дума рѣшаетъ вопросъ о передачѣ внесеннаго заявленія на разсмотрѣніе коммиссіи.

§ 57.

День слушанія въ Государственной Думѣ доклада коммиссіи по существу заявленія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона не начается не ранѣе какъ черезъ недѣлю по сообщеніи подлежащимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями (ст. 55) копіи заявленія и относящихся къ нему приложеній.

1. М. Винаверъ, 2. М. Ковалевскій, 3. В. Набоковъ, 4. М. Острогорскій, 5. И. Петрункевичъ, 6. П. Толстой, 7. Имшенецкій, 8. П. Новгородцевъ, 9. А. Паромоновъ, 10. В. Яновскій, 11. М. Лебедевъ, 12. А. Вязловъ, 13. П. Садыринъ, 14. К. Черновъ, 15. Б. Скульскій, 16. В. Якушкинъ, 17. А. Медвѣдевъ, 18. А. Мухановъ, 19. Г. Шершеневичъ, 20. Г. Костромитиновъ, 21. Н. Ширковъ, 22. Св. К. Афанасьевъ, 23. Г. Брукъ, 24. П. Ростовцевъ, 25. Ф. Иваницкій, 26. А. Свѣчинъ, 27. А. фонъ-Рутценъ, 28. И. Овчинниковъ, 29. Ф. Штейнгель, 30. Кн. П. Долгоруковъ, 31. А. Хоментовскій, 32. Миклашевскій.

О собраніяхъ.

(Внесенъ въ Государственную Думу представителями конституціонно-демократической партіи).

(1444—1447).

Мы, нижеподписавшіеся, представляя на усмотрѣніе Государственной Думы проэктъ закона о собраніяхъ и объяснительную записку, просимъ признать наше предложеніе спѣшнымъ и для разсмотрѣнія его избрать коммиссію.

Объяснительная записка.

Для страны, вступающей на почву политической самодѣятельности, необходимость свободы собраній находится внѣ всякихъ сомнѣній и не нуждается въ доказательствахъ. Безусловное отрицаніе свободы собраній, обоснованное идеей предупрежденія и пресѣченія преступленій, согласовалось со строемъ полицейскаго

государства. Манифестъ 17 октября, провозгласившій принципъ правового государства, долженъ былъ признать и начало свободы собраній. Но дѣйствующій нынѣ по сему вопросу законъ 4 марта 1906 года, какъ и предшествовавшій ему законъ 12 октября 1905 года, представляетъ собою ничто иное, какъ неудачную попытку согласовать старыя начала съ новыми требованіями, какъ очевидное стремленіе прикрыть новыми формами старое содержаніе. Предлагаемый проэктъ имѣетъ въ виду осуществить въ дѣйствительности принципъ, провозглашенный 17 октября.

Нормировка права собраній представляетъ не мало затрудненій. Въ виду той важности, какую имѣетъ свобода собраній для развитія политическаго самосознанія, опасно стѣснять излишнею требовательностью общественную самодѣятельность. Съ другой стороны, важно привести въ согласіе интересы свободы съ интересами общественнаго порядка.

Но не слѣдуетъ обольщать себя мыслью, что такое согласіе зависитъ исключительно отъ удачной формулировки въ законѣ условій свободы собраній. Какъ бы ни были точны правила, опредѣляющія свободу собраній, какъ бы ни были льготны условія, открывающія гражданамъ возможность собираться, дѣйствительное осуществленіе свободы собраній стоитъ все же въ зависимости отъ двухъ факторовъ: отъ способности населенія уважать свободу чужихъ мнѣній и законный порядокъ, а съ другой стороны, отъ способности администраціи, поставленной охранять интересы порядка, проникнуться уваженіемъ къ свободѣ гражданъ и держаться въ точности границъ закона. Эту психологическую почву изданіе самыхъ совершенныхъ законовъ замѣнить не въ состояніи.

Обратимся къ тѣмъ началамъ, которыя положены въ основу предлагаемаго проэкта о свободѣ собраній.

Составители проэкта прежде всего отвергли систему предварительныхъ разрѣшеній, которая въ той или другой формѣ сохранилась на Западѣ и въ совершенно прозрачной формѣ была принята закономъ 4 марта. Какъ прусскій законъ 11 января 1850 года, такъ и австрійскій 15 ноября 1867 года, допуская собраніе въ закрытомъ помѣщеніи безъ предварительнаго разрѣшенія, требуютъ послѣдняго для собраній подъ открытымъ небомъ. По дѣйствующему у насъ закону предварительное разрѣшеніе требуется, повидимому, только для собраній подъ открытымъ небомъ (ст. 2). Но если принять во вниманіе, что предварительное заявленіе объ устраиваемомъ въ закрытомъ помѣщеніи публичномъ собраніи нисколько не гарантируетъ отъ воспрещенія такового (ст. 7), то окажется, что законъ 4 марта построенъ всецѣло на системѣ предварительнаго разрѣшенія. Напротивъ, проэктъ становится на точку зрѣнія тѣхъ законодательствъ, которыя совершенно отвергаютъ необходимость предварительныхъ затрудненій и ограничиваются наказаніемъ за тѣ нарушенія закона, которыя

произошли въ состоявшемся собраніи. Какъ ни рѣзокъ переходъ отъ безусловнаго требованія предварительнаго разрѣшенія къ полной его отмѣнѣ, однако, необходимость принятія второй системы вызывается именно переходнымъ состояніемъ. Какъ бы ни обновилась администрація въ своемъ личномъ составѣ, все же долголѣтняя привычка сообразоваться не столько съ требованіями закона, сколько съ видами правительства, не могла бы не отразиться на свободѣ собраній.

Утверждая въ Россіи правовой порядокъ, необходимо, насколько это возможно, сокращать область усмотрѣнія администраціи и тѣмъ уменьшить поводы для столкновеній между обществомъ и администраціей, въ виду того, что то и другая исторически впитали въ себя взаимное недовѣріе.

Система предупредительная смѣняется, такимъ образомъ, системой пресѣченія такихъ собраній, которыя принимаютъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности, и системой наказанія за всѣ противозаконныя дѣянія, совершенныя лицами на собраніи, притомъ на общемъ основаніи, безъ всякихъ особыхъ каръ за совершеніе ихъ на собраніи.

Обращаясь къ условіямъ, въ которыя ставится свобода собраній, мы видимъ на первомъ планѣ ограниченія по мѣсту. Собранія не должны происходить на площадяхъ, улицахъ и иныхъ проѣздахъ и проходахъ, открытыхъ для общественнаго пользованія, если они препятствуютъ свободному движенію, и безусловно воспрещаются собранія на полотнѣ желѣзной дороги. Это ограниченіе вызывается необходимостью подчинить интересы части населенія, принимающаго участіе въ собраніи, интересамъ всего остального населенія, имѣющаго право требовать, чтобы обычное сообщеніе и передвиженіе не нарушалось. Однако, проэктъ предполагаетъ собранія на улицахъ и площадяхъ стѣснять лишь условно, вопреки французскому законодательству, имѣя въ виду, что въ противномъ случаѣ городское населеніе встрѣтитъ серьезное затрудненіе въ устройствѣ собраній подъ открытымъ небомъ.

Устанавливая незначительныя ограниченія по отношенію къ мѣсту собраній, проэктъ отвергаетъ ограниченія, устанавливаемыя французскимъ закономъ въ отношеніи времени собранія. Запрещеніе продолжать собранія позже 11 часовъ вечера представляется крайне стѣснительнымъ, въ особенности для рабочаго класса, который, при позднемъ окончаніи работъ, наиболѣе располагаетъ свободнымъ временемъ къ вечеру и даже къ ночи.

Третье условіе для свободы собраній—это заявленіе о предполагаемомъ собраніи, которое должно быть дѣлаемо устроителями такового за 24 часа до созыва. Устраняя необходимость предварительнаго разрѣшенія, проэктъ, по примѣру западныхъ законодательствъ, дастъ возможность администраціи наблюдать за интересами общественнаго порядка, которымъ безъ сомнѣнія могутъ угрожать многія собранія. Этой цѣли должно удовлетворять свое-

временное извѣщеніе мѣстныхъ полицій. Такая обязанность извѣщенія касается лишь публичныхъ собраній, отмѣчаемыхъ по одному признаку — по составу собранія. Собраніе, составившееся изъ людей, не приглашаемыхъ лично, а изъ людей сошедшихся случайно и неизвѣстныхъ устроителямъ, естественно представляетъ большую угрозу общественному порядку, чѣмъ собраніе, входъ въ которое былъ обусловленъ личнымъ приглашеніемъ. По отношенію къ публичнымъ собраніямъ, административный надзоръ вполнѣ умѣстенъ.

Проэктъ исходитъ изъ мысли, что система надзора должна быть гласная. Агентъ полиціи, командируемый на собраніе, долженъ быть въ форменномъ одѣяніи, чтобы всѣ могли его отличить. Однако, вопреки прусскому законодательству и примѣнительно ко французскому образцу, проектъ принимаетъ систему факультативнаго, необязательнаго назначенія чиновника полиціи къ присутствованію на собраніи.

Мѣры административнаго надзора состоятъ въ закрытіи собранія, если оно не удовлетворяетъ условіямъ мѣста, а также если оно приметъ характеръ, непосредственно угрожающій нарушеніемъ общественной безопасности.

Законопроэктъ о собраніяхъ.

1. Россійскіе граждане вольны собираться мирно и безъ оружія, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.

2. Воспрещаются собранія подъ открытомъ небомъ, въ разстояніи одной версты отъ мѣста дѣйствительнаго пребыванія Государя Императора и отъ мѣста засѣданій Государственной Думы, во время ея сессіи.

3. Воспрещаются всякія собранія на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ.

4. Собранія на площадяхъ, улицахъ и въ другихъ проѣздахъ и проходахъ, открытыхъ для общественнаго пользованія, допускаются постольку, поскольку они не препятствуютъ свободному уличному движенію.

5. Собраніе признается публичнымъ, если доступъ въ оное не обусловленъ личнымъ приглашеніемъ. Собранія членовъ обществъ или союзовъ зарегистрированныхъ не признаются публичными.

6. О публичныхъ собраніяхъ, созываемыхъ, для совмѣстнаго обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, въ городскихъ поселеніяхъ или на разстояніи пяти верстъ отъ оныхъ, устроители обязаны извѣстить начальника мѣстной полиціи (градоначальника, оберъ-полицеймейстера, исправника) не позднѣе, чѣмъ за 24 часа до созыва собранія.

О собраніяхъ, созываемыхъ по воспослѣдованіи указа, назначающаго время выбора въ Государственную Думу, заявленіе должно быть дѣлаемо не позднѣе, какъ за четыре часа до времени открытія собранія.

За несоблюденіе этого правила устроители подвергаются денежному штрафу не свыше ста рублей.

7. Для собраній, устраиваемыхъ за предѣлами городскихъ поселеній и пятиверстнаго отъ оныхъ разстоянія, предварительное заявленіе не требуется.

8. По требованію устроителей собранія полиціею выдается удостовѣреніе въ сдѣланномъ заявленіи, съ указаніемъ дня и часа.

9. Начальникъ мѣстной полиціи можетъ назначить для присутствія на собраніи уполномоченное лицо, обязанное быть въ форменной одеждѣ.

10. Начальнику мѣстной полиціи или уполномоченному отъ него лицу полицейской службы предоставляется закрыть публичное собраніе: а) если оно состоится въ нарушеніи правилъ статей 2—4 настоящаго закона и б) если оно приметъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности.

11. Если по объявленіи собранія закрытымъ присутствующіе на немъ не разойдутся, то начальнику полиціи или уполномоченному отъ него лицу предоставляется, по двукратномъ предупрежденіи, удалить неповинующихся мѣрами принужденія.

12. Статьи 6—10 настоящаго закона не распространяются на публичныя собранія, устраиваемыя по распоряженію правительственныхъ мѣстъ и лицъ, или органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Подписали: 1. Г. Шершеневичъ, 2. П. Новгородцевъ, 3. М. Винаверъ, 4. Влад. Набоковъ, 5. А. Медвѣдевъ, 6. Л. Петражицкій. 7. А. Васильевъ, 8. Ф. Родичевъ, 9. Д. Протопоповъ, 10. П. Быстровъ, 11. В. Долженковъ, 12. Ив. Корсаковъ, 13. Д. Васильевъ, 14. Е. Щепкинъ, 15. Ал. Хартахай, 16. Н. Ромашовъ, 17. М. Масленниковъ, 18. К. Некрасовъ, 19. Д. Скульскій, 20. Миклашевскій, 21. М. Коммиссаровъ, 22. Л. Синицкій, 23. А. Парамоновъ, 24. Дм. Горшковъ, 25. П. Толстой, 26. С. Балахонцевъ, 27. И. Пентрункевичъ, 28. Кн. Львовъ, 29. Ф. Штейнгель, 30, П. Сафоновъ, 31. И. Замысловъ, 32. Н. Огородниковъ, 33. Александръ Сипягинъ.

Законопроэктъ о собраніяхъ.

(Внесенъ въ Думу соц.-дем. партіей).

(1531).

1. Всѣ россійскіе граждане вольны собираться всегда и везлѣ, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, не спрашивая на то никакого разрѣшенія, и вести обсужденіе на какомъ угодно языкѣ.

2. Должностныя лица, виновныя въ посягательствѣ на свободу собраній, подлежатъ уголовной отвѣтственности.

3. Отмѣняются всѣ законы, стѣснявшіе свободу собраній, и всѣ ограниченія, основанныя на исключительныхъ законахъ.

Законъ о союзахъ.

Положенія общія.

1. Союзомъ, по смыслу настоящаго закона, почитается всякое соединеніе нѣсколькихъ лицъ, избравшихъ предметомъ своей совокупной дѣятельности опредѣленную цѣль, равно какъ—соединеніе двухъ или нѣсколькихъ союзовъ непосредственно или посредствомъ ихъ уполномоченныхъ.

2. Россійскіе граждане вольны составлять союзы въ цѣляхъ, не противныхъ уголовнымъ законамъ или добрымъ нравамъ, не испрашивая на то разрѣшенія правительственной власти.

3. Собранія союзовъ подчиняются общимъ постановленіямъ о собраніяхъ.

4. За учиненныя союзомъ дѣйствія, отвѣчающія признакамъ наказуемыхъ дѣяній, виновные въ томъ члены союза подлежатъ отвѣтственности на общемъ основаніи.

5. О закрытіи союза, установленнаго въ цѣляхъ, противныхъ уголовнымъ законамъ или добрымъ нравамъ, или направившаго свою дѣятельность къ таковымъ цѣлямъ, начальникъ мѣстной полиціи (градоначальникъ, оберъ-полицеймейстеръ, полицеймейстеръ, исправникъ) относится къ прокурору мѣстнаго окружнаго суда съ присоединеніемъ необходимыхъ данныхъ и доказательствъ, каковое требованіе прокуроръ, вмѣстѣ со своимъ письменнымъ заключеніемъ, предлагаетъ на разсмотрѣніе окружнаго суда.

6. Предложенное прокуроромъ дѣло о закрытіи союза разсматривается окружнымъ судомъ по гражданскому отдѣленію особо отъ могущаго возникнуть уголовнаго производства противъ отдѣльныхъ членовъ союза. Рѣшенія постановляются въ судебномъ засѣданіи и по выслушаніи заключенія прокурора. О срокѣ разсмотрѣнія дѣла окружный судъ извѣщаетъ повѣсткою подлежащій союзъ въ лицѣ его правленія, а при несуществованіи такового—въ лицѣ его отдѣльныхъ членовъ въ числѣ не менѣе трехъ.

7. Постановленіе окружнаго суда можетъ быть обжаловано заинтересованными лицами и прокурорскимъ надзоромъ въ мѣсячный срокъ въ апелляціонномъ порядкѣ.

При производствѣ дѣла о закрытіи союза въ судебной палатѣ примѣняются правила статьи 6-й сего закона.

О порядкѣ пріобрѣтенія союзами правъ юридическаго лица.

8. Союзы, которые не имѣютъ цѣлью полученіе прибыли отъ веденія какого-либо хозяйственнаго предпріятія, то-есть преслѣдующіе цѣли религіозныя, нравственныя, научныя, политическія,

общественныя, благотворительныя, цѣли общенія, развлеченія, развитія духовныхъ и физическихъ силъ и т. п., если желаютъ пріобрѣсти права юридическаго лица, должны имѣть писанный уставъ.

9. Въ писанномъ уставѣ союза (ст. 8) должны быть указаны:

а) названіе общества или союза, его цѣль и мѣстонахожденіе;

б) порядокъ вступленія и выбытія членовъ;

в) составъ правленія, способъ его образованія и предметы его вѣдѣнія;

г) время и порядокъ созыва общаго собранія членовъ и предметы его вѣдѣнія;

д) порядокъ измѣненія устава.

10. Союзы, означенные въ статьѣ 8-й настоящаго закона, пріобрѣтаютъ права юридическаго лица чрезъ внесеніе ихъ въ реестръ обществъ и союзовъ, открываемый для сего въ вѣдѣніи старшаго нотаріуса.

11. Прошеніе о внесеніи союза въ реестръ (ст. 10) представляется по мѣстонахожденію союза подлежащему старшему нотаріусу лицами, стоящими во главѣ общества, въ числѣ не менѣе трехъ, съ нотаріальнымъ засвидѣтельствованіемъ ихъ законной правоспособности и подлинности подписей и съ приложеніемъ заВѣреннаго ими устава, въ двухъ экземплярахъ. Старшій нотаріусъ препровождаетъ дѣло на заключеніе прокурора, сообщающаго таковое заключеніе письменно въ теченіе не болѣе какъ семи дней, послѣ чего старшій нотаріусъ, удостовѣрившись въ соблюденіи союзомъ всѣхъ предписанныхъ симъ закономъ правилъ и въ достаточной опредѣлительности постановленій устава по предметамъ, означеннымъ въ статьѣ 9-й сего закона, удовлетворяетъ ходатайство, въ чемъ учиняетъ на обоихъ представленныхъ ему экземплярахъ устава соотвѣтствующую надпись и одинъ изъ нихъ возвращаетъ просителямъ.

12. При учиненіи означенной въ статьѣ 11-й надписи старшій нотаріусъ взимаетъ 3 рубля на предметъ напечатанія о семъ объявленія примѣнительно къ ст.ст. 179 и 180 положенія о нотаріальной части.

13. На отказъ старшаго нотаріуса въ удовлетвореніи ходатайства о внесеніи союза въ реестръ жалобы приносятся въ общемъ порядкѣ и разрѣшаются подлежащими судебными мѣстами не иначе, какъ по выслушаніи заключенія прокурора (ст.ст. 343—347 уст. гражд. суд.).

14. По дѣламъ, въ ст. 11 и 13 означеннымъ, прокуроръ имѣетъ право приносить протесты на постановленія старшаго нотаріуса и на опредѣленія судовъ съ соблюденіемъ сроковъ и порядка, для жалобъ частныхъ лицъ постановленныхъ.

15. Изъ реестра старшимъ нотаріусомъ выдаются въ случаѣ надобности правительственнымъ установленіямъ, должностнымъ и частнымъ лицамъ справки по ихъ о томъ заявленіямъ и просьбамъ.

16. Союзъ, внесенный въ реестръ, признается юридическимъ лицомъ и можетъ отъ своего имени пріобрѣтать и отчуждать права по имуществамъ, между прочимъ право собственности и другія права на недвижимыя имѣнія, принимать на себя обязательства, искать и отвѣчать на судѣ. Въ уставѣ можетъ быть указано назначеніе, которое должно получить принадлежащее обществу имущество въ случаѣ прекращенія союза.

17. О всякомъ измѣненіи устава союза по перечисленнымъ въ статьѣ 9-й предметамъ союзъ заявляетъ старшему нотаріусу для отмѣтки въ реестрѣ въ порядкѣ ст. 11—14.

18. Союзы, имѣющіе своею цѣлью полученіе прибыли отъ веденія какого либо хозяйственнаго предпріятія (товарищества и компаніи), пріобрѣтаютъ права юридическаго лица въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ.

Законопроэктъ о неприкосновенности членовъ Государственной Думы.

(887)

Имѣемъ честь просить о внесеніи въ Государственную Думу законодательныхъ предположеній по вопросу о неприкосновенности членовъ Государственной Думы.

Ст. 1. Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ члена Государственной Думы во время сессій допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія Государственной Думы, по особому каждый разъ ея постановленію.

Ст. 2. (взамѣнъ ст. 15 и 16 учр. Гос. Думы). Членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по постановленію судебной власти, съ предварительнаго разрѣшенія Государственной Думы. Изъ сего исключаются случаи задержанія члена Государственной Думы при самомъ совершеніи или тотчасъ по совершеніи преступленія. Но въ этомъ случаѣ Государственная Дума должна быть немедленно увѣдомлена о послѣдовавшемъ задержаніи, при чемъ отъ нея зависитъ утвердить или наоборотъ отмѣнить сдѣланное распоряженіе о задержаніи.

Члены Государственной Думы не подлежатъ личному задержанію за долги.

Ст. 3. Возникшее до открытія сессіи уголовное преслѣдованіе противъ члена Государственной Думы, а равно дѣйствіе всякаго рода постановленій о лишеніи его свободы пріостанавливается по открытіи сессіи, впредь до разрѣшенія Думы.

Ст. 4. (въ измѣненіе ст. 22 учр. Гос. Думы). Правила, установленныя въ ст. 1—3, соблюдаются и при привлеченіи членовъ

Государственной Думы къ отвѣтственности въ порядкѣ, установленномъ ст. 22 учр. Гос. Думы, за преступленія, совершенныя при исполненіи, или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію. Подписали члены Государственной Думы: 1) Влад. Набоковъ, 2) Г. Іолосъ, 3) А. Ледницкій, 4) Ф. Родичевъ, 5) Г. Шершеневичъ, 6) С. Розенбаумъ, 7) Ш. Левинъ, 8) Ник. Гредескулъ, 9) Л. Ясиопольскій, 10) Ф. Кокошкинъ, 11) М. Винаверъ, 12) А. Ломшаковъ, 13) Ив. Петрункевичъ, 14) Н. Карѣевъ, 15) Е. Щепкинъ, 16) А. Савельевъ, 17) М. Кутомановъ, 18) В. Якушкинъ, 19) М. Гудилинъ, 20) П. Сафоновъ, 21) Зах. Френкель, 22) В. Долженковъ, 23) П. Быстровъ, 24) А. Васильевъ, 25) К. Черносвитовъ, 26) М. Коммисаровъ, 27) Л. Сицинскій, 28) М. Гужовскій, 29) Д. Скульскій, 30) К. Некрасовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ

съ изложеніемъ основныхъ положеній законопроекта о печати.

Нижеподписавшіеся просятъ Государственную Думу признать необходимымъ изданіе закона о печати, дѣйствительно обезпечивающаго свободу печатнаго слова, безъ которой невозможны ни гражданская свобода, ни развитіе матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ народа.

Нынѣ дѣйствующія временныя правила 24 ноября 1905 года ставятъ печатное слово въ положеніе, не соотвѣтствующее его значенію, какъ орудія культурнаго и политическаго прогресса, и въ практическомъ своемъ осуществленіи деморализующимъ образомъ вліяютъ на администрацію и на судъ. Отношеніе къ печати ставится въ зависимость отъ случайныхъ теченій и политическихъ вліяній въ то время, какъ единственными руководящими началами должны быть свобода и право. Нынѣ дѣйствующія правила оставляютъ на старыхъ основаніяхъ полицейской опеки столь важные для свободнаго развитія народа промыслы, какъ книгопечатаніе, открытіе библіотекъ и продажу печатныхъ произведеній. Наконецъ, по отношенію къ иностраннымъ произведеніямъ печати остается еще въ силѣ дѣйствіе цензурнаго устава, вслѣдствіе чего сочиненія, свободно обращающіяся въ русскихъ переводахъ, оказываются запрещенными въ оригиналѣ (Геккель, Лассаль, Ренанъ и многія другія).

Исходя изъ убѣжденія, что только полная свобода печати соотвѣтствуетъ потребностямъ и достоинству свободной страны, что только при полной свободѣ слова печать можетъ исполнить свое высокое культурное назначеніе, настоящій законопроектъ не допускаетъ иныхъ ограниченій печатнаго слова, кромѣ такихъ,

которыя диктуются безусловными требованіями общей свободы и гражданскаго быта. Никакія другія ограниченія, кромѣ установленныхъ этимъ закономъ, не должны существовать для печати. Въ тѣхъ немногихъ ограничительныхъ случаяхъ, которые нынѣшнимъ закономъ предусмотрѣны, рѣчь идетъ преимущественно о защитѣ интимной, личной жизни гражданъ, вторженіе въ которую представляло бы собою грубое злоупотребленіе свободой не въ общественныхъ интересахъ, а по низменнымъ мотивамъ. За исключеніемъ этихъ случаевъ и рѣдкаго случая, вызываемаго исключительными международными условіями (ст. 8 проекта), для печати ничего не запрещено, не указано ничего такого, чего печать не могла бы касаться. Предоставляя печати должную свободу, проектъ по отношенію къ отвѣтственности ея устанавливаетъ, что преступленія печати подлежать лишь компетенціи суда присяжныхъ. Этого требуютъ одинаково интересы правосудія, общаго блага и самой печати. Печальный опытъ нынѣшней судебной практики показываетъ, что коронный судъ не остается свободнымъ отъ административнаго воздѣйствія, когда ему приходится рѣшать дѣла о закононарушеніяхъ, связанныя съ политическими и соціальными идеями, съ борьбой партій и классовъ. Страна должна имѣть увѣренность, что законъ о печати будетъ примѣняться согласно требованіямъ народной совѣсти, а не тѣхъ лицъ и партій, въ рукахъ которыхъ будетъ находиться политическая власть. По отношенію къ періодической печати проектъ отказывается отъ дѣйствующей еще въ нѣкоторыхъ странахъ системы регистраціи и признаетъ право изданія и распространенія газетъ и журналовъ столь же всеобщимъ и непотребующимъ увѣдомленія какого-либо административнаго учрежденія, какъ право занятія всякимъ другимъ промысломъ. Требованіемъ подписи редактора-издателя и типографіи удовлетворяется необходимость въ указаніи отвѣтственныхъ лицъ на случай правонарушенія. Основное начало всего проекта то, что за правонарушеніе отвѣчаютъ лица, а не изданія; оно нашло свое выраженіе въ ст. 12, категорически отрицающей не только за администраціей, но и за судомъ право пріостанавливать или запрещать какое-либо изданіе. Редакторъ или авторъ статьи могутъ совершить сами тяжкое преступленіе путемъ печати, но его совершили именно лица, а не газета или журналъ, и если данный нумеръ изданія, какъ орудіе преступленія, постановленіемъ суда можетъ быть уничтоженъ, то ничто не оправдываетъ запрещенія слѣдующихъ нумеровъ того же изданія еще до появленія ихъ въ свѣтъ. Вообще же законодательства, дѣйствительно осуществившія свободу печати, давно отказались отъ идеи, что можно пріостанавливать или запрещать періодическое изданіе, какъ таковое, составляющее частную или общественную собственность. Нѣкоторые европейскіе законы о печати разрѣшаютъ, однако, предварительную конфискацію отдѣльныхъ нумеровъ изданія, дающихъ поводъ къ судебному преслѣдованію. Настоящій проектъ предварительную

конфискацію совершенно устраняетъ, исходя изъ опыта русской жизни, съ которой приходится считаться и законодательству конституціонной Россіи. Возможность административнаго произвола и судебнаго пристрастія болѣе опасны, чѣмъ тѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ распространенія печатнаго произведенія, хотя бы и заключающаго въ себѣ преступное содержаніе. Къ тому же конфискація и въ практическомъ своемъ значеніи рѣдко оказывается удобоисполнимой, такъ какъ значительная часть инкриминируемаго выпуска расходится до распоряженія прокурора, оставшаяся же укрывается и продается тайно по болѣе высокой цѣнѣ. Въ частности по отношенію къ порнографическимъ изданіямъ борьба путемъ конфискаціи почти никогда не достигаетъ цѣли и во всякомъ случаѣ менѣе дѣйствительна, чѣмъ судебная репрессія и вліяніе общественнаго мнѣнія. По отношенію къ иностраннымъ изданіямъ проектъ не счелъ нужнымъ прибѣгать къ какимъ-либо стѣсненіямъ, выходящимъ за предѣлы законныхъ гарантій свободы слова. Предоставляемое французскимъ и германскимъ законами о печати совѣту министровъ и отдѣльнымъ министрамъ право запрещать въ извѣстныхъ случаяхъ иностранныя изданія къ обращенію въ странѣ представляется нежелательнымъ. До измѣненія уголовнаго уложенія 1903 г. относительно политическихъ преступленій, законопроектъ счелъ совершенно невозможнымъ сохраненіе дѣйствія 129 ст. улож. для преступленій, совершенныхъ путемъ печати. Взамѣнъ ея внесена ст. 26, предусматривающая наказанія, не выходящія при томъ изъ сферы custodia honesta, для тѣхъ дѣяній при посредствѣ печати, которыя квалифицируются, какъ прямой призывъ ко всякаго рода насилію. Трбованіемъ, чтобы такіе призывы были прямо выражены и чтобы въ нихъ заключалось явное намѣреніе учиненія тяжкихъ преступленій, прямо въ законѣ указанныхъ, и подчиненіемъ всѣхъ преступленій по дѣламъ печати суду присяжныхъ, законъ устраняетъ возможность произвола и тенденціозной юстиціи.

ЗАКОНЪ О ПЕЧАТИ.

I. О свободѣ печати.

1. Печать свободна. Цензура отмѣняется безусловно и навсегда. Свобода печати подлежитъ только тѣмъ ограниченіямъ, которыя установлены настоящимъ закономъ.

2. Никакія взысканія за нарушеніе правилъ о печати не могутъ быть налагаемы иначе, какъ въ судебномъ порядкѣ. Преступныя дѣянія, совершенныя путемъ печати, за исключеніемъ дѣлъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, или не иначе, какъ по жалобамъ, сообщеніямъ или объявленіямъ потерпѣвшаго, а также нарушенія правилъ о печати, подлежатъ вѣдѣнію суда присяжныхъ.

3. Всякое произведеніе печати, за исключеніемъ запрещенныхъ приговоромъ суда, подлежитъ свободному обращенію въ странѣ и безпрепятственному распространенію.

4. Книгопечатаніе и книготорговля свободны. Открытіе типографій, литографій, металлографій и иныхъ заведеній для тисненія буквъ и изображеній, а равно открытіе заведеній, производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія, подлежитъ только тѣмъ ограниченіямъ, которыя установлены нынѣ или могутъ быть установлены впредь промысловымъ законодательствомъ вообще для промышленныхъ заведеній или личныхъ промысловыхъ занятій.

II. О произведеніяхъ печати вообще.

5. Къ произведеніямъ печати, подлежащимъ дѣйствію настоящаго закона, относятся размножаемыя механическимъ или химическимъ способами книги, брошюры, повременныя изданія, отдѣльные листы или ноты, изображенія, чертежи, планы и карты.

6. На каждомъ выходящемъ въ свѣтъ произведеніи печати должны быть обозначены фирма и адресъ заведенія для тисненія въ типографіи, литографіи, металлографіи, въ коемъ означенное произведеніе отпечатано.

Настоящее правило не примѣняется къ произведеніямъ, служащимъ цѣлямъ промышленности и торговли или домашняго и общественнаго обихода, какъ то: къ циркулярамъ, прейсъ-курантамъ и т. п., а также къ избирательнымъ бюллетенямъ, если они соотвѣтствуютъ формѣ, установленной закономъ или правительственнымъ распоряженіемъ.

7. Содержатели заведеній для тисненія представляютъ черезъ начальника мѣстной полиціи въ двухнедѣльный срокъ по два экземпляра каждаго произведенія, а равно каждаго нумера, или выпуска повременнаго изданія для Императорской публичной библіотеки, и по одному экземпляру для Императорской Академіи Наукъ, и для Московскаго публичнаго Румянцевскаго музея.

8. Въ виду угрожающей или уже наступившей войны Предсѣдателю Совѣта Министровъ предоставляется право воспрещать обнародованіе свѣдѣній, касающихся передвиженія войскъ и средствъ обороны.

9. По дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не допускается до представленія доказательствъ достовѣрности позорящаго обстоятельства (диффамація), пренія, происходившія въ судѣ, хотя бы и публично, не подлежатъ обнародованію. Жалобщику предоставляется право обнародованія своей первоначальной жалобы. Воспрещеніе, установленное настоящей статьей, не распространяется на судебный приговоръ.

10. По дѣламъ, производящимся при закрытыхъ дверяхъ присутствія, могутъ быть печатаемы только резолютивныя части постановленныхъ судомъ приговоровъ.

III. О повременныхъ изданіяхъ въ особенности.

11. Повременными изданіями считаются газеты и журналы, выходящіе въ свѣтъ подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ съ послѣдовательной нумераціей, не рѣже двухъ разъ въ годъ.

Примѣчаніе. Правила, установленныя настоящимъ закономъ для повременныхъ изданій, не распространяются на изданія Государственной Думы, городскихъ и земскихъ учрежденій, ученыхъ обществъ и на выходящія періодически въ свѣтъ сообщенія, предназначенныя исключительно для редакцій повременныхъ изданій.

12. Повременныя изданія не могутъ быть пріостанавливаемы или запрещаемы навсегда ни въ административномъ, ни въ судебномъ порядкѣ.

13. На каждомъ нумерѣ или книжкѣ повременнаго изданія должны быть напечатаны, кромѣ обозначенія фирмы и адреса типографіи, фамилія издателя и отвѣтственнаго редактора, а также адресъ редакціи.

14. Отвѣтственными редакторами повременныхъ изданій не могутъ быть лица, не имѣющія постояннаго пребыванія въ Россіи, не достигшія совершеннолѣтняго возраста или ограниченныя въ правахъ по приговору суда.

15. Отвѣтственный редакторъ повременнаго изданія обязанъ безотлагательно напечатать, безъ всякихъ измѣненій и примѣчаній въ текстѣ, сообщенныя ему заинтересованнымъ правительственнымъ учрежденіемъ или частнымъ лицомъ фактическія опроверженія и исправленія обнародованныхъ имъ извѣстій.

Означенныя опроверженія и исправленія должны быть напечатаны тѣмъ же шрифтомъ и въ томъ же отдѣлѣ, какъ и первоначальное извѣстіе, и при томъ безплатно, если занимаютъ мѣсто не болѣе, какъ вдвое противъ сообщенія, на которое служатъ отвѣтомъ.

Опроверженія и исправленія должны быть подписаны заинтересованнымъ учрежденіемъ или лицомъ.

IV. О произведеніяхъ печати, издаваемыхъ заграницей.

16. Произведенія печати, изданныя за границей, за исключеніемъ запрещенныхъ приговоромъ суда, допускаются къ свободному обращенію въ предѣлахъ Имперіи.

V. О взысканіяхъ, налагаемыхъ за нарушеніе правилъ о печати.

17. Виновный въ нарушеніи правилъ, установленныхъ ст. ст. 6 и 13, наказывается:

денежною пенею не свыше 300 рублей.

Если означенное нарушеніе содѣяно путемъ напечатанія завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ не свыше 6 мѣсяцевъ.

18. Виновный въ нарушеніи правила, установленнаго ст. 7, наказывается, помимо взысканія стоимости недоставленныхъ экземпляровъ, денежною пенею не свыше 50 рублей.

19. Виновный въ нарушеніи правилъ, установленныхъ ст. ст. 8, 9 и 10, наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ срокомъ до одного года или арестомъ и денежною пенею не свыше 500 рублей.

20. Виновный въ нарушеніи правила, установленнаго ст. 14, наказывается денежною пенею не свыше 300 рублей.

21. Виновный въ нарушеніи правила, установленнаго ст. 15, наказывается денежною пенею:

для изданій, выходящихъ ежедневно, не свыше 25 рублей, а для изданій, выходящихъ рѣже—не свыше 100 рублей за каждый нумеръ, вышедшій съ того дня, когда означенныя въ помянутыхъ статьяхъ опроверженія и исправленія могли быть напечатаны, и до дня ихъ напечатанія въ изданіи.

Тому же наказанію подлежитъ виновный въ ненапечатаніи судебнаго приговора или опредѣленія, подлежащихъ обязательному напечатанію въ изданіи.

22. Виновный въ напечатаніи или выпускѣ въ обращеніе завѣдомо запрещеннаго по приговору суда произведенія печати, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ или денежною пенею не свыше 300 рублей.

23. Виновный въ храненіи для продажи, въ продажѣ или въ иномъ распространеніи произведенія печати, завѣдомо запрещеннаго къ обращенію по приговору суда, наказывается:

денежною пенею не свыше 300 рублей.

24. Гл. V, раз. VIII, отд. I и II, ст. 1004—1048 улож. о нак. угол. и испр., по продолж. 1902 г., отмѣняется.

VI. О преступныхъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ путемъ печати.

25. При разсмотрѣніи дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ путемъ печати, примѣняются соотвѣтственныя постановленія уголовнаго уложенія 22 марта 1903 г. съ измѣненіями, указанными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

26. Въ измѣненіе и дополненіе уголовнаго уложенія впредь до общаго его пересмотра:

1) Ст. 128 угол. улож. изложить такъ:

Виновный въ оказаніи дерзостнаго неуваженія Верховной Власти произнесеніемъ или чтеніемъ публично рѣчи или сочиненія, или распространеніемъ, или публичнымъ выставленіемъ сочиненія или изображенія, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ до одного года.

Сверхъ того суду предоставляется сдѣлать постановленіе объ уничтоженіи означеннаго произведенія.

2) Ст. 129 замѣнить статьею нижеслѣдующаго содержанія:

Виновный въ произнесеніи или чтеніи публично рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи, или публичномъ выставленіи произведеній, прямо призывающихъ къ учиненію убійства, разбоя, поджога или одного изъ преступныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ ст.ст. 99, 100, 108 и 109 угол. улож., если сіе учинено съ цѣлью побудить къ совершенію одного изъ сихъ преступленій, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше двухъ лѣтъ. Если же послѣдствіемъ означенныхъ дѣйствій было совершеніе одного изъ указанныхъ преступленій, то виновный, если не подлежитъ болѣе строгому наказанію, какъ соучастникъ, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше пяти лѣтъ.

3) Ст. 309 п. 1 отмѣнить.

VII. О порядкѣ производства дѣлъ по преступнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ путемъ печати.

27. Дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ путемъ печати, назначаются къ слушанію внѣ очереди.

28. Правила о судопроизводствѣ по нарушеніямъ постановленій о печати (кн. III разд. IV гл. II отд. I уст. угол. судопр. ст. 1213[1]—17) отмѣняются.

1) Г. Іоллосъ, 2) Влад. Набоковъ, 3) П. Новгородцевъ, 4) Максимъ Ковалевскій, 5) С. Котляревскій, 6) М. Герценштейнъ, 7) И. Петрункевичъ, 8) Шольцъ, 9) А. Свѣчинъ, 10) Д. Протопоповъ, 11) Г. Костромитиновъ, 12) А. Хрущовъ, 13) М. Острогорскій, 14) М. Коммиссаровъ, 15) Ф. Штейнгель, 16) Строгановъ, 17) Родичевъ, 18) Колпаковъ, 19) Г. Шершеневичъ, 20) Н. Карѣевъ, 21) П. Виноградовъ, 22) Обнинскій, 23) А. Мухановъ, 24) С. Алкинъ, 25) А. М. Топчибашевъ, 26) Джантюринъ, 27) Оболенскій, 28) Ф. Татариновъ, 29) М. Шефтель, 30) Н. Гредескулъ, 31) Л. Сицинскій, 32) Н. Ковалевскій, 33) М. Деларю, 34) Св. К. Афанасьевъ, 35) Н. Огневъ, 36) Л. Петражицкій, 37) К. П. Долгоруковъ, 38) А. С. Медвѣдевъ, 39) П. Садыринъ, 40) В. Нечаевъ, 41) С. Ложкинъ, 42) М. Масленниковъ, 43) Н. Ромашовъ, 44) Г. Брукъ.

Прим. Законопроэкты о свободѣ совѣсти, о безплатныхъ школахъ грамоты, народныхъ библіотекахъ и читальняхъ и проэктъ измѣненій въ дѣйствующемъ законѣ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ не помѣщены здѣсь, такъ какъ не были опубликованы ни въ стенографическомъ отчетѣ, ни въ печати и полнаго текста ихъ не было въ распоряженіи издателя книги.

Прил. 11.

Распредѣленіе членовъ Думы по партіямъ.

Въ половинѣ мая *)		Къ концу сессіи **)	
К.-Демократ. партія	153	К.-Демократ. партія	172
Демократ. реформъ	4	Демократ. реформъ	5
Трудовая группа.	107	Трудовая группа.	96
Автономисты (съ польскимъ коло)	63	Соціалъ-демократы	19
		Автономисты	24
		Польское коло.	36
Союзъ 17 октября	13		
Умѣренно-прогрессивн.	2	Мирное обновленіе.	35
Торгово-промышлен.	1	Безпартійные правые.	92
Безпартійныхъ.	105	Неизвѣстной партіи	8
	448		487

Трудовая группа въ маѣ распредѣлялась такъ:

Соціалистовъ-революціонеровъ	2
Соціалъ-демократовъ и близкихъ къ нимъ.	10
Крестьянскаго союза	9
Соціалистовъ внѣ партій	7
Радикальной партіи	1
Свободомыслящихъ.	2
Лѣвѣе к.-д.	18
Автономисты (2 еврея, 4 украинца, 1 литовецъ и 1 казакъ)	8
Безпартійные (по ихъ заявленію)	21
Прочихъ (безъ отмѣтокъ болѣе опредѣленныхъ)	27
Итого	107

*) Бородинъ—Государственная Дума въ цифрахъ, стр. 37.
**) Вѣстникъ народной свободы 1907 г. № 4, 200.

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . . 1.
I. Дума и революція . . . . . 3.
II. Выборная кампанія . . . . . 8.
III. Открытіе Думы . . . . . 15.
IV. Разрывъ съ министерствомъ . . . . . 23.
V. Рабочій періодъ Думы . . . . . 31.
VI. Бурный періодъ Думы . . . . . 47.
VII. Конецъ Думы. . . . . 67.
VIII. Тактика Думы . . . . . 81.
IX. Партія народной свободы въ Думѣ . . . . . 102.
X. Трудовая группа . . . . . 115.
XI. Правые въ Думѣ . . . . . 133.
XII. Заключеніе . . . . . 139.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Тронная рѣчь Государя Императора . . . . . 145.
2. Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь. . . . 146.
3. Декларація совѣта министровъ. . . . . 150.
4. Резолюція Государственной Думы. . . . . 155.
5. Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу . . 156.
6. Контръ-сообщеніе Г. Думы . . . . . 162.
7. Высочайшій манифестъ 9 іюля. . . . . 163.
8. Матеріалы по аграрному вопросу . . . . . 165.
9. Законопроэкты, принятые Государств. Думою . . . . 177.
10 Законопроэкты, внесенные въ Госуд. Думу. . . . . 178.
11. Распредѣленіе партій . . . . . 201.

К.У.Т.Т.
им. Сталина